

Е. С. Истрина

Руководство по исторіи русскаго языка

ПЕТРОГРАДЪ
Изданіе Я. Башмакова и К°.
1915.

[illegible]

РУКОВОДСТВО

къ исторіи

РУССКАГО ЯЗЫКА

[illegible]

[illegible]

Е. С. ИСТРИНА.

РУКОВОДСТВО
ПО ИСТОРІИ
РУССКАГО ЯЗЫКА

СЪ ХРЕСТОМАТІЕЙ, СНИМКАМИ СЪ ДРЕВНИХЪ РУКОПИСЕЙ И ДВУМЯ КАРТАМИ ВЪ КРАСКАХЪ.

Цѣна въ обложкѣ 75 к., въ переплетѣ 90 к.

ПЕТРОГРАДЪ.
Изданіе Я. БАШМАКОВА и К°.
1915.

Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).
Напечатано 5.000.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Появленіе настоящаго «Руководства по исторіи русскаго языка» связано въ значительной степени съ програмой по русскому языку, напечатанной въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» въ іюлѣ 1912 г. Однако, настоящее Руководство назначается для учащихся старшихъ и въ частности— педагогическихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній, а потому является нѣсколько болѣе обширнымъ по содержанію и болѣе серьезнымъ по изложенію; особенно это касается послѣдней—V главы «Исторія образованія нарѣчій и литературнаго языка».

Въ послѣдніе два года появилось нѣсколько учебныхъ руководствъ, отвѣчающихъ на указанную програму. Всѣ эти руководства, въ томъ числѣ и настоящее, являются опытами въ разрѣшеніи серьезной задачи — ознакомленія учащихся средней школы съ исторіей родного языка. Но это—опыты теоретическіе. Теперь предстоитъ слѣдующій шагъ—практическій опытъ преподавателей и связанная съ нимъ педагогическая литература. Практическій опытъ и педагогическая литература внесутъ, несомнѣнно, немало существенныхъ указаній, и только съ ихъ помощью новая задача можетъ быть удовлетворительно рѣшена.

Руководство излагаетъ исторію русскаго языка съ цѣлью выясненія зависимости современнаго состоянія языка отъ условій его историческаго развитія. На основаніи этого, тѣ явленія старославянскаго и древне-русскаго языковъ, которыя не имѣли въ историческомъ развитіи русскаго языка существеннаго значенія, опущены въ Руководствѣ; таково, наприм., дѣленіе глаголовъ на классы.

Грамматическіе факты и термины, извѣстные прошедшимъ элементарный курсъ грамматики русскаго языка, не разъясняются въ Руководствѣ; таковъ, наприм., фактъ дѣленія глаголовъ на глаголы I спряженія и глаголы II спряженія, термины «основа», «суффиксъ» и т. п.

Система русскаго правописанія, а нерѣдко и ученіе школьныхъ учебниковъ грамматики, внушаютъ учащимся неясныя и даже невѣрныя представленія объ отношеніи живого языка къ письму, звука къ буквѣ. Чтобы съ большей убѣдительностью поколебать эти привычныя представленія, вопросъ объ отношеніи письма къ живому произношенію выясняется въ Руководствѣ постепенно, въ связи съ исторіей звуковъ и исторіей правописанія.

Въ образцахъ народныхъ говоровъ, взятыхъ изъ различныхъ печатныхъ записей, удерживается въ общемъ правописаніе оригинала; поэтому, система записей не однообразна. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ правописаніе оригинала нѣсколько упрощено; такъ наприм., буква һ всюду замѣнена буквой г, j (въ образцѣ № 3) опущенъ и т. п.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

СТРАН.

IV.

СТРАН.

I.

РУССКІЙ ЯЗЫКЪ И ЕГО НАРѢЧІЯ.

§ 1. Въ первопрестольной Москвѣ и въ Петроградѣ, въ центральныхъ губерніяхъ Россіи и на ея окраинахъ, въ холодной далекой Сибири и у береговъ Чернаго моря—всюду слышится русская рѣчь. Она слышится въ государственныхъ учрежденіяхъ и въ частныхъ домахъ, въ устахъ простого неграмотнаго человѣка и въ устахъ образованнѣйшихъ людей страны. Красота и богатство ея отражаются въ лучшихъ произведеніяхъ русскихъ писателей и въ звукахъ народныхъ пѣсенъ. Русскій языкъ.

Такое широкое распространеніе имѣетъ русскій языкъ въ настоящее время. Но если мы обратимся къ прошлой жизни русскаго народа, то и въ ней найдемъ тотъ же русскій языкъ. На немъ говорили наши предки во времена Петра Великаго и Іоанна Грознаго, на немъ говорили первые русскіе князья и ихъ дружина, бояре, горожане и сельчане; на немъ писали благочестивые монахи русскія лѣтописи, а дьяки—приказы.

§ 2. Если послушать, какъ говорятъ въ настоящее время разные русскіе люди въ разныхъ мѣстахъ Россіи, то легко замѣтить, что русскій языкъ не у всѣхъ и не вездѣ одинаковъ. Литературный языкъ, нарѣчія и говоры.

Во-первыхъ: языкъ образованнаго человѣка отличается отъ языка простолюдина. Языкъ, которымъ говорятъ образованные люди, называется литературнымъ языкомъ. Литературный языкъ слышится въ городахъ, въ государственныхъ учрежденіяхъ, съ театральной сцены; на

немъ пишутся книги; онъ изучается въ школѣ, и его грамматика излагается въ учебникахъ русскаго языка.

Во-вторыхъ: и языкъ простого народа не вездѣ одинаковъ. Въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи онъ имѣетъ много различій въ произношеніи, въ склоненіи и спряженіи, въ употребленіи тѣхъ или другихъ словъ.

Когда намъ приходится слышать человѣка, который, хотя говоритъ по-русски, но произноситъ нѣкоторые звуки не такъ, какъ произносимъ ихъ мы сами, или употребляетъ непривычныя или даже иногда непонятныя для насъ слова, или ставитъ иначе, чѣмъ мы, ударенія,—мы тотчасъ догадываемся, что этотъ человѣкъ—пріѣзжій. Такимъ образомъ, мы знаемъ въ общемъ, что не во всей Россіи русскіе люди говорятъ одинаково. Однако, только тотъ, кто много путешествуетъ и прислушивается къ народной рѣчи, или кто изучаетъ ее по записямъ и книгамъ, можетъ представить себѣ все ея разнообразіе. Языкъ очень небольшой мѣстности, часто даже отдѣльнаго села или деревушки имѣетъ свои отличительныя черты, которыхъ не слышно уже въ сосѣднихъ деревняхъ.

Языкъ какой-нибудь мѣстности, имѣющій свои особенности, называется говоромъ. Отдѣльные мелкіе говоры очень многочисленны и разнообразны. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ главныхъ своихъ чертахъ они имѣютъ между собой много сходства. По степени своего сходства говоры соединяются въ бо́льшія или меньшія группы. Всѣ многочисленные и разнообразные говоры русскаго языка образуютъ три большія группы: Великорусское, Бѣлорусское и Малорусское нарѣчія.

Съ различіемъ нарѣчій и говоровъ русскаго языка можно сопоставить различіе въ бытѣ. Способы постройки домовъ, домашняя утварь, одежда, пища, обычаи, пѣсни, танцы также различаются въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Деревянныя избы великороссовъ, выстроенныя въ рядъ, съ окнами на улицу, замѣтно отличаются отъ бѣлѣющихъ въ безпорядкѣ, среди вишневыхъ садовъ, малорусскихъ каменныхъ хатъ. Великорусскія мужскія рубахи «косоворотки» и кафтаны, женскіе сарафаны и душегрѣйки отличаются отъ простой одежды бѣлоруссовъ, преимущественно бѣлаго цвѣта, и отъ вышитыхъ рубахъ, пестрыхъ «плахтъ» (родъ юбки у женщинъ) и широкихъ шароваровъ у малороссовъ. Кромѣ того, среди отдѣльныхъ небольшихъ мѣстностей встрѣчаются и

болѣе мелкія различія въ покроѣ и цвѣтѣ одежды, въ женскихъ головныхъ уборахъ и т. п.

Примѣчаніе. Названія языкъ, нарѣчіе, говоръ не обозначаютъ строго опредѣленныхъ понятій. Слово языкъ можетъ обозначать и языкъ одного человѣка и языкъ цѣлаго народа. Въ общемъ, говоръ обозначаетъ меньшую величину сравнительно съ нарѣчіемъ, а нарѣчіе—меньшую, чѣмъ языкъ. Но говорятъ: «Московскій говоръ» и «Московское нарѣчіе», «Бѣлорусское нарѣчіе» и «Бѣлорусскій языкъ».

§ 3. Великорусское нарѣчіе—самое распространенное нарѣчіе русскаго языка: на немъ говорятъ около 70 милліоновъ людей, занимающихъ сѣверныя и центральныя губерніи Россіи, Поволжье, Пріуралье и Сибирь (см. I карту). Всѣ Великорусскіе говоры имѣютъ, конечно, много общихъ чертъ, почему и составляютъ одно Великорусское нарѣчіе. Но въ то же время Великорусскіе говоры раздѣляются на двѣ группы: сѣверную и южную. Между этими группами замѣчаются довольно крупныя различія. Группы эти называются Сѣверно-великорусскимъ поднарѣчіемъ и Южно-великорусскимъ поднарѣчіемъ. Великорусское нарѣчіе.

§ 4. Сѣверно-великорусское поднарѣчіе слышится въ сѣверныхъ и приволжскихъ губерніяхъ Европейской Россіи и въ Сибири (см. I карту). Сѣверно-великорусское поднарѣчіе.

Оно слышится въ губерніяхъ: Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Петроградской, Новгородской, Ярославской, Костромской, Вятской, Пермской, Казанской, Уфимской, Оренбургской, Самарской; частію оно слышится и въ Псковской, Тверской, Московской, Владимірской, Нижегородской, Симбирской, Пензенской, Саратовской и Астраханской губерніяхъ, гдѣ оно граничитъ съ Южно-великорусскимъ поднарѣчіемъ. Затѣмъ, Сѣверно-великорусское поднарѣчіе распространяется далѣе на востокъ и переходитъ за Уральскія горы въ Сибирь. Здѣсь великорусскія поселенья смѣшиваются съ инородческими, и опредѣлить границы говоровъ трудно.

Главнѣйшими отличительными особенностями Сѣверно-великорусскаго поднарѣчія являются слѣдующія:

1) Оканье. Оканьемъ называется особенность языка, которая состоитъ въ отчетливомъ и ясномъ произношеніи звука **о**.

Въ русскомъ литературномъ языкѣ звукъ **о** произносится ясно только тогда, когда на него падаетъ удареніе: до́брый, ло́дка. Безударное же **о** произносится почти какъ **а**: вада́, маро́зъ, акно́ (сравни о́кна). Но сѣверные великоруссы ясно произносятъ звукъ **о** и въ тѣхъ случаяхъ, когда на него удареніе не падаетъ: вода́, моро́зъ, хорошо́ и т. д. Поэтому, про сѣверныхъ великоруссовъ говорятъ, что они о́каютъ, а Сѣверно-великорусское поднарѣчіе называютъ о́кающимъ поднарѣчіемъ.

2) Если звукъ, который обозначается буквою **е**, находится передъ твердымъ согласнымъ или въ концѣ слова, то онъ произносится въ Сѣверно-великорусскомъ поднарѣчіи, какъ **о** (**ё**): лёвъ, жона, вёлъ, вёла, ёлка, стёкло, сёло, платьё, такжо, чотырё.

Но если слѣдующій согласный произносится мягко, то слышится **е** (а не **о**, **ё**): напр. ель (но ёлка), вели (но вёлъ, вёла), женѣ (но жона) и т. п.

3) Звукъ, который обозначается буквою **ѣ**, часто произносится въ Сѣверно-великорусскомъ поднарѣчіи, какъ **и**: обидня (т. е. обѣдня), мисто (т. е. мѣсто), отвитить (т. е. отвѣтить) и т. п.

Примѣчаніе. Въ литературномъ языкѣ буква **ѣ** обозначаетъ такой же звукъ, какъ и буква **е**; такъ напр., слова нѣкогда (когда-то) и некогда (нѣтъ времени) или ѣсть и есть произносятся одинаково.

4) Звуки **ц** и **ч** произносятся очень мягко и смѣшиваются въ большинствѣ Сѣверно-великорусскихъ говоровъ: вмѣсто **ч** во многихъ говорахъ произносится **ц**, напр.: руцей (т. е. ручей), туця (т. е. туча), ноць (т. е. ночь). Въ нѣкоторыхъ говорахъ, наоборотъ, вмѣсто **ц** произносится **ч**, напр.: черковь (т. е. церковь), купечь (т. е. купецъ).

5) Звукъ, обозначаемый буквою **г**, произносится въ Сѣверно-великорусскомъ поднарѣчіи, какъ звукъ взрывный, мгновенный.

Такое мгновенное произношеніе звука **г** слышится и въ русскомъ литературномъ языкѣ.

6) Форма 3 лица Единственнаго и Множественнаго числа Настоящаго (и Будущаго простого) времени имѣетъ въ Сѣверно-великорусскомъ поднарѣчіи на концѣ т твердое, т. е. тъ: идетъ, возьмутъ.

7) Форма Родительнаго падежа Единственнаго числа мужескаго и средняго рода именъ прилагательныхъ и нѣкоторыхъ мѣстоименій оканчивается на во: доброво, синёво, слѣпово, также—тово, ёво, моёво.

§ 5. Южно-великорусское поднарѣчіе слышится въ центральныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, и граничитъ на сѣверѣ и востокѣ съ Сѣверно-великорусскимъ поднарѣчіемъ, на западѣ — съ Бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, на югѣ и юго-западѣ—съ Малорусскимъ нарѣчіемъ (см. I карту). Южно-великорусское поднарѣчіе.

Граница между Южно-великорусскимъ и Сѣверно-великорусскимъ поднарѣчіями проходитъ въ названныхъ уже губерніяхъ (см. § 4). Въ южной части губерній Псковской и Тверской, посерединѣ Смоленской, въ самой западной части Калужской и Орловской и въ сѣверо-восточной части Черниговской губерніи Южно-великорусское поднарѣчіе граничитъ съ Бѣлорусскимъ нарѣчіемъ; въ Черниговской же, Курской, Воронежской губерніяхъ, въ Области войска Донского и по восточной границѣ Кубанской области оно граничитъ съ Малорусскимъ нарѣчіемъ. Кромѣ названныхъ губерній, Южно-великорусское поднарѣчіе занимаетъ губерніи, находящіяся внутри указанныхъ границъ: Тульскую, Рязанскую, Тамбовскую, Ставропольскую и, кромѣ того, часть Самарской (около г. Самары) и часть Казанской.

Главнѣйшими отличительными особенностями Южно-великорусскаго поднарѣчія являются слѣдующія:

1) Аканье. Аканьемъ называется особенность языка, состоящая въ произношеніи неударённаго звука о, какъ а: харашо́, галава́. Говоры, въ которыхъ о безъ ударенія произносится какъ а, называются а́кающими,—и про южныхъ великоруссовъ говорятъ, что они а́каютъ. Этою чертою произношеніе южныхъ великоруссовъ рѣзко отличается отъ произношенія сѣверныхъ великоруссовъ (см. § 4,1).

2) Звукъ, обозначаемый въ литературномъ языкѣ буквами е и ѣ, если на него не падаетъ удареніе, произносится въ Южно-великорусскомъ поднарѣчіи, какъ звукъ, обозначаемый буквами я, а (послѣ шипящихъ и ц), или какъ и; напр.

слова: несла́, перо́, везу́, рѣка́, бѣжа́лъ, жена́ произносятся какъ: нясла́, пяро́, вязу́, ряка́, бяжа́лъ, жана́, или какъ: нисла́, пиро́, визу́, рика́ и т. д.

3) Звукъ, обозначаемый на письмѣ буквою **г**, произносится въ Южно-великорусскомъ поднарѣчіи, какъ длительный звукъ (ср. § 4,5).

4) Звуки **в** и неударенное **у** во многихъ говорахъ Южно-великорусскаго поднарѣчія взаимно мѣняются: говорятъ, напр., узя́лъ вмѣсто взялъ и вкралъ вмѣсто укралъ.

5) Формы 3 лица Единственнаго и Множественнаго числа глаголовъ имѣютъ въ Южно-великорусскомъ поднарѣчіи на концѣ **т** мягкое (**ть**): идеть, возьмуть (ср. § 4,6).

6) Формы Родительнаго падежа Единственнаго числа мужескаго и средняго рода именъ прилагательныхъ и нѣкоторыхъ мѣстоименій оканчиваются во многихъ Южно-великорусскихъ говорахъ на **го, га**; наприм.: яго́ (т. е. его), до́брага, си́няга. Въ другихъ же Южно-великорусскихъ говорахъ эти формы оканчиваются на **во, ва**, напр.: яво́ (т. е. его), до́брава, си́нява (ср. § 4,7).

Примѣчаніе. Окончанія **го, во** въ сильно акающихъ говорахъ бываютъ только подъ удареніемъ: яго́, таво́ (т. е. того).

Черты, общія всему Великорусскому нарѣчію.

§ 6. Такимъ образомъ, каждое изъ Великорусскихъ поднарѣчій имѣетъ свои особенныя черты. Но оба поднарѣчія имѣютъ также общія черты, благодаря которымъ ихъ относятъ къ одному Великорусскому нарѣчію. Черты, общія всему Великорусскому нарѣчію, таковы:

1) Великорусское нарѣчіе имѣетъ звуки **о** и **е**, вмѣсто **ы** и **и**, подъ удареніемъ передъ **й, я, ю, е**; напр.: кро́ю, кро́ешь, кро́й (отъ крыть), бе́й (бить), ле́й (лить), ше́я, руче́й и т. п. Въ Бѣлорусскомъ же и Малорусскомъ нарѣчіяхъ въ этихъ случаяхъ произносятся звуки **ы** и **и**; напр.: кры́ю, кры́ешь, кры́й, бі́й, лі́й, ші́я, ручі́й.

2) Въ связи съ этимъ, имена прилагательныя и нѣкоторыя мѣстоименія въ Именит. пад. Единств. ч. муж. рода имѣютъ въ Великорусскомъ нарѣчіи подъ удареніемъ окончаніе **ой**; наприм.: золото́й, слѣпо́й, друго́й, тако́й. Въ Бѣлорусскомъ же и въ Малорусскомъ нарѣчіяхъ въ этихъ

случаяхъ слышится окончаніе **ый**: золотый, слѣпый, такій.

Примѣчаніе. Если удареніе не падаетъ на окончаніе, то въ Сѣверно-великорусскомъ поднарѣчіи все-таки слышится ой (ѐй): дóброй, у́мной, си́нѣй. Въ Южно-великорусскомъ же поднарѣчіи и въ Бѣлорусскомъ нарѣчіи ой и ей безъ ударенія измѣняются по закону аканья: дóбрай, си́няй. Въ Малорусскомъ нарѣчіи и безъ ударенія слышится **ый**: дóбрый.

3) Имена существительныя мужескаго рода въ Именительномъ падежѣ Множественнаго числа часто имѣютъ окончаніе **á** подъ удареніемъ, напр.: городá, лѣсá, учителя́. Въ Бѣлорусскомъ же и Малорусскомъ нарѣчіяхъ имена существительныя мужескаго рода оканчиваются только на **ы** и **и**: гóроды, лѣ́сы, учи́тели.

4) Если въ именахъ существительныхъ передъ окончаніемъ находятся задненебные звуки **г**, **к**, **х**, то эти звуки въ Великорусскомъ нарѣчіи сохраняются во всѣхъ падежахъ: нога, ногѣ, нóги и т. д. Въ Бѣлорусскомъ же и Малорусскомъ нарѣчіяхъ вмѣсто **г**, **к**, **х** слышатся въ нѣкоторыхъ падежахъ звуки **з**, **ц**, **с**: на нозѣ, въ руцѣ. Точно также и въ формѣ 2-го лица Повелит. наклоненія въ Бѣлорусскомъ и Малорусскомъ нарѣчіяхъ слышатся свистящіе звуки вмѣсто великорусскихъ задненебныхъ; напр.: пеци вмѣсто великорусск. пеки, помози вмѣсто великорусск. помоги.

§ 7. Бѣлорусское нарѣчіе занимаетъ западныя губерніи России (см. I карту). Бѣлорусское нарѣчіе.

Оно слышится въ части Псковской, Тверской, Смоленской, Калужской и Орловской, гдѣ оно граничитъ съ Южно-великорусскимъ поднарѣчіемъ; далѣе—въ части Черниговской, Минской и Гродненской, гдѣ оно граничитъ съ Малорусскимъ нарѣчіемъ, и, наконецъ, въ губерніяхъ Витебской, Виленской и Могилевской. На западѣ Бѣлорусское нарѣчіе граничитъ съ Польскимъ, Латышскимъ и Литовскимъ языками.

Бѣлоруссовъ насчитывается около 7 милліоновъ.

Главнѣйшими отличительными чертами Бѣлорусскаго нарѣчія, кромѣ указанныхъ въ § 6, являются слѣдующія:

1) Аканье. Эта черта сближаетъ Бѣлорусское нарѣчіе съ Южно-великорусскимъ поднарѣчіемъ (см. § 5,1).

2) **д** и **т** тамъ, гдѣ они должны быть мягкими, т. е. на письмѣ передъ **е**, **ѣ**, **и**, **я**, **ю**, **ь**, **ё**, произносятся въ Бѣлорусскомъ нарѣчіи, какъ очень мягкіе **дз**, **ц**: **д** какъ **дз**, напр.: людзи (т. е. люди), хадзи (т. е. ходи); **т** какъ **ц**, напр.: пацяни (т. е. потяни), цёмнай (т. е. темный).

3) Звукъ **г** произносится въ Бѣлорусскомъ нарѣчіи длительно (см. § 5,3).

4) Звукъ **р** произносится всегда твердо; напр.: румка (т. е. рюмка), царá (т. е. царя), ракá (т. е. рѣка).

5) Звуки **в** и неударенное **у** часто смѣшиваются между собою; напр. бѣлоруссы говорятъ удавá вмѣсто вдова, и наоборотъ—вмѣю вмѣсто умѣю (ср. § 5,4).

6) **л** твердое передъ согласными и въ концѣ слова произносится въ Бѣлорусскомъ нарѣчіи, какъ краткое **у** (ў); напр.: воўкъ (вмѣсто волкъ), быў (вмѣсто былъ).

7) Форма 3-го лица глаголовъ оканчивается на **т** мягкое, которое произносится въ Бѣлорусскомъ нарѣчіи, какъ **ц** мягкое; напр.: хóдзиць (хóдитъ), идуць (идутъ) (ср. § 5,5).

8) Имена прилагательныя и нѣкоторыя мѣстоименія въ Родительномъ падежѣ Единственнаго числа мужескаго и средняго рода оканчиваются на **гó**, **га**: ягó (его), сляпóга (слѣпого) (см. § 5,6).

Малорусское нарѣчіе.

§ 8. Малорусское нарѣчіе слышится въ южныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ Россіи (см. I карту).

Оно занимаетъ части Кубанской области, области войска Донского, губерній Воронежской, Курской (гдѣ оно граничитъ съ Южно-великорусскимъ поднарѣчіемъ), далѣе—части Черниговской, Минской, Гродненской (гдѣ оно граничитъ съ Бѣлорусскимъ нарѣчіемъ), части Бессарабской и Таврической (гдѣ малорусское населеніе смѣшивается съ инородческимъ), затѣмъ Екатеринославскую, Харьковскую, Полтавскую, Херсонскую, Кіевскую, Подольскую, Волынскую и Холмскую губерніи. Еще далѣе къ западу оно занимаетъ Прикарпатскія области, именно восточную часть Галиціи, часть Буковины и Угорскую Русь.

Малороссовъ насчитывается около 30 милліоновъ.

Главнѣйшими особенностями Малорусскаго нарѣчія, кромѣ указанныхъ въ § 6, являются слѣдующія:

1) Звуки **и** и **ы** произносятся въ большинствѣ Малорус-

скихъ говоровъ одинаково, почти такъ, какъ великорусское **ы**. Находящіеся же передъ отвердѣвшимъ малорусскимъ **и** согласные звуки произносятся твердо, какъ и передъ **ы**. Такъ, слова лихо, нива, тихій произносятся почти такъ, какъ если бы было написано—лыхо, ныва, тыхый.

2) Такъ же твердо произносятся въ Малорусскомъ нарѣчіи согласные передъ тѣмъ звукомъ, который обозначается буквою **е**. Напр. слова небо, день произносятся почти такъ, какъ если-бы было написано нэбо, дэнь.

3) Въ слогѣ, который оканчивается на согласный, въ большей части Малорусскаго нарѣчія вмѣсто звуковъ **о** и **е** произносится звукъ **і**, передъ которымъ предшествующій согласный смягчается (этотъ звукъ обозначается обыкновенно буквою **і**, въ отличіе отъ отвердѣвшаго **и**). Такъ напр., малороссы вмѣсто волъ говорятъ вілъ, (но вола),

» ножка » ніжка, (но нога),

» дворъ » двіръ, (но двора),

» печь » пічь, (но печи).

Но такое произношеніе встрѣчается не во всѣхъ Малорусскихъ говорахъ. Въ значительной части, именно въ говорахъ Сѣверно-малорусскихъ, **о** и **е** въ такихъ случаяхъ измѣняются не въ **і**, а въ двузвучія **уо**, **іе** и т. п., напр.: вуолъ, піечь.

Примѣчаніе. Бѣглые **о** и **е** не измѣняются въ **і**: сонъ (сна), день (дня). Не происходитъ измѣненія также въ полногласныхъ формахъ: холодъ, морозъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. (См. далѣе, § 20,2).

4) Звукъ, который обозначается буквою **ѣ**, произносится въ большей части Малорусскаго нарѣчія, а именно въ Южномалорусскихъ говорахъ, какъ **і**; напр.: обідъ (обѣдъ), вінокъ (вѣнокъ), річка (рѣчка). Въ говорахъ же Сѣверномалорусскихъ **ѣ** произносится, какъ двузвучіе **іе**: обіедъ, віено́къ, ріека́.

5) Въ случаяхъ, гдѣ **о** не переходитъ въ **і**, оно произносится ясно, хотя-бы на него и не падало удареніе;

такимъ образомъ, Малорусское нарѣчіе есть нарѣчіе окающее.

6) г произносится въ Малорусскомъ нарѣчіи, какъ длительный звукъ (см. § 5,3, § 7,3).

7) Звуки в и неударенное у часто смѣшиваются между собою; малороссы говорятъ, напр., у село вмѣсто въ село и, наоборотъ, вдарила вмѣсто ударила (см. § 5,4 и § 7,5).

8) л твердое передъ согласнымъ или въ концѣ слова произносится, какъ краткое у (ў) или какъ в; напр.: ходиў вмѣсто ходилъ, воўкъ вмѣсто волкъ, бывъ вмѣсто былъ (см. § 7,6).

9) Звукъ, который обозначается буквою е, находясь передъ твердыми согласными, переходитъ въ Малорусскомъ нарѣчіи въ о (ё) гораздо рѣже, чѣмъ въ другихъ нарѣчіяхъ русскаго языка. Такъ напр., въ Великорусскомъ и Бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ говорятъ: зелёный, весёлый, несётъ, везётъ; въ Малорусскомъ же нарѣчіи эти слова произносятъ такъ: вэсэлый, зэлэный, нэсэ, вэзэ (ср. § 4,2).

10) Форма 3 лица глаголовъ оканчивается въ Малорусскомъ нарѣчіи на т мягкое (т. е. ть): нóсить, нóсять, плáчуть; но глаголы I спряженія въ Единственномъ числѣ во многихъ говорахъ теряютъ это окончаніе, напр.: бере, иде, веде (ср. § 4,6, § 5,5, § 7,7).

11) Форма Родительнаго падежа Единственнаго числа именъ прилагательныхъ и нѣкоторыхъ мѣстоименій оканчивается на го: доброго, того (ср. § 4,7, § 5,6, § 7,8).

Взаимное сходство нарѣчій русскаго языка.

§ 9. Итакъ, каждое нарѣчіе русскаго языка имѣетъ свои отличительныя особенности. Но въ то же время между отдѣльными нарѣчіями есть много общихъ чертъ.

1) Въ Сѣверно-великорусскомъ поднарѣчіи и въ Малорусскомъ нарѣчіи одинаково встрѣчаются: а) оканье и б) произношеніе ѣ какъ и.

2) Въ Южно-великорусскомъ поднарѣчіи и въ Бѣлорусскомъ нарѣчіи одинаково встрѣчается аканье.

3) Въ Южно-великорусскомъ поднарѣчіи, въ Бѣлорусскомъ и Малорусскомъ нарѣчіяхъ одинаково встрѣчаются: а) длительное произношеніе г, б) мѣна неудареннаго у и в, в) окончаніе 3-го лица глаголовъ на ть, г) окончаніе Родительнаго падежа именъ прилагательныхъ на го.

4) Въ Бѣлорусскомъ и Малорусскомъ нарѣчіяхъ одинаково встрѣчаются: а) звуки ы и и вмѣсто великорусскихъ о и е подъ удареніемъ передъ й, я, ю, е, б) измѣненіе задненебныхъ г, к, х въ склоненіи и т. д. (см. § 6).

Общія черты указываютъ на родственную близость отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій между собою и на принадлежность всѣхъ ихъ къ одному русскому языку.

§ 10. Языкъ образованныхъ людей отличается отъ народныхъ говоровъ и называется литературнымъ языкомъ. Русскій литературный языкъ.

Но въ основѣ русскаго литературнаго языка лежитъ одинъ изъ народныхъ говоровъ, именно: говоръ сердца Россіи — Москвы.

Около Москвы проходитъ граница Сѣверно-великорусскаго и Южно-великорусскаго поднарѣчій, а на границахъ всегда слышатся смѣшанные говоры. Къ тому же, давнишнее первостепенное значеніе Москвы, какъ крупнаго центра, всегда привлекало и привлекаетъ къ ней окрестныхъ жителей—и сѣверныхъ и южныхъ великоруссовъ. Поэтому, Московскій говоръ представляетъ собою соединеніе чертъ Сѣверно-великорусскаго и Южно-великорусскаго поднарѣчій.

Главнѣйшими особенностями русскаго литературнаго языка, въ основѣ котораго лежитъ Московскій говоръ, являются слѣдующія:

1) Черты, общія всему Великорусскому нарѣчію, принадлежатъ и русскому литературному языку (см. § 6):

а) **о** и **е** подъ удареніемъ передъ орѳографическими **й**, **я**, **ю**, **е**; напр.: кр*о́*ю, ш*е́*я;

б) окончаніе именъ прилагательныхъ въ Именительномъ падежѣ Единственнаго числа мужескаго рода на **о́й** подъ удареніемъ; напр.: золот*о́*й;

в) окончаніе именъ существительныхъ мужескаго рода въ Именительномъ падежѣ Множественнаго числа на **а** подъ удареніемъ; напр.: город*а́*;

г) неизмѣняемость въ склоненіи именъ существительныхъ задненебныхъ согласныхъ **г**, **к**, **х**, находящихся передъ окончаніемъ, напр.: рука, руки, рукѣ и т. д.

2) Русскій литературный языкъ принялъ отъ Южно-великорусскаго поднарѣчія аканье. Но литературное аканье умѣреннѣе, благодаря сѣверно-великорусскому вліянію.

3) Звукъ, который изображается буквою **е**, находясь пе-

редъ твердыми согласными или въ концѣ слова, произносится какъ **о** (**ё**) только въ тѣхъ случаяхъ, когда на него падаетъ удареніе; напр.: в é л ъ (но велá), р у ж ь é (но счáстье), к р ы л ь ц ó (но имѣ́ньице). Этою чертою литературное произношеніе сходно съ южно-великорусскимъ и бѣлорусскимъ произношеніемъ (о сѣв.-велик. произношеніи см. § 4,2, о малорусскомъ—§ 8,9).

4) **г** произносится, какъ взрывный звукъ, согласно съ сѣверно-великорусскимъ произношеніемъ. Только въ немногихъ словахъ: Г о с п о д ь, б л а г о, Б о г а слышится въ литературномъ произношеніи длительное **г**.

5) Формы 3-го лица глаголовъ Настоящаго времени (и Будущаго простого) оканчиваются на **т** твердое (**тъ**), согласно съ Сѣверно-великорусскимъ поднарѣчіемъ; напр.: х о д и т ъ, и д е т ъ (см. § 4,6).

6) Формы Родительнаго падежа Единственнаго числа именъ прилагательныхъ мужескаго и средняго рода оканчиваются на **вó** и **ва**; эти же окончанія встрѣчаются въ части Южно-великорусскихъ говоровъ (см. § 5,6); въ окающемъ Сѣв.-великорусскомъ поднарѣчіи бываетъ только окончаніе **во** (см. § 4,7).

Указанными особенностями произношенія русскій литературный языкъ вполнѣ сходится съ Московскимъ говоромъ. Такимъ образомъ, Московское произношеніе сглаживаетъ рѣзкое различіе между двумя Великорусскими поднарѣчіями, а потому оно кажется пріятнымъ для слуха, мягкимъ и чистымъ. Оно звучитъ, точно музыка для тѣхъ, кто живетъ вдали отъ Москвы и не слышитъ обычно такого произношенія. Но такая чистота произношенія сохраняется не у всѣхъ образованныхъ русскихъ людей. На литературный языкъ въ разныхъ мѣстахъ оказываютъ нѣкоторое вліяніе особенности народныхъ говоровъ. Такъ напр., въ устахъ образованныхъ людей, живущихъ среди сѣверныхъ великороссовъ или малороссовъ, аканье ослабѣваетъ и даже переходитъ иногда въ оканье. Въ бѣлорусскихъ и малорусскихъ губерніяхъ **г** часто произносится и образованными людьми, какъ длительный звукъ. Въ бѣлорусскихъ губерніяхъ нерѣдко можно слышать въ

устахъ образованныхъ людей также **дз** и **ц**, вмѣсто мягкихъ **д** и **т**.

Кромѣ того, въ языкъ образованныхъ людей, живущихъ въ провинціи, нерѣдко попадаютъ мѣстныя слова и выраженія, неупотребительныя въ чистомъ литературномъ языкѣ.

Такія слова заимствуются частью изъ мѣстныхъ народныхъ говоровъ, частью изъ языковъ другихъ народностей, населяющихъ данную мѣстность, и называются провинціализмами. Они попадаются даже въ языкѣ писателей, которые родились и выросли въ провинція, напр., у А. П. Чехова («скучать за кѣмъ», вмѣсто «скучать по комъ» или «о комъ»). Иногда писатель умышленно пользуется особенностями мѣстнаго народнаго говора, влагая ихъ въ уста своихъ героевъ, для усиленія «мѣстнаго колорита»; это встрѣчается, напр., въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Гоголя.

Такія небольшія отступленія въ пользу мѣстнаго произношенія и словаря дѣлаютъ языкъ менѣе чистымъ и красивымъ, но не нарушаютъ единства русскаго литературнаго языка. Языкъ Пушкина и Гоголя, Тургенева и Чехова, это единый русскій литературный языкъ, на которомъ говорятъ и пишутъ всѣ образованные русскіе люди.

Такимъ образомъ, русскій литературный языкъ имѣетъ въ своей основѣ народный Московскій говоръ. Но съ другой стороны, какъ языкъ литературный, книжный, какъ языкъ образованныхъ людей, онъ отличается отъ народныхъ говоровъ вообще, въ томъ числѣ и отъ говора Московскаго.

1. Въ литературномъ языкѣ всегда больше словъ, чѣмъ въ народныхъ говорахъ. Онъ имѣетъ много такихъ словъ, которыя появляются вмѣстѣ съ развитіемъ государственной жизни, науки, литературы, образованности. Такія слова отчасти создаются изъ элементовъ родной рѣчи (неологизмы), отчасти заимствуются изъ иностранныхъ языковъ (варваризмы). Къ неологизмамъ относятся напр.: желѣзная дорога, пароходъ, лётчикъ, потребность, языковѣдъ, законовѣдѣніе, искусственный. Словъ, заимствованныхъ изъ

иностранныхъ языковъ, въ русскомъ литературномъ языкѣ много, и каждый легко можетъ указать ихъ примѣры.

Въ народные говоры всѣ такія слова проникаютъ лишь въ небольшомъ количествѣ и, при этомъ, большею частью слова конкретнаго значенія; напр., изъ неологизмовъ проникли: пароходъ, паровозъ (но вмѣсто желѣзная дорога народъ создалъ слово чугунка); изъ иностранныхъ словъ проникли: машина, солдатъ, мастеръ, маляръ и т. п.

Къ числу заимствованій, распространенныхъ въ русскомъ литературномъ языкѣ, относятся также заимствованія изъ церковно-славянскаго языка; въ народномъ языкѣ церковно-славянизмы встрѣчаются рѣже (см. дальше § 58).

2. Съ другой стороны, въ народныхъ говорахъ встрѣчаются нерѣдко слова и формы словъ, неупотребительныя въ литературномъ языкѣ. Таковы, напримѣръ, формы Род. пад. Множ. числа мѣстовъ, рублёвъ, разовъ (по образцу столовъ, домовъ); такова форма мѣстоименія ейный, ейная (напр. ейный домъ вмѣсто ея домъ); глагольныя формы ушедши, пришедши и т. п.

3. Способы построенія предложеній въ литературномъ языкѣ разнообразнѣе. Въ немъ встрѣчается много придаточныхъ предложеній, встрѣчаются сложные періоды. Синтаксисъ же народной рѣчи проще и беднѣе. Для подтвержденія этого достаточно сравнить произведенія нашихъ писателей и народныя пѣсни, или просто рѣчь образованнаго человѣка и простолюдина.

II.

ПОЛОЖЕНІЕ РУССКАГО ЯЗЫКА СРЕДИ РОДСТВЕННЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.

Индо-европейская семья языковъ.

§ 11. Русскій языкъ въ своемъ географическомъ распространеніи не одинаковъ. Въ разныхъ мѣстностяхъ, населенныхъ русскими людьми, слышатся разнообразные говоры. Нѣкоторые говоры имѣютъ одинаковыя особенности и объединяются, поэтому, въ группы, которыя называются нарѣчіями. Отдѣльныя нарѣчія также имѣютъ одинаковыя особенности и объединяются въ единый русскій языкъ. Кромѣ русскаго языка, существуютъ языки: французскій, нѣмецкій, польскій, итальянскій, финскій, болгарскій и т. д. Если сравнивать разнообразные языки между собою, то окажется, что многіе изъ нихъ болѣе или менѣе сходны между собою, и поэтому могутъ быть соединены въ разныя группы. Такъ, языки: русскій, сербскій, болгарскій, старославянскій, словинскій, чешскій, польскій и серболужицкій болѣе сходны между собою, чѣмъ съ другими языками. Всѣ эти языки принадлежатъ, поэтому, къ одной группѣ — Славянской и сами называются Славянскими языками.

Кромѣ Славянской группы, существуютъ еще группы: Романская (французскій яз., итальянскій, латинскій), Германская (нѣмецкій, шведскій...), Греческая, Индійская и т. д. Но всѣ эти группы вмѣстѣ съ группой Славянской также имѣютъ нѣкоторыя сходныя черты, и поэтому составляютъ всѣ вмѣстѣ одну большую группу, которая называется Индо-европейской семьей языковъ. Въ Индо-европейскую семью языковъ входятъ не всѣ языки земного шара. Такъ къ ней не принадлежатъ языки: финскій, турецкій, еврейскій, арабскій, грузинскій, китайскій, японскій и т. п.

Индо-европейскій праязыкъ.

§ 12. Сходство или родство Индо-европейскихъ языковъ объясняется тѣмъ, что всѣ эти языки произошли отъ

идеализм. сплошной

одного языка, который называютъ Индо-европейскимъ праязыкомъ (сравни—прадѣдъ, прабабушка).

На этомъ Индо-европейскомъ праязыкѣ говорилъ народъ, который жилъ за нѣсколько тысячелѣтій до Р. Х. Народъ этотъ былъ небольшой и жилъ гдѣ-то въ Европѣ, недалеко отъ границы съ Азіей. Проходили столѣтія,—народъ сталъ разрастаться, сталъ распространять свои поселенія въ поискахъ удобныхъ жилищъ и пищи. Цѣлыя группы семействъ отрывались отъ этого народа, уходили то къ юго-востоку въ Азію, на Индостанъ, то къ западу въ Европу. Въ Европѣ однѣ изъ нихъ заняли центральную ея часть, другія двигались все дальше къ западу, третьи осѣли на южныхъ берегахъ. Каждая такая группа, далеко удалившаяся отъ своей родины, теряла старую связь съ прежними своими соплеменниками. Вмѣстѣ съ этимъ, измѣнялся и ея языкъ. Такимъ образомъ, языки отдѣльныхъ группъ постепенно теряли старое близкое сходство, такъ что языкъ одной группы становился даже непонятнымъ другой группѣ. Кромѣ того, каждая группа людей, поселяясь на новыхъ мѣстахъ, находила новыя условія жизни: встрѣчала невиданные раньше предметы, сталкивалась съ другими племенами; поэтому, въ ея языкѣ появлялись новыя слова.

Однако, языки отдѣльныхъ группъ не теряли совершенно своего сходства. Нѣкоторыя старыя общія черты сохранялись все-таки въ отдѣльныхъ языкахъ. Онѣ сохраняются и до сихъ поръ и указываютъ на взаимное родство Индо-европейскихъ языковъ.

Славянская семья языковъ.

§ 13. Такимъ образомъ, когда Индо-европейскій народъ раздѣлился на нѣсколько группъ, въ языкѣ каждой группы произошли свои измѣненія. Вмѣсто одного Индо-европейскаго праязыка стало нѣсколько языковъ.

Такъ отдѣлилась отъ Индо-европейскаго предка-народа и заняла пространство средней Европы та группа, которая образовала Славянское племя. Славянское племя говорило однимъ языкомъ, который называется обще-сла-

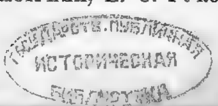
вянскимъ языкомъ. Но далѣе, Славянское племя, въ свою очередь, стало раздѣляться на группы; эти группы разошлись по разнымъ мѣстамъ и разраслись затѣмъ въ цѣлые народы. Одинъ такой народъ двигался все къ востоку, занялъ берега Днѣпра и Дона, распространился по Волгѣ, перекинулся потомъ за Уралъ... Теперь этотъ народъ занимаетъ восточную Европу и распространяется дальше къ востоку—въ Сибирь и до Великаго океана. Народъ этотъ—мы, русскіе. И языкъ этого народа, когда-то такой же, какъ и у всѣхъ славянъ, постепенно измѣнялся, и изъ него образовался самостоятельный русскій языкъ.

Другіе славяне распространились къ западу и образовали нѣсколько отдѣльныхъ народовъ, которые называются вообще западными славянами; это—поляки, чехи, лужичане. Третьи—заняли Балканскій полуостровъ и нѣкоторыя земли къ сѣверу отъ него. Это—сербы (и черногорцы, составляющіе съ сербами одинъ народъ), болгары, словинцы (см. II карту). Языкъ каждаго славянскаго народа продолжалъ измѣняться и поэтому 1) сталъ отличаться отъ того обще-славянскаго языка, которымъ говорили всѣ славяне, когда они жили еще вмѣстѣ и составляли одинъ народъ, 2) сталъ отличаться, болѣе или менѣе, и отъ языковъ другихъ народовъ того же Славянскаго племени.

Изобрѣтеніе славянской азбуки.

§ 14. Славяне долгое время были непросвѣщеннымъ языческимъ народомъ. Но въ VI — VII вѣкахъ отдѣльныя славянскія племена начали дѣлать набѣги на Римскую и Византійскую Имперію, а затѣмъ завели съ римлянами и греками торговыя сношенія. Понемногу славяне стали подчиняться вліянію этихъ уже просвѣщенныхъ христіанскихъ народовъ. Отъ римлянъ и грековъ къ славянамъ проникло и быстро у нихъ распространилось христіанство. Въ связи съ этимъ случилось великое событіе, послужившее началомъ просвѣщенія славянъ. Событіе это—изобрѣтеніе славянской азбуки.

Случилось это такъ. Два ученыхъ грека—братья Констан-

тинъ (въ монашествѣ—Кириллъ) и Меѳодій проповѣдовали христіанство среди славянъ. Святые братья были уроженцами Солуни, въ Македоніи. Они происходили изъ знатной греческой семьи, но съ дѣтства знали языкъ славянскаго населенія Солуни. Языкъ этотъ былъ болгарскій, но имѣлъ нѣкоторыя мѣстныя особенности, т. е. это былъ—солунскій говоръ болгарскаго языка (сравни говоры русскаго языка). Получивши прекрасное образованіе, братья не хотѣли, однако, занимать высокихъ придворныхъ и административныхъ должностей; они отдались сначала занятіямъ въ библіотекахъ, а потомъ всецѣло посвятили свою жизнь просвѣщенію славянъ свѣтомъ христіанства и книжнаго ученія. Но всѣ книги Священнаго писанія были написаны на греческомъ или латинскомъ языкахъ, и были непонятны славянамъ. А для того, чтобы перевести книги на славянскій языкъ, нужна была азбука. И вотъ, по преданію, св. Кириллъ изобрѣлъ славянскую азбуку. Онъ взялъ за образецъ греческую азбуку и дополнилъ ее недостающими буквами. Въ греческой азбукѣ не было напр. буквъ ѵ, ц, ѣ, ы, потому что въ греческомъ языкѣ не было соотвѣтствующихъ звуковъ. Болгарскій писатель X вѣка черноризецъ Храбръ такъ говоритъ объ изобрѣтеніи славянской азбуки: «прежде славяне не имѣли книгъ, но чертами и рѣзами читали и гадали, будучи язычниками... Человѣколюбецъ Богъ послалъ имъ святого Константина философа, называемаго Кириллъ, мужа праведнаго и честнаго; и сотворилъ имъ 38 буквъ, однѣ—по образцу греческихъ буквъ, другія—по славянскимъ звукамъ».

Около 862 года, черезъ посредство Византійскаго императора Михаила III, свв. братья были приглашены Моравскимъ княземъ Ростиславомъ въ Моравію для проповѣди христіанства. Съ этой цѣлью они приступили впервые къ переводу книгъ Священнаго писанія, необходимыхъ при богослуженіи.

Въ Моравіи святые братья занимались проповѣдью христіанства и переводами книгъ Священнаго писанія до своей

смерти, подвергаясь преслѣдованію за введеніе богослуженія на славянскомъ языкѣ. Послѣ ихъ смерти (св. Кириллъ умеръ въ 869 году, св. Меѳодій—въ 885 году), начатое дѣло христіанской проповѣди, перевода книгъ и книжнаго просвѣщенія славянъ продолжали ихъ ученики, изъ которыхъ особенно извѣстенъ св. Климентъ.

Старославянскій языкъ.

§ 15. Свв. братья переводили книги Священнаго писанія на тотъ славянскій языкъ, который они знали. А это былъ солунскій говоръ болгарскаго языка. Но въ то время, въ IX вѣкѣ, отдѣльные славянскіе языки были больше схожи между собой, чѣмъ въ настоящее время. Поэтому, переводъ свв. братьевъ былъ понятенъ не только болгарамъ, но и сербамъ и чехамъ и другимъ славянамъ. Всѣ принимавшіе христіанство славяне могли пользоваться книгами, переведенными свв. братьями и ихъ учениками. Христіанство продолжало распространяться, и нужда въ книгахъ расла. Священники и монахи, выучившись азбукѣ, переписывали переведенныя свв. братьями книги. Они относились къ этимъ священнымъ книгамъ и къ своей работѣ съ благоговѣніемъ и старались списывать, какъ можно точнѣе. Когда понадобились переводы новыхъ книгъ, переводчики тоже старались не отступать отъ языка переводовъ свв. братьевъ. Такимъ образомъ, языкъ этотъ сталъ языкомъ церковно-литературнымъ.

Между тѣмъ, болгарскій языкъ и его солунскій говоръ въ устной рѣчи постепенно измѣнялись, какъ измѣняются всѣ языки. Но въ церковныхъ книгахъ свято сохранялся языкъ перевода свв. братьевъ. И скоро между этимъ языкомъ церковныхъ книгъ и народнымъ болгарскимъ языкомъ оказалось значительное различіе. Поэтому, тотъ славянскій языкъ, на который были впервые переведены книги Священнаго писанія и который сохранился только въ этихъ книгахъ, называется въ отличіе отъ живого болгарскаго языка и отъ другихъ славянскихъ языковъ — древне-церковно-славянскимъ или старославянскимъ языкомъ. На старо-

*

славянскомъ языкѣ теперь не говоритъ ни одинъ славянскій народъ; онъ сохранился только въ книгахъ. Но значеніе старославянскаго языка очень велико:

1. На немъ впервые была записана славянская рѣчь, и книги, написанныя на старославянскомъ языкѣ, являются самыми древними памятниками славянскаго языка.

2. Знаніе древняго состоянія одного изъ славянскихъ языковъ, т. е. знаніе языка старославянскаго, помогаетъ пониманію многихъ явленій во всѣхъ другихъ славянскихъ языкахъ. Такъ и сравненіе старославянскаго языка съ русскимъ помогаетъ изученію особенностей русскаго языка.

3. Старославянскій языкъ, ставши церковно-литературнымъ языкомъ для большинства славянъ, много способствовалъ распространенію среди нихъ христіанства и развитію просвѣщенія и государственности.

Такое значеніе старославянскій языкъ получилъ у тѣхъ славянъ, которые приняли христіанство отъ Восточной (Византійской) церкви. Это были болгары, сербы, русскіе. Они приняли богослуженіе на старославянскомъ языкѣ, а вмѣстѣ съ нимъ старославянскую азбуку и письменность.

Но среди западныхъ славянъ христіанская славянская проповѣдь, начатая святыми братьями, скоро подверглась преслѣдованію со стороны нѣмецко-латинскаго духовенства. Западные славяне подчинились Западно-Римской церкви; богослуженіе долгое время совершалось у нихъ на латинскомъ языкѣ. Въ связи съ этимъ, они стали пользоваться латинской азбукой, приспособляя ее болѣе или менѣе къ звукамъ своего языка. Этой азбукой славяне-католики пользуются и до сихъ поръ.

4. Въ концѣ X вѣка, при князѣ Владимірѣ, Русь приняла христіанство. Первыми священниками и учителями на Руси стали болгары, которые принесли съ собой старославянскія церковныя книги и азбуку. Получивъ, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ новой вѣрой готовую письменность, русскіе люди подчинились ея вліянію. Это вліяніе отразилось въ значительной степени на русскомъ литературномъ языкѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, до эпохи Петра Великаго, русская литература, а въ связи съ этимъ и русскій письменный языкъ

находились въ сильной зависимости отъ старославянской письменности. Даже въ народный языкъ, вмѣстѣ съ церковнымъ ученіемъ, проникли старославянскіе элементы (хотя и въ меньшей степени) и сохранились въ немъ до сихъ поръ (ср. § 10, стр. 14).

III.

ГЛАВНѢЙШІЯ ЗВУКОВЫЯ ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНЕ-РУССКАГО ЯЗЫКА.

§ 16. Вмѣстѣ съ христіанствомъ древняя Русь получила старославянскія церковныя книги и азбуку. Этими старославянскими книгами и азбукой русскіе люди могли воспользоваться легко, такъ какъ въ старославянскомъ языкѣ въ большинствѣ случаевъ они нашли такія же слова, такія же формы словъ и такое же произношеніе, какъ было и въ древне-русскомъ языкѣ. Такое сходство въ обоихъ этихъ языкахъ объясняется ихъ общимъ происхожденіемъ изъ одного общеславянскаго языка. Но въ то же время въ древне-русскомъ языкѣ были и свои отличительныя черты. Эти отличительныя черты образовались въ русскомъ языкѣ послѣ того, какъ русскій народъ уже отдѣлился отъ славянскаго племени и сталъ жить самостоятельной жизнью. Начало русской письменности.

Первыми священниками и учителями на Руси были болгары. Отъ нихъ выучились письму и русскіе люди, главнымъ образомъ—духовенство. Грамотные русскіе люди стали сначала списывать привезенныя старославянскія книги, а потомъ писать и свои сочиненія на старославянскомъ же языкѣ. До сихъ поръ сохранилось много старинныхъ рукописей, писанныхъ русскими людьми. Эти рукописи нѣсколько отличаются по языку отъ чистыхъ старославянскихъ рукописей, потому что русскіе писцы невольно вносили въ нихъ черты своего

родного языка. Такія отличительныя черты русскихъ рукописей и указываютъ на особенности русскаго языка того времени, т. е. времени XI вѣка.

Самыя старыя русскія рукописи писаны въ XI вѣкѣ; первая изъ нихъ—Остромирово Евангеліе 1056 года. Это—древнѣйшій памятникъ русскаго языка. Такимъ образомъ, русскій языкъ извѣстенъ съ XI вѣка. Съ тѣхъ поръ онъ во многомъ измѣнился. Въ отличіе отъ своего позднѣйшаго вида, русскій языкъ первыхъ вѣковъ отъ начала письменности (отъ XI до XIV вѣка включительно) называется древне-русскимъ языкомъ.

Азбука. § 17. Древне-русскія рукописи писаны старославянской Кирилловской азбукой.

Эта азбука была такова:

а; ꙗ	м	ш
б	н	щ
в	о	ъ
г	п	ꙑ
д	р	ь
є; ѥ	с	ѣ
ж	т	ѫ; ѭ
ѕ (д̂з)	оу, ꙋ (у); ю	ѧ; ѩ
ꙁ (з)	ф	ѡ (о долгое)
и, ї	х	ѯ (кс)
к	ц	ѱ (пс)
л	ч	ѳ
		ѵ (ижица)

Къ этой азбукѣ надо сдѣлать слѣдующія объясненія:

1. Буква **ъ** (еръ) обозначала въ старославянскомъ языкѣ глухое краткое **о**, которое могло быть въ концѣ и въ срединѣ словъ; напр.: **сънъ** (сонъ), **дъва** (два), **тъгда** (тогда).

2. Буква **ь** (ерь) обозначала въ старославянскомъ языкѣ глухое краткое **е**, которое также могло быть въ концѣ и въ срединѣ словъ: **дьнь** (день), **льсть** (лесть), **отьць** (отецъ).

Звуки, обозначаемые буквами ъ и ь, называются глухими. Глухіе звуки (ъ и ь) были не только въ старославянскомъ языкѣ, но и въ древне-русскомъ языкѣ,—въ то время, когда русскіе приняли старославянскую азбуку.

3. Буква ѫ (юсъ большой) обозначала носовое **о** и произносилась приблизительно такъ, какъ французское **on**: **сѫдъ** (судъ), **рѫка** (рука), **недѫгъ** (недугъ).

4. Буква ѧ (юсъ малый) обозначала носовое **е** и произносилась приблизительно такъ, какъ французское **in**: **сѣмѧ** (сѣмя), **имѧ** (имя), **начати** (начать).

Въ то время, когда русскіе стали пользоваться старославянской азбукой, т. е. въ X — XI вѣкахъ, въ русскомъ языкѣ не было носовыхъ звуковъ. Вмѣсто ѫ былъ звукъ **у**, а вмѣсто ѧ—звукъ **а** (я); напримѣръ, вмѣсто **сѫдъ** говорили судъ, вмѣсто **начати** — начати, вмѣсто **сѣмѧ** — сѣмя. Поэтому, русскіе писцы и писали вмѣсто буквъ ѫ и ѧ буквы **оу**, **а**, **ꙗ** (я). Но иногда, подъ вліяніемъ старославянскаго письма, они употребляли въ своихъ рукописяхъ старославянскіе юсы, хотя произносили ихъ по-русски.

Примѣчаніе. Носовые гласные звуки ѫ и ѧ произошли изъ гласнаго звука + носовой **н** или **м** въ положеніи передъ согласными и въ концѣ словъ. (Сравни **пѧть** и латинское pons, **сѣмѧ** и латинское sēmen). Но передъ гласными остались первоначальныя составныя части: **сѣм-ѧ**, но **сѣм-ен-е**; **нач-ѧ-ти**, но **нач-ьн-ѫ**; **над-ѫ-ти**, но **над-ъм-енъ**.

Этимъ же объясняются такія формы русскаго языка какъ тел-ен-окъ, порос-ен-окъ рядомъ съ тел-я-та, порос-я-та, гдѣ **я** изъ ѧ, а ѧ изъ **ен**.

5. Буква ѣ имѣла свое особое произношеніе въ старославянскомъ и древне-русскомъ языкахъ: ея произношеніе отличалось отъ произношенія буквы є. Поэтому, писцы не смѣшивали этихъ двухъ буквъ; но какъ именно произносился въ старославянскомъ и древне-русскомъ языкахъ этотъ особый звукъ—въ точности неизвѣстно.

Примѣчаніе. Сравненіе славянскихъ языковъ съ другими индо-европейскими языками показываетъ, что ѣ произошло:

1) изъ е долгаго (сравни сѣмѧ и лат. sēmen);

2) изъ двузвучія ой (сравни старославянское вєрѣтє и греческое φέροιτε); ѣ произошло изъ двузвучія ой (oj) только передъ согласными или въ концѣ слова. Передъ гласными первоначальныя составныя части сохранились: пѣ-ти, но поѭ (т. е. п о j - ѫ).

6. Буквы ꙗ, ѥ, ю, ѩ, ѭ представляютъ собою соединеніе двухъ буквъ: і и а, є, о (вмѣсто оу), ѧ, ѫ. Буква і обозначала въ старославянской азбукѣ тотъ звукъ, который изображается въ русской азбукѣ иногда буквою й (напр.: война, мой), а въ латинской и нѣмецкой азбукахъ буквою j (сравни напр. старославянское юнъ и латинское juvenis). Этотъ звукъ называется йотомъ; а гласные, передъ которыми онъ слышится, называются йотованными.

Примѣчаніе. Йотованные гласные встрѣчались въ старославянскомъ и въ древне-русскомъ языкахъ только въ началѣ слова или послѣ гласныхъ (въ томъ числѣ и послѣ глухихъ ъ, ь); напр.: юнъ, ꙗко, бываѥтъ, костьѭ (древне-русск. костью).

Но буквы ꙗ, ю и т. д. могли стоять и послѣ согласныхъ; тогда начертаніе і обозначало мягкость предшествующаго согласнаго; напр.: конꙗ, ꙁемлѭ, люди.

7. Буква щ произносилась въ старославянскомъ языкѣ какъ шт.

8. Буква є въ старослав. языкѣ никогда не произносилась какъ ё.

9. Буква оу или ꙋ обозначала у. Начертаніе оу взято изъ греческой азбуки: ου. Йотованное оу писалось какъ ю.

10. Буквы ѡ, ѯ, ѱ, ѳ, ѵ взяты также изъ греческой азбуки, и рѣдко употреблялись.

Примѣчаніе. Кромѣ этой азбуки «кириллицы», въ старославянской письменности употреблялась еще другая азбука, называемая «глаголица»; но глаголица была гораздо менѣе употребительна, чѣмъ кириллица.

Звуковыя особенности, общія старослав. и др.-русскому языкамъ.

§ 18. Древне-русскій языкъ имѣлъ нѣкоторыя особенности въ сочетаніяхъ звуковъ. Однѣ изъ такихъ особенностей произошли еще въ общеславянскомъ языкѣ и сохранились одинаково въ языкахъ древне-русскомъ и старославянскомъ.

Другія особенности древне-русскаго языка произошли уже послѣ того, какъ русскій народъ отдѣлился отъ славянскаго племени. Эти особенности, поэтому, находились только въ древне-русскомъ языкѣ и отличали его отъ языка старославянскаго.

Главнѣйшія особенности звуковыхъ сочетаній, общія древне-русскому и старославянскому языкамъ, были таковы:

1. Первое смягченіе задненебныхъ. Задненебные звуки **г**, **к**, **х** не могли сочетаться со звуками **и**, **ѣ**, **е**, **ь**, **j**, а въ старославянскомъ языкѣ и со звукомъ **ѧ**. Передъ этими звуками задненебные согласные измѣнялись такъ:

г переходилъ въ **ж**: **Богъ—Боже**,

к » » **ч**: **пекѫ—печеши**,

х » » **ш**: **соухъ—соушити**.

При этомъ, если измѣненіе происходило передъ **j**, то **j** исчезалъ: **плакати—плачѫ**.

Такое измѣненіе задненебныхъ **г**, **к**, **х** въ **ж**, **ч**, **ш** передъ **и**, **ѣ**, **е**, **ь**, **ѧ**, **j** называется первымъ смягченіемъ задненебныхъ. Первое смягченіе произошло еще въ общеславянскомъ языкѣ. Оно сохранилось въ древне-русскомъ, въ старославянскомъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ.

Мы до сихъ поръ говоримъ: Боже, печешь, сушить и т. п. Но теперь мы можемъ произносить и—гибель, Кіевъ, великій, хитрый, керосинъ (вмѣсто древне-русскихъ гыбель, Кыевъ, великый, хытрый); т. е. теперь въ русскомъ языкѣ задненебные **г**, **к**, **х** могутъ сочетаться со звуками **е**, **и** и т. д. Такимъ образомъ, законъ перваго смягченія задненебныхъ теперь уже не дѣйствуетъ; но старыя слова и формы словъ со смягченными **ж**, **ч**, **ш** вмѣсто **г**, **к**, **х** сохраняются до сихъ поръ въ русскомъ языкѣ.

Примѣчаніе 1. **ѣ**, передъ которымъ **г**, **к**, **х** смягчились въ **ж**, **ч**, **ш**, само перешло въ **а**. Поэтому, напр., рядомъ съ формами добр-ѣйшій, умн-ѣйшій есть формы: множ-айшій, сладч-айшій, тиш-айшій.

Примѣчаніе 2. j, смягчивши задненебные звуки, самъ слился вмѣстѣ съ ними въ ж, ч, ш. Поэтому, въ случаяхъ, въ которыхъ произошло смягченіе задненебныхъ передъ йотомъ, йота нѣтъ. Но догадаться, что смягченіе произошло передъ j, нетрудно:

1) смягченные ж, ч, ш находятся въ этомъ случаѣ передъ такими гласными, передъ которыми не должно-бы быть смягченія;

2) въ такихъ же формахъ другихъ словъ присутствіе j ясно.

Напримѣръ, старославянская форма 1 лица Единств. числа Настоящаго времени **плачѫ** отъ **плакати**:

1) к не должно-бы смягчаться въ ч передъ ѫ (сравни **рѫкѫ**);

2) есть формы 1-го лица Единств. числа Настоящаго времени, въ которыхъ присутствіе j ясно: **оумѣѭ**, **чьтаѭ**.

Отсюда заключаемъ, что въ формѣ **плачѫ** к смягчилось въ ч передъ j.

Или: Имен. падежъ Единств. числа женскаго рода — **доуша** сравнительно съ **доухъ**.

1) х не должно-бы смягчаться въ ш передъ а (сравни **дыханиѥ**);

2) есть такія формы Имен. падежа Единств. числа женскаго рода, въ которыхъ присутствіе j ясно: **ꙁмиꙗ**, **стаꙗ**.

Изъ этого мы заключаемъ, что х смягчилось въ ш передъ j.

2. Второе смягченіе задненебныхъ. Задненебные звуки г, к, х, находясь 1) передъ падежными окончаніями ѣ и и, 2) передъ ѣ и и въ формахъ Повелительнаго наклоненія, смягчились въ общеславянскомъ языкѣ иначе, а именно:

г въ з: **нога** — Дат. пад. Ед. ч. **ноꙁѣ**,

к » ц: **пекѫ** — Повелит. накл. **пеци**, **пецѣте**,

х » с: **доухъ** — Именит. пад. Мн. ч. **доуси**.

Смягченіе г, к, х въ з, ц, с произошло въ общеславянскомъ языкѣ позже перваго смягченія и называется, поэтому, вторымъ смягченіемъ задненебныхъ. Оно сохранилось въ старославянскомъ и въ древне-русскомъ языкахъ. Но въ современномъ русскомъ литературномъ языкѣ и въ Великорусскомъ нарѣчіи не сохранились формы словъ со смягченными з, ц, с (мы говоримъ: ногѣ, пеки, дýхи, о

Богѣ и т. п.); въ Бѣлорусскомъ же и Малорусскомъ нарѣчіяхъ формы со смягченными **з**, **ц**, **с** сохраняются до сихъ поръ; напр. въ Малорусскомъ: на дорозі (см. § 6,₄).

Примѣчаніе 1. Первое смягченіе произошло передъ **ѣ** изъ ē; второе смягченіе произошло передъ **ѣ** или **и** изъ двузвучія **ой**; вмѣсто **ѣ** здѣсь иногда могло быть **и** (см. примѣч. къ § 17,₅).

Примѣчаніе 2. Ко второму смягченію принадлежатъ нѣсколько словъ, въ которыхъ смягченіе произошло не передъ **ѣ**—**и**, напр. **лице** (сравни **ликъ**), **кънѧзь** (сравни **кънѧгыни**).

3. Смягченіе **з** и **с**. Звуки **з** и **с** въ соединеніи съ **j** измѣнились еще въ общеславянскомъ языкѣ, а именно:

з + **j** измѣнилось въ **ж**,
с + **j** » » **ш**.

Напримѣръ: **писати** и **пишѫ** (русское—пишу), **пишеши**; **вѧзати** и **вѧжѫ**, **вѧжѫтъ** (русск. вяжу, вяжутъ). Смягченіе **з** и **с** въ **ж** и **ш** перешло изъ общеславянскаго языка въ старославянскій и въ древне-русскій языки. Эти старыя формы со смягченными **ж** и **ш** до сихъ поръ сохранились въ русскомъ языкѣ, напр.: вяжу, пишу.

Примѣчаніе. **j** и въ этомъ случаѣ исчезъ, слившись со смягченными согласными. Но узнать, что онъ здѣсь былъ, можно:

1) изъ того, что передъ **ж** и **е** звуки **с** и **з** не измѣняются (сравни **сѫдъ**, **се**);

2) изъ того, что въ такихъ же формахъ другихъ словъ бываетъ ясно присутствіе йота: **оумѣѭ**, **оумѣѥши**, **оумѣѭтъ** (сравни примѣч. 2 къ § 18,₁).

Такимъ образомъ, три указанныя явленія въ сочетаніяхъ звуковъ: 1-е смягченіе задненебныхъ, 2-е смягченіе задненебныхъ и смягченіе **з** и **с** въ **ж** и **ш** произошли въ общеславянскомъ языкѣ и одинаково сохранились въ языкахъ старославянскомъ и древне-русскомъ.

Звуковыя особенности др.-русск. языка.

§ 19. Но древне-русскій языкъ имѣлъ и такія особенности, которыми онъ отличался отъ старославянскаго языка. Эти особенности развились тогда, когда русскій народъ выдѣлился изъ общеславянскаго племени и сталъ жить самостоятельной жизнью.

Главнѣйшія особенности въ сочетаніяхъ звуковъ, отличавшія древне-русскій языкъ отъ старославянскаго языка, были слѣдующія:

1. Отсутствіе носовыхъ ѫ и ѧ. Древне-русскій языкъ не имѣлъ носовыхъ гласныхъ ѫ и ѧ. Это видно изъ того, что уже въ древнѣйшихъ русскихъ рукописяхъ (напр. въ Остромировомъ Евангеліи) вмѣсто ѫ пишется оу и вмѣсто ѧ пишется ꙗ, а; напр.: соудъ вм. сѫдъ, чадо вм. чѧдо, имꙗ вм. имѧ и т. п. Иногда, подъ вліяніемъ старославянскаго письма, русскіе писцы употребляли буквы ѫ, ѧ; но они не понимали ихъ звукового значенія, и поэтому часто ставили ихъ неправильно (ср. § 17,3,4).

Примѣчаніе. Носовые гласные были уже въ общеславянскомъ языкѣ (изъ котораго произошли всѣ славянскіе языки). Они были сначала и въ русскомъ языкѣ; но къ XI вѣку звукъ ѫ замѣнился звукомъ у, а звукъ ѧ замѣнился звукомъ а (я). Въ польскомъ языкѣ носовые звуки сохраняются до сихъ поръ.

2. Полногласіе. Полногласіемъ называется употребленіе въ русскомъ языкѣ, между согласными, звуковыхъ сочетаній **оро, оло, ере, еле, ело**, соотвѣтственно старославянскимъ сочетаніямъ: **ра, ла, рѣ, лѣ**; напр. было:

въ древне-русскомъ языкѣ:	въ старославянскомъ языкѣ:
городъ	градъ
дерево	дрѣво
золото	ꙁлато
молоко	млѣко
железа	жлѣꙁа
шеломъ	шлѣмъ.

Полногласіе принадлежитъ только одному русскому языку и служитъ главнѣйшей отличительной его чертою.

Примѣчаніе 1. Во всѣхъ другихъ славянскихъ языкахъ русскимъ полногласнымъ формамъ соотвѣтствуютъ различныя неполногласныя формы; напр., въ сербскомъ языкѣ

гла́ва, мле́ко, въ польскомъ główa, mléko. Всѣ эти формы произошли изъ такихъ общеславянскихъ формъ, въ которыхъ гласный звукъ **о, е** находился передъ плавнымъ: golwa, melko, zolto, gordъ.

Примѣчаніе 2. Однако, и въ русскомъ языкѣ встрѣчаются слова съ сочетаніями **ра, ла, рѣ, лѣ**: храбрый, сладкій, клѣтка, братъ. Эти слова

или 1) заимствованы литературнымъ языкомъ изъ старославянскаго языка, и тогда въ народныхъ говорахъ имъ большею частью соотвѣтствуютъ полногласныя формы: сладкій—народное солодкій, храбрый—хоробрый (см. стр. 14);

или 2) это такія слова, въ которыхъ нигдѣ нѣтъ и не должно быть полногласія; таковы: братъ (сравни латинское frater), клѣтка и т. п.

3. Постановка глухихъ передъ плавными. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ современный русскій языкъ имѣетъ сочетанія **ор, ол, ер, ел** между согласными (волкъ, верхъ), въ древне-русскомъ языкѣ были сочетанія **ър, ъл, ьр, ьл**, а въ старославянскомъ—**ръ, лъ, рь, ль**; напр. было:

въ древне-русскомъ:	въ старославянскомъ:
търгъ (торгъ)	тръгъ
вълкъ (волкъ)	влъкъ
върхъ (верхъ)	врьхъ
жьлтый (желтый)	жльтый.

Такимъ образомъ, на мѣстѣ древне-русскихъ сочетаній глухой + плавный, въ старославянскомъ были сочетанія плавный + глухой.

Примѣчаніе 1. Въ этихъ случаяхъ въ старославянскихъ памятникахъ глухіе часто смѣшиваются, особенно при **л**: влъкъ и влькъ, млъчати и мльчати. Вообще, въ сочетаніяхъ **о, е, ъ, ь** съ плавнымъ **л** нѣтъ такого соотвѣтствія между русскимъ и старославянскимъ языками, какъ въ сочетаніяхъ этихъ гласныхъ съ **р**.

Примѣчаніе 2. Въ древне-русскомъ языкѣ были также сочетанія плавный + глухой въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ и въ современномъ русскомъ языкѣ гласный находится послѣ плавнаго:

кръвь — кровь
блъха — блоха
брьвно — бревно.

Старославянскій языкъ въ этомъ случаѣ сходенъ съ древне-русскимъ.

4. Смягченіе **д** и **т** въ **ж** и **ч**. Сочетанія **дј** и **тј** измѣнились и въ старославянскомъ и въ древне-русскомъ языкахъ, но неодинаково.

Въ древне-русскомъ языкѣ:

дј измѣнилось въ **ж**: видѣти—вижу,
тј » » **ч**: свѣтити—свѣча.

Въ старославянскомъ языкѣ:

дј измѣнилось въ **жд**: **видѣти—виждѫ**,
тј » » **шт** (**щ**) **свѣтити—свѣшта**.

Измѣненіе **дј** и **тј** называется смягченіемъ зубныхъ **д** и **т** передъ йотомъ.

Примѣчаніе 1. Сходно съ этимъ, сочетанія

к + т мягкое г + т мягкое	измѣнились въ	**ч** въ древне-русскомъ языкѣ: пеку — печи (изъ пекти), могу — мочи (изъ могти); **шт** (**щ**) въ старославянскомъ языкѣ: **пекѫ — пешти** (изъ пекти), **могѫ — мошти** (изъ могти).

Примѣчаніе 2. Въ русскомъ литературномъ языкѣ есть слова съ сочетаніемъ **жд** и **щ** изъ **дј** и **тј**; напр.: Рождество (ср. родиться), освѣщеніе (ср. свѣтить — свѣча), невѣжда (ср. свѣдѣніе). Въ такой формѣ эти слова заимствованы изъ старославянскаго языка; нѣкоторыя изъ нихъ продолжаютъ существовать и въ русской формѣ, напр.: невѣжа (см. § 10, стр. 14).

Примѣчаніе 3. При смягченіи **д** и **т** передъ **j**, йотъ исчезъ, слившись со смягченными имъ согласными (ср. примѣч. 2 къ § 18,₁ и примѣч. къ § 18,₃).

Такимъ образомъ, въ началѣ русской письменности, въ XI вѣкѣ, русскій языкъ имѣлъ слѣдующія особенности, отличавшія его отъ старославянскаго языка:

1. Чистые звуки **у** и **а** (**я**) вмѣсто старославянскихъ носовыхъ **ѫ** и **ѧ**.

2. Полногласіе.

3. Постановку гласныхъ (глухихъ) передъ плавными на мѣстѣ современныхъ сочетаній **ор**, **ол**, **ер**, **ел** между согласными.

4. **ж** и **ч** изъ **дј** и **тј**.

Эти особенности, бывшія въ русскомъ языкѣ въ XI вѣкѣ, сохраняются въ немъ и до сихъ поръ, и отличаютъ русскій языкъ отъ всѣхъ другихъ славянскихъ языковъ.

Звуковыя измѣненія въ др.-русск яз. послѣ начала письменности.

§ 20. Послѣ XI вѣка русскій языкъ продолжалъ измѣняться. Новыя измѣненія происходили въ его звукахъ и въ формахъ.

Важнѣйшія звуковыя измѣненія, происшедшія въ древнерусскомъ языкѣ послѣ XI вѣка, были таковы:

1. Исчезновеніе глухихъ. Въ древне-русскомъ языкѣ были глухіе звуки **ъ** и **ь**. Эти звуки произносились болѣе кратко и слабо, чѣмъ другіе гласные звуки. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они были особенно слабы и стали совсѣмъ исчезать изъ произношенія. Такое исчезновеніе глухихъ **ъ** и **ь** произошло:

1) въ концѣ словъ;

2) въ срединѣ словъ въ такомъ слогѣ, за которымъ слѣдовалъ слогъ съ чистымъ гласнымъ (т. е. не глухимъ); поэтому, напр.: вмѣсто лъба, отьца, овьца, мъногъ, вьсѧ стали произносить лба, отца, овца, мног, всѧ.

Примѣры исчезновенія глухихъ встрѣчаются уже въ первыхъ древне-русскихъ памятникахъ XI вѣка.

Глухой **ъ** исчезъ безслѣдно изъ произношенія; напр.: вмѣсто мъногъ, кънига стали произносить мног, книга; такъ произносимъ мы до сихъ поръ. ~~Только на письмѣ сохранилась постановка въ концѣ словъ буквы **ъ**.~~

На мѣстѣ же глухого **ь**, исчезнувшаго изъ произношенія,

осталась мягкость предыдущаго согласнаго. Эта мягкость до сихъ поръ обозначается буквою **ь**.

Примѣчаніе. Но впослѣдствіи многіе согласные передъ старымъ **ь** отвердѣли и въ срединѣ и въ концѣ словъ. Въ такихъ случаяхъ въ срединѣ словъ перестали ставить букву **ь**; такъ напр., вмѣсто древне-русскихъ: в ь с ѣ, о т ь ц а, о в ь ц а стали писать: в с ѣ, о т ц а, о в ц а. Въ концѣ же словъ послѣ отвердѣвшаго согласнаго буква **ь** замѣнилась буквой **ъ**. Напр., вмѣсто древне-русскихъ: д ѣ л о м ь, и м е н е м ь (Твор. пад. Единств. ч.) стали писать: д ѣ л о м ъ, и м е н е м ъ; вмѣсто н о ж ь (Им. пад. Единств. ч.)—н о ж ъ и т. п.

2. З а м ѣ н а г л у х и х ъ г л а с н ы х ъ **ъ** и **ь** ч и с т ы м и г л а с н ы м и **о** и **е**. Въ тѣхъ случаяхъ, когда глухіе находились въ такомъ слогѣ, за которымъ снова слѣдовалъ слогъ съ глухимъ звукомъ **ъ** и **ь**, они не могли исчезать изъ произношенія. Такіе глухіе сохранялись въ древне-русскомъ языкѣ, и стали приближаться къ гласнымъ **о** и **е**. Въ XII вѣкѣ такой глухой **ъ** перешелъ въ **о**, а глухой **ь**—въ **е**.

Въ рукописяхъ XII и XIII вѣковъ уже встрѣчаются написанія: в е с ь, д е н ь, в о л к ъ, с о н ъ вмѣсто прежнихъ в ь с ь, д ь н ь, в ъ л к ъ, с ъ н ъ.

Примѣчаніе 1. Этимъ объясняется появленіе «бѣглыхъ гласныхъ»: л о б ъ—л б а, р о т ъ—р т а и т. п. Въ словахъ л ъ б ъ, р ъ т ъ, д ь н ь, к о н ь ц ь, о т ь ц ь, ц в ѣ т ъ к ъ глухіе въ срединѣ не могли исчезнуть и перешли въ **о** и **е**: р о т ъ, д е н ь, к о н е ц ъ, о т е ц ъ, ц в ѣ т о к ъ. Но въ Родительномъ падежѣ Единственнаго числа этихъ словъ: л ъ б а, р ъ т а, д ь н я, к о н ь ц а, о т ь ц а, ц в ѣ т ъ к а глухіе исчезли, и получились слова: л б а, р т а, д н я, к о н ц а, о т ц а, ц в ѣ т к а.

Примѣчаніе 2. **о** и **е**, полученные изъ глухихъ **ъ** и **ь**, не измѣнились въ Малорусскомъ нарѣчіи въ **і** или въ двузвучія (см. примѣч. къ § 8,3).

3. Переходъ **гы, кы, хы** въ **ги, ки, хи**. Въ началѣ русской письменности, въ XI вѣкѣ, въ древне-русскомъ языкѣ не было звуковыхъ сочетаній **ги, ки, хи**. Эти сочетанія еще въ общеславянскомъ языкѣ измѣнились въ **жи, чи, ши** (по первому смягченію) или въ **зи, ци, си** (по второму смягченію). (См. § 18,1,2).

Но въ древне-русскомъ языкѣ были сочетанія **гы, кы, хы**: гыбель, великыи, хытръ и т. п. Въ XII вѣкѣ эти сочетанія **гы, кы, хы** перешли въ **ги, ки, хи**; звуки **г, к, х** стали въ этихъ сочетаніяхъ мягкими, но не переходили, какъ раньше, ни въ какіе другіе звуки. Въ рукописяхъ XII в. уже встрѣчаются написанія: гибель, великии, хитръ и т. д. Это объясняется тѣмъ, что законъ перваго и второго смягченія уже пересталъ дѣйствовать. Такъ и теперь мы можемъ произносить: Кіевъ, хижина, керосинъ со смягченными, но не измѣненными задненебными **г, к, х**.

Таковы были главнѣйшія измѣненія въ древне-русскомъ языкѣ въ XI и XII вѣкахъ. Русскій языкъ представлялъ тогда одно цѣлое и не дѣлился на нарѣчія, какъ теперь. Указанныя измѣненія одинаково произошли во всемъ русскомъ языкѣ и до сихъ поръ сохраняются во всѣхъ его нарѣчіяхъ.

Примѣчаніе. Въ старославянскомъ и русскомъ языкахъ существуетъ еще одно явленіе—такъ называемое чередованіе гласныхъ въ родственныхъ словахъ. Такъ напр., въ старославянскомъ языкѣ чередовались:

е и о : берѫ—съборъ
ь и е : рьци—рекѫ
ѧ и ѫ : грѧзнѫти—грѫзъ
ъ и у : съхнѫти—соухъ
ь и и : жьдати—ожидати

Когда въ древне-русскомъ яз. носовые ѫ и ѧ замѣнились чистыми у и а (я), а глухіе исчезли изъ произношенія или замѣнились чистыми о и е, то эти измѣненія повліяли и на чередованіе. Такъ напр., чередованіе ѫ—ѧ замѣнилось въ др.-русскомъ языкѣ чередованіемъ у—а (я) (грузъ—погрязнуть); чередованіе ъ—у замѣнилось чередованіемъ о—у (сохнуть—сухъ) и т. д.

Но само по себѣ чередованіе гласныхъ не составляетъ характерной особенности русскаго языка. Оно было и въ старославянскомъ и въ общеславянскомъ языкахъ и, далѣе, въ индоевропейскомъ праязыкѣ. Изъ праязыка перешло оно въ отдѣльные индо-европейскіе языки (сравни латинск. decet—doceo, греч. φέρω—φόρος). Въ чередованіи гласныхъ не слѣдуетъ видѣть ни «усиленія» ни «перехода» одного гласнаго въ другой. Чередующіеся гласные существовали и су-

ществуютъ одновременно въ родственныхъ словахъ; этимъ чередованіе гласныхъ существенно отличается отъ всѣхъ указанныхъ явленій старославянскаго и древне-русскаго языковъ.

4. Переходъ **е** въ **о** (**ё**). Въ XII вѣкѣ началось еще одно важное звуковое измѣненіе, которое уже не успѣло распространиться одинаково во всемъ русскомъ языкѣ; это былъ переходъ **е** въ **о** (**ё**). Въ рукописяхъ XII вѣка встрѣчаются примѣры перехода **е** въ **о** послѣ шипящихъ передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ или въ концѣ слова: жона, пшоно, щодръ, пришолъ. Далѣе, послѣ XII вѣка звукъ **е** сталъ переходить въ **о** (**ё**) не только послѣ шипящихъ, но и послѣ другихъ согласныхъ (сравни: берёза, вёлъ). Однако, прежде чѣмъ новое измѣненіе **е** въ **о** (**ё**) успѣло распространиться во всемъ русскомъ языкѣ, русскій языкъ началъ уже раздѣляться на нарѣчія. Поэтому, измѣненіе **е** въ **о** (**ё**) хотя встрѣчается теперь и во всѣхъ нарѣчіяхъ, но неодинаково. Такъ, въ Малорусскомъ нарѣчіи переходъ **е** въ **о** (**ё**) встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ въ другихъ нарѣчіяхъ; напр., малороссы говорятъ: пэчэмъ, овэсъ, зэлэный (вмѣсто печёмъ, овёсъ, зелёный — см. § 8,9), и лишь въ немногихъ словахъ, особенно послѣ шипящихъ, слышится **о** (**ё**) и въ Малорусскомъ нарѣчіи; напр.: жона, чоловікъ, слёзы.

Примѣчаніе. Въ акающихъ нарѣчіяхъ (т. е. въ Бѣлорусскомъ нарѣчіи и въ Южно-великорусскомъ поднарѣчіи) и въ литературномъ произношеніи **о** (**ё**) слышится теперь только подъ удареніемъ (ср. § 10,3). Въ Сѣв.-Велик. же поднарѣчіи и безударное **е** произносится передъ твердыми согл. какъ **о** (**ё**) (см. § 4,2).

Общія замѣчанія о звуковыхъ измѣненіяхъ.

§ 21. Всѣ указанныя измѣненія въ старославянскомъ и въ древне-русскомъ языкахъ касались отдѣльныхъ звуковъ или отдѣльныхъ звуковыхъ сочетаній. Эти звуковыя измѣненія происходили независимо отъ того, къ какой части рѣчи, къ какому падежу, числу, роду или къ какому наклоненію, времени и т. п. принадлежало данное слово. Если, напримѣръ, въ общеславянскомъ словѣ звукъ **г** оказывался передъ зву-

ками **е** или **ь**, то это **г** обязательно смягчалось въ **ж**,—было ли это слово именемъ существительнымъ (какъ форма муж. рода Единств. числа Зват. пад. Б о ж е), было ли оно именемъ прилагательнымъ (какъ форма б о ж ь с к ъ), было ли оно глаголомъ (какъ форма 2 лица Множ. ч. Наст. вр. Изъяв. накл. м о ж е т е). Точно такъ же, при звуковыхъ измѣненіяхъ не имѣло значенія и то, къ какой части слова относился данный звукъ или данное звуковое сочетаніе: къ приставкѣ, къ корню или къ суффиксу; такъ напр. **ъ** переходилъ въ древнерусскомъ языкѣ въ **о** и въ приставкахъ (с о б р а т ь изъ с ъ б ь р а т и), и въ корняхъ (л о б ъ изъ л ъ б ъ), и въ суффиксахъ (к у с о к ъ изъ к у с ъ к ъ).

Такимъ образомъ, звуковыя измѣненія происходили въ опредѣленную эпоху обязательно во всѣхъ словахъ, гдѣ были необходимыя для этого условія. Поэтому, звуковыя измѣненія могутъ быть названы звуковыми (иначе «фонетическими», отъ греческаго слова φόνος—звукъ) законами.

Въ основѣ такихъ строго-послѣдовательныхъ звуковыхъ измѣненій лежатъ физіологическія причины. Для произношенія каждаго звука и звукового сочетанія нужна особая укладка (т. е. расположеніе) органовъ рѣчи и ихъ особыя движенія. Такая укладка и движенія органовъ рѣчи иногда физіологически измѣняются; тогда измѣняется и соотвѣтствующій звукъ или звуковое сочетаніе.

Старая укладка органовъ рѣчи и соотвѣтствующій ей звукъ могутъ быть совсѣмъ утеряны и забыты народомъ. Напримѣръ, русскіе совсѣмъ забыли произношеніе носовыхъ, такъ что теперь многіе лишь съ большимъ трудомъ усваиваютъ произношеніе французскихъ носовыхъ сочетаній. Въ другихъ случаяхъ укладка и соотвѣтствующій ей звукъ измѣняются лишь при опредѣленныхъ условіяхъ; напримѣръ, сѣверные великоруссы измѣнили **е** въ **о** (ё) въ положеніи вообще передъ твердыми согласными; южные же великоруссы измѣнили **е** въ **о** (ё) передъ твердыми согласными лишь въ тѣхъ случаяхъ, если на **е** падало удареніе (см. § 4,2 и § 10,3).

---

*

IV.

СКЛОНЕНІЕ И СПРЯЖЕНІЕ.

Измѣненія формъ словъ.

§ 22. Кромѣ звуковыхъ измѣненій, въ старославянскомъ и въ древне-русскомъ языкахъ происходили особыя измѣненія въ формахъ склоненія и спряженія. Измѣненія въ формахъ склоненія и спряженія (иначе называемыя измѣненіями морфологическими, отъ греческаго слова μορφή—форма) касались не отдѣльныхъ звуковъ слова, но опредѣленной, знаменательной его части, именно—его окончанія. При этомъ, принадлежность слова къ той или другой грамматической категоріи имѣла важное значеніе; поэтому, напр., исторія измѣненій въ склоненіи именъ существительныхъ была иная, чѣмъ исторія измѣненій именъ прилагательныхъ, мѣстоименій и т. п.

СКЛОНЕНІЕ ИМЕНЪ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХЪ.

Общія замѣчанія о склоненіи именъ существительныхъ.

§ 23. Древняя система склоненія именъ существительныхъ отличалась отъ современнаго русскаго склоненія большимъ разнообразіемъ формъ, а именно:

1) Въ старославянскомъ и въ древне-русскомъ языкахъ были особыя формы Двойственнаго числа. Формы Двойственнаго числа употреблялись въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь шла о двухъ предметахъ; напр. **дъвѣ рыбѣ, дъвѣ селѣ, о дъвою моученикоу** и т. п.

2) Въ старославянскомъ и въ древне-русскомъ языкахъ были особыя формы Звательнаго падежа Единств. числа именъ существительныхъ; напр. **Боже, рабе, жено** и т. п.

Во Множественномъ же числѣ въ значеніи Зват. пад. употреблялись формы Именит. падежа.

3) Въ старославянскомъ и въ древне-русскомъ языкахъ

различныхъ типовъ склоненія было больше, чѣмъ въ современномъ русскомъ языкѣ.

Типы склоненія.

§ 24. Имена существительныя ~~еще въ общеславянскомъ языкѣ~~ дѣлились по склоненію на нѣсколько типовъ. Различіе въ типахъ склоненія произошло въ зависимости отъ конечныхъ звуковъ основы, къ которымъ при склоненіи присоединялись падежныя окончанія. Изъ общеславянскаго языка эти типы склоненія перешли въ старославянскій и въ древнерусскій языки. Они были таковы:

1) Имена существительныя женск. рода, основа которыхъ оканчивалась въ общеславянскомъ языкѣ на **a**, **ja**. Въ Имен. пад. Ед. ч. въ старославянскомъ и древне-русскомъ языкахъ эти имена оканчивались на а, ꙗ,—напр.: **жена**, **ꙁемлꙗ**.

2) Имена существительныя женскаго рода, основа которыхъ оканчивалась въ общеславянскомъ языкѣ на **ь** (иначе на **и** краткое). Въ Имен. пад. Ед. ч. въ старославянскомъ и въ древне-русскомъ языкахъ такія имена оканчивались на **ь**; сюда принадлежали такія слова, какъ: **кость**, **дань**, **жиꙁнь** и другія.

3) Имена существительныя муж. и средн. рода, основа которыхъ оканчивалась въ общеславянскомъ языкѣ на **o**, **jo**. Въ Имен. пад. Ед. ч. въ старославянскомъ и въ древне-русскомъ языкахъ такія имена муж. рода оканчивались на **ъ**, **ь**, **и**, напр. **рабъ**, **конь**, **краи**, а имена средн. рода—на **о**, **ѥ**, напр. **лѣто**, **полѥ**.

4) Имена существительныя муж. рода, основа которыхъ оканчивалась въ общеславянскомъ языкѣ на **ъ** (иначе—на **у** краткое). Въ Имен. пад. Ед. ч. въ старославянскомъ и въ древне-русскомъ языкахъ такія имена оканчивались на **ъ**, т. е. сходно съ именами муж. рода съ основой на **o** (см. пунктъ 3-й); но склоненіе ихъ было иное; къ нимъ принадлежали такія слова, какъ: **сынъ**, **медъ**, **домъ**, **врьхъ** (древне-русск. в ь р х ъ).

5) Имена существительныя муж. рода, основа которыхъ оканчивалась въ общеславянскомъ языкѣ на **ь** (иначе на **и**

краткое). Въ Имен. пад. Ед. ч. такія имена оканчивались въ старославянскомъ и въ древне-русскомъ языкахъ на ь; но склоненіе ихъ отличалось отъ склоненія именъ муж. рода съ основой на **jo** (см. пунктъ 3-й). Сюда принадлежали такія, напр., слова: **пѫть** (др.-русск. путь), **гость, огнь, ѕвѣрь, ѕать** (др.-русск. зꙗть) и другіе.

6) Имена существительныя муж., женск. и ср. родовъ, основы которыхъ оканчивались въ общеславянскомъ языкѣ на согласные звуки. Въ Имен. пад. Ед. ч. въ старославянскомъ и въ древне-русскомъ языкахъ такія имена имѣли различныя окончанія (см. дальше § 28). Сюда принадлежали слова: **камы** (камень), **дитѧ** (др.-русск. дитꙗ), **слово, мати** (мать) и нѣкоторыя другія.

Склоненіе именъ женск. рода на а и ꙗ.

§ 25. Старославянскій языкъ. Древне-русскій языкъ.

Единственное число.

И.	**жен-а**	**ѕемл-ꙗ**	жен-а	земл-ꙗ
Р.	**жен-ы**	**ѕемл-ѩ**	жен-ы	земл-ѣ
Д.	**жен-ѣ**	**ѕемл-и**	жен-ѣ	земл-и
В.	**жен-ѫ**	**ѕемл-ѭ**	жен-у	земл-ю
Тв.	**жен-оѭ**	**ѕемл-ѥѭ**	жен-ою	земл-єю
М.[1]	**жен-ѣ**	**ѕемл-и**	жен-ѣ	земл-и
Зв.	**жен-о**	**ѕемл-е**	жен-о	земл-е

Множественное число.

И.Зв.	**жен-ы**	**ѕемл-ѩ**	жен-ы	земл-ѣ
Р.	**жен-ъ**	**ѕемл-ь**	жен-ъ	земл-ь
Д.	**жен-амъ**	**ѕемл-ꙗмъ**	жен-амъ	земл-ꙗмъ
В.	**жен-ы**	**ѕемл-ѩ**	жен-ы	земл-ѣ
Тв.	**жен-ами**	**ѕемл-ꙗми**	жен-ами	земл-ꙗми
М.	**жен-ахъ**	**ѕемл-ꙗхъ**	жен-ахъ	земл-ꙗхъ

[1]) М. обозначаетъ Мѣстный падежъ. Такъ называется для древняго склоненія Предложный падежъ, т. к. формы этого падежа могли употребляться и безъ предлога.

Двойственное число.

И. В. Зв.	**жен-ѣ**	**ꙁемл-и**
Р. М.	**жен-оу**	**ꙁемл-ю**
Д. Тв.	**жен-ама**	**ꙁемл-ꙗма**

Къ этому склоненію надо сдѣлать слѣдующія замѣчанія:

1) Основа именъ женскаго рода на **а** и **ꙗ** оканчивалась въ общеславянскомъ языкѣ на **а** и **ja**. Основа на **ja** отличалась отъ основы на **а** тѣмъ, что передъ конечнымъ гласнымъ **а** въ ней былъ **j**. Йотъ оказалъ смягчающее вліяніе на слѣдующіе за нимъ гласные падежныхъ окончаній. Благодаря этому, рядомъ съ твердымъ склоненіемъ типа **жена**, получилось сходное съ нимъ мягкое, йотованное склоненіе типа **ꙁемлꙗ**.

Примѣчаніе. Къ мягкому йотованному склоненію принадлежали также слова, которыя имѣли въ старослав. и въ др.-русск. языкахъ передъ окончаніемъ Имен. пад. Ед. числа **а** звуки: **ч, ж, ш, з, ц, жд, шт**. напр. **доуша, тоуча, овьца**. Эти смягченные звуки образовались изъ задненебныхъ **г, к, х** или зубныхъ **д** и **т** въ сочетаніи съ **j**. Йотъ, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, исчезъ (см. примѣч. 2 къ § 18,1, примѣч. къ § 18,3 и примѣч. 3 къ § 19,4). Но эти слова сохранили йотованное склоненіе; такъ напр., форма Родительн. падежа была **доуша, овьцѧ** (какъ **ꙁемлѧ**, а не какъ **жены**), форма Дательнаго падежа—**доуши, овьци** (какъ **ꙁемл-и**, а не какъ **жен-ѣ**) и т. п.

2) Нѣкоторыя различія между старославянскими и древне-русскими формами вполнѣ объясняются звуковыми различіями между этими языками. Такъ, вмѣсто старославянской формы **женѫ** (Винит. падежъ Единств. числа) въ древне-русскомъ языкѣ была форма ж е н у, потому что старославянскому **ѫ** вообще соотвѣтствовало русское **у** (см. § 17,4). Точно также объясняются древне-русскія формы ж е н о ю, з е м л ю ю (Творит. падежъ Единств. числа) вмѣсто старославянскихъ формъ **женоѭ, ꙁемлеѭ**.

3) Въ мягкомъ склоненіи старославянскимъ формамъ Родит. пад. Единств. ч. и Имен.—Винит. пад. Множ. числа

ȥємлꙗ, доуша соотвѣтствовали древне-русскія формы землѣ, доушѣ. Такая замѣна старославянскаго ꙗ, ѩ черезъ ѣ встрѣчается только въ нѣкоторыхъ формахъ склоненія, тогда какъ вообще старославянскому ꙗ, ѩ въ древне-русскомъ языкѣ соотвѣтствовало а, ꙗ (см. § 17,4).

4) По образцу именъ на ꙗ (**ȥємлꙗ**) въ старославянскомъ и въ древне-русскомъ языкахъ склонялись также имена женск. рода, оканчивавшіяся въ Имен. пад. Единств. ч. на **и**, какъ наприм.: **кънꙗгыни, рабыни, поустыни** и т. п.

Склоненіе именъ женскаго рода на **ь**.

§ 26. Старославянскій языкъ. Древне-русскій языкъ.

	Един. число.	Множ. число.	Един. число.	Множ. число.
И.	**кост-ь**	**кост-и**	кост-ь	кост-и
Р.	**кост-и**	**кост-ии, кост-ьи**	кост-и	кост-ьи кост-ии
Д.	**кост-и**	**кост-ьмъ**	кост-и	кост-ьмъ
В.	**кост-ь**	**кост-и**	кост-ь	кост-и
Тв.	**кост-иѭ кост-ьѭ**	**кост-ьми**	кост-ью, кост-ию	кост-ьми
М.	**кост-и**	**кост-ьхъ**	кост-и	кост-ьхъ
Зв.	**кост-и**		кост-и	

Двойственное число.

И. В. Зв.	**кост-и**
Р. М.	**кост-ию кост-ью**
Д. Тв.	**кост-ьма.**

Къ склоненію именъ женскаго рода на **ь** надо сдѣлать слѣдующія замѣчанія:

1) Старославянской формѣ Творит. падежа Единств. числа **костьѭ** соотвѣтствовала древне-русская форма костью, согласно звуковымъ различіямъ между старославянскимъ и древне-русскимъ языками.

2) Древне-русская форма Родит. падежа Множеств. числа костьи измѣнилась послѣ XII вѣка въ форму костеи.

§ 27. Имена существительныя мужеск. рода, оканчивавшіяся въ старославянскомъ и въ древне-русскомъ языкахъ въ Имен. пад. Единств. числа на ъ и ь, произошли отъ различныхъ основъ, и поэтому принадлежали къ различнымъ типамъ склоненія (см. § 24). Склоненіе этихъ именъ было таково: Склоненіе именъ муж. рода на ъ и ь.

Старославянскій языкъ.

	Основа на о.	Основа на ъ.	Основа на jo.	Основа на ь.
		Единственное число.		
И.	раб-ъ	сын-ъ	кон-ь	гост-ь
Р.	раб-а	сын-оу	кон-ꙗ	гост-и
Д.	раб-оу	сын-ови	кон-ю	гост-и
В.	раб-ъ	сын-ъ	кон-ь	гост-ь
Тв.	раб-омь	сын-ъмь	кон-ѥмь	гост-ьмь
М.	раб-ѣ	сын-оу	кон-и	гост-и
Зв.	раб-є	сын-оу	кон-ю	гост-и
		Множественное число.		
И. Зв.	раб-и	сын-овє	кон-и	гост-иѥ, гост-ьѥ
Р.	раб-ъ	сын-овъ	кон-ь	гост-ии, гост-ьи
Д.	раб-омъ	сын-ъмъ	кон-ѥмъ	гост-ьмъ
В.	раб-ы	сын-ы	кон-ꙗ	гост-и
Тв.	раб-ы	сын-ъми	кон-и	гост-ьми
М.	раб-ѣхъ	сын-ъхъ	кон-ихъ	гост-ьхъ
		Двойственное число.		
И. В. Зв.	раб-а	сын-ы	кон-ꙗ	гост-и
Р. М.	раб-оу	сын-овоу	кон-ю	гост-ию, гост-ью
Д. Тв.	раб-ома	сын-ъма	кон-ѥма	гост-ьма

Древне-русскій языкъ.

Единственное число.

И.	раб-ъ	сын-ъ	кон-ь	гост-ь
Р.	раб-а	сын-а	кон-ꙗ	гост-и,
	(льн-у)	(мед-у)		гост-ꙗ
Д.	раб-у,	сын-ови,	кон-ю,	гост-и
	раб-ови	сын-у	кон-ѥви	гост-ю
В.	раб-ъ	сын-ъ	кон-ь	гост-ь
Тв.	раб-ъмь	сын-ъмь	кон-ьмь	гост-ьмь
М.	раб-ѣ	сын-ѣ	кон-и	гост-и
	(въ пир-у)	(дом-у)		
Зв.	раб-е	сын-у	кон-ю	

Множественное число.

И. Зв.	раб-и	сын-ове	кон-и	гост-иѥ, гост-и
Р.	раб-ъ	сын-овъ	кон-ь	гост-ьи
	раб-овъ		кон-ьи	гост-ии
			кон-ии	
Д.	раб-омъ	сын-омъ	кон-ѥмъ	гост-ьмъ
В.	раб-ы	сын-ы	кон-ѣ	гост-и
Тв.	раб-ы	сын-ы	кон-и	гост-ьми
			кон-ьми	
М.	раб-ѣхъ	сын-ъхъ	кон-ихъ	гост-ьхъ
		сын-ѣхъ		гост-ихъ

Къ этимъ типамъ склоненія надо сдѣлать слѣдующія замѣчанія.

1) Въ старославянскомъ языкѣ существовала замѣтная разница въ склоненіи между словами **рабъ** и **сынъ**. Разница эта объясняется тѣмъ, что окончаніе основы въ словахъ **сынъ**, **волъ**, **домъ**, **медъ** и др. было иное, чѣмъ въ словахъ **рабъ**, **Богъ**, **родъ**, **миръ** и др.; а именно: основа первой группы словъ оканчивалась въ общеславянскомъ языкѣ на **ъ** (иначе—

на **у** краткое); основа же второй группы словъ оканчивалась на **о**. Но, благодаря различнымъ звуковымъ измѣненіямъ, окончаніе Именит. пад. Единств. числа всѣхъ этихъ словъ еще въ общеславянскомъ языкѣ стало одинаковымъ (**ъ**), и тогда склоненіе старыхъ основъ на **ъ** стало смѣшиваться съ склоненіемъ старыхъ основъ на **о**. Въ старославянскомъ языкѣ это смѣшеніе было незначительнымъ; но въ древне-русскомъ языкѣ эти два типа склоненія смѣшивались уже замѣтно.

2) Склоненіе слова **конь** было сходно съ склоненіемъ слова **рабъ**. Это сходство объясняется тѣмъ, что въ общеславянскомъ языкѣ основа слова **конь** также оканчивалась на **о**. Но передъ этимъ **о** находился **j**. Йотъ оказалъ смягчающее вліяніе на слѣдующіе за нимъ гласные падежныхъ окончаній. Благодаря этому, рядомъ съ твердымъ склоненіемъ типа **рабъ** получилось сходное съ нимъ мягкое, йотованное склоненіе типа **конь** (сравни § 25,1).

Примѣчаніе. Къ йотованному склоненію въ старослав. и въ древне-русск. языкахъ принадлежали слова, въ которыхъ передъ падежными окончаніями были шипящіе звуки или **ц**, а въ старославянскомъ языкѣ также **жд** и **шт**: **врачь**, **кождь**, **ножь**, **отьць**. Эти смягченные звуки образовались изъ задненебныхъ или зубныхъ **д** и **т** въ сочетаніи съ **j**. Йотъ, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, исчезъ (см. примѣч. 2 къ § 18,1 и примѣч. 3 къ § 19,4).

3) Въ старославянскомъ языкѣ существовала замѣтная разница въ склоненіи между словами **конь** и **гость**. Эта разница объясняется тѣмъ, что окончаніе основы въ словахъ, какъ **конь**, **мѫжь**, **вратарь** было иное, чѣмъ въ словахъ, **гость**, **ѕвѣрь**, **огнь**. Основа первой группы словъ оканчивалась въ общеславянскомъ языкѣ на **jo**; основа второй группы словъ оканчивалась на **ь** (см. § 24). Но, благодаря различнымъ звуковымъ измѣненіямъ, окончаніе Именит. падежа стало еще въ общеславянскомъ языкѣ въ обѣихъ группахъ одинаковымъ (**ь**). Тогда склоненіе старыхъ основъ на **jo** стало смѣшиваться съ склоненіемъ старыхъ основъ на **ь**. Такое смѣшеніе особенно замѣтно въ древне-русскомъ языкѣ.

Кромѣ того, склоненіе основъ на **jo**, сходное съ склоненіемъ основъ на **o**, стало вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ смѣшиваться съ склоненіемъ основъ на **ъ**; такъ объясняется, напр., древне-русская форма Дат. пад. Единств. ч. конкви (ср. рабови—сынови).

4) Въ формѣ Вин. пад. Множ. ч. въ склоненіи основъ на **jo** въ древне-русскомъ языкѣ было окончаніе **ѣ**, соотвѣтственно старославянскому **ѩ**; напр., ст.-слав. **конѩ**, древнерусск. конѣ (ср. § 25,з).

5) Въ формахъ Твор. пад. Единств. ч. (сынъмь) и Род. пад. Множ. ч. (гостьи) глухіе **ъ** и **ь** замѣнились въ древне-русскомъ языкѣ въ XII в. полными гласными **о**, **е**: сыномь (позже—сыномъ), гостей.

6) По типу **ракъ** склонялись также слова средняго рода на **о**, какъ **лѣто**, **мѣсто**. Отличались лишь формы Имен. Зват. Вин. Ед. ч. (**лѣто**) и Имен. Вин. Мн. ч. (**лѣта**). Но склоненіе словъ средн. рода почти не подверглось вліянію склоненія на **ъ** (типа **сынъ**).

7) По типу **конь** склонялись также имена существительныя муж. рода съ окончаніемъ **и** (напр. **краи**) и имена средн. рода съ окончаніемъ **ѥ** (напр. **полѥ**). Отличались лишь формы Имен. Зват. Вин. Ед. ч. обоихъ родовъ (**краи**, **полѥ**) и Имен. Винит. Множ. ч. въ именахъ средняго рода (**полѩ**).

Склоненіе именъ съ основой на согласный звукъ.

§ 28. Въ общеславянскомъ языкѣ было еще особое склоненіе для именъ существительныхъ, основа которыхъ оканчивалась на согласный звукъ. Во всѣхъ такихъ именахъ основа Именит. пад. отличалась по своимъ конечнымъ звукамъ отъ основы косвенныхъ падежей. Это склоненіе перешло въ старославянскій и отчасти въ древне-русскій языкъ.

Къ этому склоненію въ старославянскомъ языкѣ принадлежали:

1) Имена средняго рода съ основой на **н**: **имѧ—имене** (см. примѣчаніе къ § 17,4); сюда же относились слова: **врѣмѧ**, **бремѧ**, **сѣмѧ** и др.

2) Имена мужеск. рода съ основой на **н**: **камы—камене**, **пламы — пламене**; по этому же типу склонялось слово **дьнь**, кромѣ формы Имен. п. Единств. ч.—**дьнь** и др.

3) Имена средн. рода съ основой на **т**: **отроуѧ — отроуѧте**; сюда же относились слова: **дитѧ**, **козьлѧ**, **прасѧ** (т. е. поросенокъ) и др.

4) Имена средн. рода съ основой на **с**: **небо—небесе**; сюда же относились слова: **чоудо**, **слово**, **око**, **оухо**, **коло** (современное русское колесо) и др.

5) Имена женск. рода съ основой на **р**: **мати—матере** и **дъшти—дъштере** (древне-русск. дъчи—дъчере).

6) Имена женск. рода съ основой на **ъв**: **црькы—црькъве**; сюда же относились слова: **боукы** (буква), **свекры** (свекровь), **смокы** (смоква) и др.

Примѣчаніе 1. Имена существительныя съ основой на согласный звукъ имѣли когда-то этотъ согласный и въ Именит. падежѣ Единств. числа (**небо**—сравни греческое νέφος); но благодаря различнымъ звуковымъ измѣненіямъ, бывшимъ въ общеславянскомъ языкѣ, формы Именит. пад. Единств. ч. утратили эти согласные звуки.

Примѣчаніе 2. Въ именахъ женскаго рода съ окончаніемъ Именит. падежа **ы**: **црькы**, **свькры**, основа оканчивалась не на согласный звукъ, а на **ы**. Звукъ **ы** въ общеславянскомъ языкѣ передъ гласными падежныхъ окончаній обратился въ **ъв**; поэтому: **црькы—црькъве** (сравни **крыти—съкръвенъ**, **мыти—оумъвенъ**. Но такъ какъ эти имена склонялись по типу словъ съ основой на согласные, то они и могутъ быть отнесены къ ихъ группѣ.

Вотъ образцы старославянскаго склоненія именъ существительныхъ съ основой на согласный звукъ.

	Основа на **н** средн. рода.	Основа на **н** муж. р.	Основа на **т** средн. р.	Основа на **с** средн. р.
		Единственное число.		
И. Зв.	**имѧ**	**камы**	**отроуѧ**	**небо**
Р.	**имене**	**камене**	**отроуѧте**	**небесе**
Д.	**имени**	**камени**	**отроуѧти**	**небеси**
В.	**имѧ**	**камень**	**отроуѧ**	**небо**

Тв.	именьмь	каменьмь	отроуѧтьмь	небесьмь
М.	имене	камене	отроуѧте	небесе.

Чтобы иметь начальство поправлять, надо побольше знать. (?)

Множественное число.

И. Зв.	имена	камене	отроуѧта	небеса
Р.	именъ	каменъ	отроуѧтъ	небесъ
Д.	именьмъ	каменьмъ	отроуѧтьмъ	небесьмъ
В.	имена	камени	отроуѧта	небеса
Тв.	имены	каменьми	отроуѧты	небесы
М.	именьхъ	каменьхъ	отроуѧтьхъ	небесьхъ

	Основа на р женск. рода.		Основа на ъв женск. р.	
	Единств. ч.	Множ. ч.	Единств. ч.	Множ. ч.
И. Зв.	мати	матери	цръкы	цръкъви
Р.	матере	матеръ	цръкъве	цръкъвъ
Д.	матери	матерьмъ	цръкъви	цръкъвамъ
В.	матерь	матери	цръкъвь	цръкъви
Тв.	материѭ	матерьми	цръкъвиѭ	цръкъвами
М.	матери	материхъ	цръкъве	цръкъвахъ

Примѣчаніе. Имена съ основой на согласный звукъ не были многочисленны; вмѣстѣ съ тѣмъ, склоненіе этихъ именъ замѣтно подчинялось склоненію именъ съ другими основами, особенно съ основами на ь муж. и женск. рода. Поэтому, въ дошедшихъ до насъ старославянскихъ памятникахъ совсѣмъ не встрѣчается нѣкоторыхъ формъ отъ именъ съ основой на согласный звукъ. Такъ напр., для многихъ словъ нѣтъ формъ Двойств. числа (мати, цръкы, отроуѧ). Какъ образцы встрѣчающихся формъ Двойств. числа, могутъ быть указаны формы Им.-Вин. пад.—тѣлесѣ, Род.-М. пад.—тѣлесоу, Дат.-Тв. пад.—тѣлесьма. Слова оухо и око имѣли формы Двойств. числа отъ основъ на ь: оуши—оушию—оушима.

Исторія склоненія въ русск. языкѣ.

§ 29. Древне-русское склоненіе отличалось отъ склоненія старославянскаго главнымъ образомъ смѣшеніемъ формъ разныхъ типовъ склоненія. Смѣшеніе это объясняется слѣдующимъ образомъ. Если, напр., отъ слова р а б ъ производили

формы раба—рабу, то легко могли производить такія же формы и отъ слова сынъ, которое въ Имен. п. Единств. ч. было вполнѣ сходно со словомъ рабъ; такимъ образомъ стали говорить сына—сыну (вмѣсто сыну—сынови) и т. д. Точно также, если говорили конь—коня—коню, то легко могли говорить и гость—гостя—гостю (вмѣсто гости—гости) и т. д.

Въ основѣ такихъ новообразованій лежали уже не физіологическія причины, т. е. не укладка органовъ рѣчи (ср. § 21), но причины психическія, а именно дѣйствіе закона ассоціаціи по сходству. Такія измѣненія языка, которыя совершаются подъ вліяніемъ психическаго закона ассоціаціи, называются измѣненіями по аналогіи. Измѣненія по аналогіи сыграли очень важную роль въ исторіи русскаго склоненія.

Исторія русскаго склоненія послѣ XII вѣка была такова.

1) Старая форма Именит. пад. Множ. ч. именъ муж. р. основъ на **о** (раби) замѣнилась въ древне-русскомъ языкѣ формою Винит. пад. Множ. ч. (рабы). Эта замѣна объясняется тѣмъ, что Именит. и Винит. падежи часто бывали сходны между собою въ древне-русскомъ языкѣ (напр. всегда въ именахъ средняго рода, въ Двойств. числѣ и т. п.). Новыя формы Именит. пад. на **ы** (рабы) стали появляться въ рукописяхъ съ XIII вѣка; напр. «сташа обои послы» (вмѣсто посли).

2) Формы разныхъ типовъ склоненія стали въ древне-русскомъ языкѣ смѣшиваться между собою подъ вліяніемъ аналогіи. Это смѣшеніе сначала внесло нѣкоторый безпорядокъ въ употребленіе формъ (см. § 27 и образцы). Но постепенно однѣ формы вышли изъ употребленія, уступивъ свое мѣсто другимъ, и такимъ образомъ система русскаго склоненія упорядочилась. Но при этомъ, древнее разнообразіе типовъ склоненія значительно уменьшилось, а именно:

А) Два типа склоненія именъ муж. рода съ окончаніемъ Имен. пад. Единств. ч. **ъ** (рабъ и сынъ) соединились въ

одинъ типъ, причемъ восторжествовало склоненіе старой основы на **о** (типа рабъ). Старое склоненіе основы на **ъ** (**у**) (типа сынъ) теперь забыто, хотя отъ него до сихъ поръ остались нѣкоторые слѣды въ склоненіи словъ мужескаго рода съ окончаніемъ Имен. пад. Единств. ч. на **ъ**, а именно:

а) Въ Родит. падежѣ Единств. числа этихъ словъ мужескаго рода до сихъ поръ бываетъ окончаніе **у**: гороху, сахару (напр. въ выраженіи—фунтъ сахару).

б) Въ Мѣстномъ падежѣ Единств. числа до сихъ поръ сохраняется рядомъ съ окончаніемъ **ѣ** и окончаніе **у** (подъ удареніемъ): на полу́, на верху́, въ лѣсу́, въ углу́.

в) Для Родит. падежа Множ. числа сохранились обѣ старыя формы: на **овъ** (отъ основъ на **ъ**), напр. столовъ, фунтовъ, и на **ъ** (отъ основъ на **о**), напр. глазъ, солдатъ. Окончаніе **овъ** въ литературномъ языкѣ болѣе распространено, чѣмъ окончаніе **ъ**. Въ народныхъ же Великорусскихъ говорахъ оно продолжаетъ распространяться до сихъ поръ; такъ говорятъ: разовъ, рублёвъ, и даже въ словахъ средняго рода—мѣстовъ, яблоковъ.

Б) Два типа склоненія именъ муж. рода съ окончаніемъ въ Имен. п. Единств. ч. **ь** (конь и гость) соединились въ одинъ типъ, причемъ восторжествовало склоненіе основъ на **jo** (конь). Слова, какъ гость, звѣрь, огонь (съ старой основой на **ь**), склоняются теперь по типу слова конь. Лишь для Родит. пад. Множ. ч. употребляется форма отъ основъ на **ь**: гостей, звѣрей, коней (вмѣсто забытой древне-русской формы конь—см. § 27).

Такимъ образомъ, всѣ слова муж. р. съ окончаніемъ **ъ**, **ь**, **й** и слова средн. рода съ окончаніемъ **о**, **е** составляютъ въ современномъ русскомъ литературномъ языкѣ одинъ типъ склоненія.

В) Имена муж. рода на **ъ**, **ь**, **й**, имена средн. рода на **о**, **е** и имена женск. рода на **ь** въ формахъ Дат., Твор., Мѣстн. пад. Множ. числа имѣютъ теперь въ литературномъ

языкѣ окончанія **амъ, ами, ахъ** (**ямъ, ями, яхъ**) вмѣсто своихъ старыхъ окончаній (см. образцы). Эта перемѣна произошла подъ вліяніемъ склоненія словъ женскаго рода на **а**: по аналогіи съ формами — ж е н а м ъ—ж е н а м и—ж е н а х ъ стали говорить: р а б а м ъ—р а б а м и—р а б а х ъ, к о с т я м ъ—к о с т я м и—к о с т я х ъ и т. п. Такія окончанія **амъ, ами, ахъ** стали появляться только съ XIII вѣка.

Г) Имена, основа которыхъ оканчивалась на согласный звукъ (см. § 28), значительно измѣнили свое древнее склоненіе по аналогіи съ другими болѣе употребительными типами склоненія. Многія имена съ основами на согласный постепенно даже совсѣмъ потеряли свое старое склоненіе; напр., слово к а м е н ь (к а м ы—отъ основы на **н**) склоняется теперь, какъ всѣ слова муж. р. на **ь**; слово с л о в о (отъ основы на с—см. образецъ **небо**) склоняется теперь, какъ всѣ слова ср. рода на **о**, и т. п. Другія имена существительныя, происшедшія отъ основъ на согласные, сохраняютъ нѣкоторые остатки своихъ старыхъ формъ; таковы слова: и м я, м а т ь, д и т я, н е б о и др. (ср. образцы § 28).

З) Формы твердыхъ типовъ склоненія оказали въ древнерусскомъ языкѣ вліяніе на формы соотвѣтствующихъ мягкихъ типовъ. Вслѣдствіе этого, старое различіе этихъ двухъ типовъ (т. е. твердаго—нейотованнаго и мягкаго—йотованнаго), сохранявшееся въ старославянскомъ языкѣ и въ русскомъ языкѣ въ древнѣйшую эпоху, стало въ русскомъ языкѣ послѣ XII в. нарушаться. Такъ произошли слѣдующія измѣненія:

а) въ склоненіи именъ женск. рода съ окончаніемъ ꙗ (**я**)

	параллельно формамъ:	явились формы:
Р. п. Ед. ч.	ж е н ы	з е м л и
Д. » » »	ж е н ѣ	з е м л ѣ
Тв. » » »	ж е н о ю	з е м л ё ю
М. » » »	ж е н ѣ	з е м л ѣ
И. В. п. Мн. ч.	ж е́ н ы	з е́ м л и

(ср. образцы § 25).

б) въ именахъ муж. рода съ окончаніемъ **ь**, **й** и средн. р. съ окончаніемъ **е** въ формѣ Мѣстн. пад. Единств. ч. окончаніе **и** замѣнилось окончаніемъ **ѣ**, по аналогіи съ твердымъ типомъ склоненія: о конѣ, какъ о рабѣ (см. § 27).

4. Въ древне-русскомъ склоненіи передъ падежными окончаніями **ѣ** и **и** вмѣсто задненебныхъ звуковъ **г**, **к**, **х** слышались звуки **з**, **ц**, **с** (см. § 18,$_2$); напр., форма Дат. и Мѣстн. пад. Единств. ч. отъ слова нога была нозѣ, форма Имен. пад. Множ. ч. отъ слова вълкъ была вълци и т. п. Но въ большинствѣ падежныхъ формъ передъ другими окончаніями сохранялись **г**, **к**, **х**. По аналогіи съ этими формами, начиная съ XIII вѣка, стали появляться **г**, **к**, **х** и передъ окончаніями **ѣ**, **и**; такъ стали говорить и писать: ногѣ, рукѣ, дýхи, волки и т. п. Такъ говоримъ мы и теперь. Но въ Бѣлорусскомъ и Малорусскомъ нарѣчіяхъ до сихъ поръ сохраняются старыя формы со смягченными **з**, **ц**, **с** (см. § 6,$_4$).

Примѣчаніе. Въ Род. пад. Ед. ч. и въ Им. Вин. Множ. ч. отъ основъ на **а** было въ древне-русск. языкѣ окончаніе **ы**, напр. руки, ноги; въ XII вѣкѣ это окончаніе замѣнилось окончаніемъ **и**: руки, ноги; но измѣненія задненебныхъ уже не было (см. § 20,$_3$). Поэтому, въ древне-русскомъ языкѣ не было формъ со смягченными **з**, **ц**, **с** передъ **и** въ основахъ на **а**; нѣтъ такихъ формъ и въ Бѣлорусскомъ и Малорусскомъ нарѣчіяхъ.

5. Въ древне-русскомъ языкѣ, такъ же какъ и въ старославянскомъ, имена предметовъ одушевленныхъ имѣли такія же формы Винит. пад., какъ и имена предметовъ неодушевленныхъ; напримѣръ, въ Остромировомъ Евангеліи читается: **посъла рабъ свои** (т. е. послалъ раба своего) и **аще бы вѣдѣла даръ б҃жии** (т. е. если бы знала даръ Божии); или: **изгъна д҃хы словъмь** (т. е. изгналъ дýховъ словомъ) и **тъ недѫгы наша приѩтъ** (т. е. тотъ недуги наши принялъ). Но уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ формы Винит. пад. для именъ предметовъ одушевленныхъ стали въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣняться формами Род. падежа; такъ, въ томъ же Остромировомъ Евангеліи встрѣчаются такіе примѣры:

славлѩахѫ б҃а (т. е. славили Бога), **чьтѫ о҃ца моѥго** (т. е. чту отца моего) и т. п. Употребленіе формъ одного падежа (Родительнаго) въ значеніи другого падежа (Винительнаго) относится къ синтаксическимъ явленіямъ языка. Въ современномъ русскомъ литературномъ языкѣ такое синтаксическое употребленіе формъ Род. пад. въ значеніи Винит. пад. для именъ предметовъ одушевленныхъ встрѣчается: а) въ Единств. и во Множ. числахъ для именъ муж. рода, напр.: вижу брата, братьевъ; б) во Множ. числѣ для именъ женск. рода, напр., вижу сестеръ, дочерей; в) во Множ. числѣ для слова средн. рода дитя, напр., вижу дѣтей. Въ остальныхъ случаяхъ употребляются старыя формы Вин. пад., напр., вижу столъ, руку, кость, мать и т. п. Но въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ выраженіяхъ до сихъ поръ сохраняются старыя формы Вин. пад. и для именъ предметовъ одушевленныхъ муж. рода; напр., выйти замужъ (т. е. за мужа, ср. выйти за купца), поступить въ солдаты, произвести въ офицеры и т. п.

6. Формы Зват. пад. постепенно вышли изъ употребленія въ русскомъ языкѣ. Въ современномъ литературномъ языкѣ сохранилось лишь нѣсколько старыхъ формъ Зват. пад. для словъ, обычно встрѣчающихся въ молитвахъ; напр., Боже, Господи, Царю небесный и т. д.

7. Формы Двойственнаго числа замѣнились формами Множественнаго числа. Эта замѣна началась въ концѣ XII в.; а съ XV вѣка формы Двойств. числа уже почти не встрѣчаются въ памятникахъ. Въ современномъ русскомъ литературномъ языкѣ сохраняются лишь небольшія остатки формъ Двойств. числа; таковы формы муж. рода при числительныхъ два, три, четыре, напр., два стола, три человѣка (см. образцы § 27), хотя эти формы понимаются теперь, какъ формы Род. пад. Единств. числа; такова же старая форма Имен.-Вин. пад. Двойств. числа уши (см. примѣчаніе на стр. 46), хотя эта форма понимается теперь, какъ форма Им.-Вин. пад. Множ. числа.

---

*

СКЛОНЕНІЕ ИМЕНЪ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХЪ И МѢСТОИМЕНІЙ.

Именная и мѣстоименная формы им. прилагательныхъ.

§ 30. Имена прилагательныя имѣютъ въ современномъ литературномъ языкѣ 2 формы—краткую и полную: добръ и добрый. Краткая форма употребляется только для выраженія сказуемаго и стоитъ, поэтому, всегда въ Именительномъ падежѣ; напр.: братъ добръ, тетрадь мала. Но въ древне-русскомъ и въ старославянскомъ языкахъ имена прилагательныя въ краткой формѣ служили также и для выраженія опредѣленія; поэтому, они употреблялись во всѣхъ падежахъ, то есть склонялись. Склоненіе ихъ было точно такое же, какъ и склоненіе именъ существительныхъ съ соотвѣтствующими основами. Поэтому, краткая форма именъ прилагательныхъ называется иначе именной. Такъ напр., добръ склонялось, какъ рабъ; въ женскомъ родѣ добра склонялось, какъ жена и т. п.: И.—добръ рабъ, Р.—добра раба, Д.—добру рабу и т. д. Синь, синꙗ, синѥ склонялись, какъ конь, землꙗ, полѥ и т. п.

Но уже въ первые вѣка нашей письменности (т. е. съ XI—XII вѣка) для выраженія опредѣленія стали употребляться главнымъ образомъ имена прилагательныя въ полной формѣ. Краткія же имена прилагательныя оставались только для выраженія сказуемаго; поэтому, они утратили постепенно склоненіе, сохранивъ только формы Именительнаго падежа.

Примѣчаніе 1. Прилагательныя притяжательныя сохранили до сихъ поръ краткія формы и именное склоненіе. Напр. И. дядинъ домъ, Р. дядина дома, Д. дядину дому. Нѣкоторыя формы, наприм., форма Творительнаго падежа дядинымъ домомъ, заимствованы изъ склоненія полныхъ прилагательныхъ.

Примѣчаніе 2. Въ народныхъ говорахъ иногда и теперь встрѣчаются краткія формы именъ прилагательныхъ въ значеніи опредѣленія и въ косвенныхъ падежахъ.

Полныя формы именъ прилагательныхъ образовались еще

въ общеславянскомъ языкѣ изъ краткихъ съ помощью присоединенія формъ указательнаго мѣстоименія: мужескаго рода—**и**, женскаго рода—**ꙗ**, средняго рода—**ѥ**. Поэтому, полныя формы именъ прилагательныхъ называются иначе мѣстоименными.

Склоненіе мѣстоименія и, ꙗ, ѥ.

§ 31. Указательное мѣстоименіе **и**, **ꙗ**, **ѥ** въ Именительномъ падежѣ Единств. и Множеств. чиселъ не употреблялось въ старославянскомъ и въ древне-русскомъ языкахъ. Оно замѣнялось другимъ указательнымъ мѣстоименіемъ **онъ**, **она**, **оно**. Но въ соединеніи съ частицей **же** это мѣстоименіе употреблялось и въ Именительномъ падежѣ въ значеніи относительнаго мѣстоименія который: **иже**, **ꙗже**, **ѥже**.

Склоненіе мѣстоименія **и**, **ꙗ**, **ѥ** въ старославянскомъ и древне-русскомъ языкахъ было таково:

	Муж. родъ.	Средній родъ.	Женскій родъ.
		Единственное число.	
И.	**и-же**	**ѥ-же**	**ꙗ-же**
Р.	**ѥго**	какъ въ	**ѥѩ**, др.-р. ѥѣ
Д.	**ѥмоу**	муж.	**ѥи**
В.	**и**, **ѥго**	**ѥ**	**ѭ**; др.-р. ю
Тв.	**имь**	какъ въ	**ѥѭ**; др.-р. ѥю
М.	**ѥмь** (**о немь**)	муж.	**ѥи**
		Множественное число.	
И.	**и-же**	**ꙗ-же**	**ꙗ-же**; др.-р. ѣ
Р.	**ихъ**	какъ въ муж. р.	
Д.	**имъ**	какъ въ муж. р.	
В.	**ꙗ**; др.-р. ѣ	**ꙗ**	**ꙗ**; др.-р. ѣ
Тв.	**ими**	какъ въ муж. р.	
М.	**ихъ**	какъ въ муж. р.	

Различія въ склоненіи этого мѣстоименія между старославянскимъ и древне-русскимъ языками объясняются обычными звуковыми и формальными различіями между этими языками. Такъ напр., старославянской формѣ Родит. пад. Единств.

числа женскаго рода ѥѩ соотвѣтствовала древне-русская форма кѣ (сравни § 25,з).

Примѣчаніе. Особенностью современнаго русскаго склоненія является форма Винит. и Родит. падежей Единств. числа женскаго рода её. Эта форма стала употребляться съ XIV вѣка. Въ Родит. пад. пишется ея, хотя въ живомъ произношеніи слышится её. Написаніе ея взято изъ старославянскаго языка—ѥѩ.

Образованіе полныхъ формъ им. прилагательныхъ.

§ 32. Имена прилагательныя краткія, соединившись съ формами мѣстоименія **и, ꙗ, ѥ**, образовали въ общеславянскомъ языкѣ полныя мѣстоименныя формы. При образованіи полныхъ формъ къ каждой падежной формѣ краткаго прилагательнаго присоединялась соотвѣтствующая падежная форма мѣстоименія. Такъ, при образованіи формы Именит. пад. Единств. числа мужескаго рода къ краткой формѣ **добръ** присоединялась форма **и** и получалась форма **добръи**; точно также образовалась форма Имен. пад. Ед. ч. женск. рода—**добра-ꙗ**, средняго рода — **добро-ѥ**, форма Родит. пад. мужескаго рода **добра-ѥго** и т. д. Такимъ образомъ получилось сложное склоненіе именъ прилагательныхъ.

Но при сліяніи двухъ формъ въ соприкоснувшихся звукахъ произошли нѣкоторыя измѣненія, которыя повели въ общемъ къ упрощенію этого сложнаго склоненія. Такъ, вмѣсто формы Родит. пад. Единств. числа муж. рода **добраѥго** стали появляться формы **добраого** и далѣе — **добраго**; вмѣсто формы Родит. пад. Единств. ч. женскаго рода **добрыѥѩ** появилась форма **добрыѩ**. Въ результатѣ такихъ измѣненій составныя части сложныхъ именъ прилагательныхъ стали мало замѣтны, а иногда и совсѣмъ незамѣтны. Такое упрощеніе въ полныхъ формахъ именъ прилагательныхъ было отчасти и въ старославянскомъ языкѣ. Въ русскомъ же языкѣ полныя имена прилагательныя постепенно совсѣмъ утратили свой сложный характеръ.

Склоненіе сложныхъ именъ прилагательныхъ въ старославянскомъ и въ древне-русскомъ языкахъ было таково:

Старославянскій языкъ.		Древне-русскій языкъ.
	Мужескій родъ.	
И.	добръи, добрыи	добръи, доброи
Р.	добраѥго, добрааго, добраго	доброго
Д.	доброуѥмоу, доброуоумоу, доброумоу	доброму
В.	добръи, добрыи	какъ Им. или Род.
Тв.	добрыимь, добрымь	добрымь
М.	добрѣѥмь, добрѣмь	добрѣмь, добромь
	Женскій родъ.	
И.	добраꙗ	добраꙗ
Р.	добрыѩ	добрыѣ, доброѣ
Д.	добрѣи	добрѣи, доброи
В.	добрѫѭ	добрую
Тв.	доброѭ	доброю
М.	добрѣи	добрѣи, доброи

Формы средняго рода равны формамъ мужескаго рода, только—

И. В.	доброѥ	доброѥ

Множественное число.

И.	м. р.	добрии	добрии
	ж. »	добрыѩ	добрыѣ
	ср. »	добраꙗ	добрая
Р.		добрыихъ, добрыхъ	добрыхъ
Д.		добрыимъ, добрымъ	добрымъ
В.	м. р.	добрыѩ	добрыѣ
	ж. »	добрыѩ	добрыѣ
	ср. »	добраꙗ	добрая
Т.		добрыими, добрыми	добрыми
М.		добрыихъ, добрыхъ	добрыхъ

Примѣчаніе. Современное русское литературное склоненіе именъ прилагательныхъ имѣетъ нѣкоторыя особенности правописанія, а именно:

а) Формы Именит. пад. Единств. числа мужескаго рода въ живомъ литературномъ произношеніи и въ Великорусскомъ нарѣчіи оканчиваются на **ой**, **ей** (съ измѣненіемъ **о** и **е** по законамъ аканья): д о б р о й (см. § 6,₂, примѣчаніе и § 10,₁). Но въ правописаніи окончаніе **ой** сохранилось только подъ удареніемъ: с л ѣ п о́ й. Для остальныхъ случаевъ въ письмѣ, со времени Ломоносова, употребляются окончанія **ый** и **ій**, заимствованныя изъ старославянскаго языка.

б) Формы Родит. пад. Единств. ч. муж. и ср. рода въ живомъ литературномъ произношеніи и въ большинствѣ Великорусскихъ говоровъ оканчиваются на **ова**, **ева** (съ измѣненіями **о**, **е** безъ ударенія по закону аканья). Но по правиламъ правописанія въ Род. пад. пишется окончаніе **аго** (безъ ударенія) и **о́го** (подъ удареніемъ), напр., д о б р а г о, с л ѣ п о́ г о (ср. § 10,₆).

в) Также въ Именит. падежѣ Множеств. числа въ живомъ произношеніи слышатся окончанія **ыи** или **ые** (**іи**, **іе**)— одинаково для всѣхъ 3-хъ родовъ. На письмѣ же для муж. рода употребляется окончаніе **ые** (**іе**), а для женск. и средняго—**ыя** (**ія**). И это правописаніе введено Ломоносовымъ.

Степени сравненія.

§ 33. Отъ формъ положительной степени именъ прилагательныхъ качественныхъ отличаются формы сравнительной и превосходной степеней.

Въ русскомъ литературномъ языкѣ есть двѣ особыя формы степеней сравненія:

1) съ суффиксами **ѣе** или **е** для выраженія сравнительной степени; эти формы не склоняются, не измѣняются по родамъ и числамъ и могутъ служить только для выраженія сказуемаго; напр.: а р ш и н ъ д л и н н ѣ е ф у т а.

2) съ суффиксами **ѣйш-ій** (послѣ шипящихъ **айш-ій**) и **ш-ій** (**ьш-ій**); напр. у м н ѣ й ш і й, л е г ч а й ш і й, л у ч ш і й, б о л ь ш і й. Формы на **ѣйшій** обозначаютъ превосходную степень; формы на **шій** обозначаютъ обѣ степени: б р а т ъ п о л у ч и л ъ л у ч ш і й п о д а р о к ъ, ч ѣ м ъ я (сравнительная степень); э т о—л у ч ш е е в о с п о м и н а н і е м о е й ж и з н и (превосходная степень).

Эти формы современнаго литературнаго языка не вполнѣ

соотвѣтствуютъ формамъ степеней сравненія въ старославянскомъ и въ древне-русскомъ языкахъ. А именно:

1) Суффиксы **ѣйш (айш), ш (ьш)** служили въ старославянскомъ и въ древне-русскомъ языкахъ только для выраженія сравнительной степени. Превосходная же степень выражалась прибавленіемъ къ формѣ имени прилагательнаго приставокъ **наи, прѣ**; напр. **наилѹчшии, прѣлѣпыи.**

2) Имена прилагательныя въ сравнительной степени въ старославянскомъ и въ древне-русскомъ языкахъ имѣли краткія (именныя) и полныя (мѣстоименныя) формы.

Склоненіе краткихъ формъ именъ прилагательныхъ сравнительной степени было сходно съ склоненіемъ краткихъ формъ именъ прилагательныхъ положительной степени (см. § 30). Отличались только нѣкоторыя формы Именит. и Винит. падежей, а именно:

а) Краткія формы Именит. и Винит. пад. Единств. ч. муж. и ср. рода не имѣли полныхъ суффиксовъ **ѣиш (аиш), ш (ьш)**; онѣ были таковы:

Краткая форма Им. Вин. пад. Ед. ч. муж. р.—**болии, новѣи**
» » » » » » » ср. » —**болѥ, новѣѥ**

Примѣчаніе. Отличіе суффиксовъ этихъ формъ отъ суффиксовъ всѣхъ другихъ падежей объясняется измѣненіями, которыя произошли въ формахъ Имен. пад. Ед. ч. муж. и ср. рода еще въ общеславянскомъ языкѣ.

б) Краткая форма Имен. пад. Множ. ч. муж. рода оканчивалась на **е**; напр. **больш-е, новѣиш-е.**

в) Краткая форма Имен. пад. Единств. ч. женск. рода оканчивалась на **и**; напр. **больш-и, новѣиш-и.**

Такимъ образомъ, склоненіе это въ старославянскомъ языкѣ было таково:

Единственное число.

	Муж. р.	Средн. р.	Женск. р.
И.	**болии — новѣи**	**болѥ — новѣѥ**	**больш-и**
Р.	**больш-а**	какъ въ муж. р.	**больш-ѧ**
Д.	**больш-оу**	» »	**больш-и** и т. д.

Множественное число.

И.	**больш-є**	**больш-а**	**больш-ѧ**
Р.	**больш-ь**	какъ въ муж. р.	**больш-ь**
Д.	**больш-емъ**	» »	**больш-амъ**
В.	**больш-ѧ**	**больш-а**	**больш-ѧ** и т. д.

Склоненіе полныхъ формъ именъ прилагательныхъ сравнительной степени было сходно съ склоненіемъ полныхъ формъ положительной степени. Но при этомъ:

а) Полныя формы Имен. пад. Единств. ч. муж. рода не отличались отъ краткихъ; напр., **болии, новѣи**.

б) Полныя формы Имен. пад. Единств. ч. ср. р. были двояки: **болѥѥ, новѣѥ** и **большеѥ, новѣишеѥ**.

Такимъ образомъ, склоненіе это въ старославянскомъ языкѣ было таково:

Единственное число.

	Муж. р.	Средн. р.	Женск. р.
И.	**болии, новѣи**	**болѥѥ (большеѥ)**	**больши-ꙗ**
Р.	**больша-ѥго**	**больша-ѥго**	**больша-ѩ**
Д.	**большоу-ѥмоу**	**большоу-ѥмоу**	**больши-и** и т. д.

Исторія степеней сравненія въ русскомъ языкѣ.

§ 34. Отличія древне-русскаго склоненія отъ старославянскаго въ формахъ сравнительной степени были сначала такія же, какъ и въ склоненіи формъ положительной степени. Но скоро въ древне-русскомъ языкѣ стали происходить особыя явленія въ употребленіи краткихъ формъ сравнительной степени.

Въ старославянскомъ и въ древне-русскомъ языкахъ краткія формы сравнительной степени (какъ и положительной) могли употребляться въ качествѣ опредѣленія; въ такомъ случаѣ онѣ согласовались въ родѣ, числѣ и падежѣ со своими опредѣляемыми. Но далѣе краткія формы сравнительной степени (какъ и положительной) стали терять въ древне-русскомъ языкѣ свое склоненіе. Сохранялись только формы Именит.

пад. всѣхъ родовъ и чиселъ (ср. § 30). Эти сохранявшіяся краткія формы Именит. пад. съ XIII вѣка стали употребляться уже только для выраженія сказуемаго (т. е. только въ Именит. падежѣ); но, при этомъ, согласованіе въ родѣ и числѣ стало нарушаться, т. е. формы разныхъ родовъ и чиселъ стали смѣшиваться между собою. Въ древне-русскихъ памятникахъ встрѣчаются такіе примѣры:

нѣсть ученикъ выше учителя (вмѣсто вышии— Именит. пад. муж. р. Единств. ч.);

каꙗ ѥсть заповѣдь первѣи всѣхъ (вмѣсто первѣиши—Именит. пад. жен. р. Единств. ч.);

зане ѥсть Христосъ честнѣѥ насъ (вмѣсто честнѣи—Именит. пад. муж. р. Единств. числа).

Утрата однихъ и смѣшеніе другихъ краткихъ формъ сравнительной степени привели къ тому, что въ современномъ русскомъ литературномъ языкѣ сохранилось лишь нѣсколько старыхъ формъ Именительнаго падежа, которыя служатъ для выраженія сказуемаго и не измѣняются ни по родамъ ни по числамъ. Эти формы слѣдующія:

на **ѣй**: честнѣй, умнѣй—старая форма Именит. пад. Единств. числа муж. рода.

на **ѣе**: честнѣе, умнѣе—старая форма Именит. пад. Единств. числа средн. рода.

на **е**: хуже, шире—старая форма Именит. пад. Единств. числа средн. рода.

на **ше**: больше, меньше—старая форма Именит. пад. Множ. числа муж. рода.

Мѣстоименныя же формы сравнительной степени (какъ и положительной) сохранили до сихъ поръ полное склоненіе. Но при этомъ, формы Именит. пад. Единств. ч. нѣсколько измѣнились. Формы муж. и средн. рода получили суффиксы **ѣйш (айш), ш (ьш)** по аналогіи съ формами другихъ падежей; напр.: большій, новѣйшій; формы женск. рода получили окончаніе **ая** по аналогіи съ формами положитель-

ной степени; напр.: новѣйшая. При этомъ, полныя формы старой сравнительной степени съ суффиксомъ **ѣйш-ій (айш-ій)** получили въ русскомъ литературномъ языкѣ значеніе спеціально превосходной степени. И лишь полныя формы съ суффиксомъ **шій** сохраняютъ еще отчасти первоначальное значеніе сравнительной степени: напр.: меньшій, большій. Старыя формы превосходной степени, образованныя присоединеніемъ къ формѣ имени прилагательнаго приставокъ **наи, пре** (старослав. **прѣ**), употребляются въ значеніи превосходной степени и въ современномъ литературномъ языкѣ.

СПРЯЖЕНІЕ.

Общія замѣчанія о др.-русск. спряженіи.

§ 35. Исторія формъ спряженія въ русскомъ языкѣ въ общихъ чертахъ сходна съ исторіей формъ склоненія, а именно:

1) Образованіе формъ первоначально было одинаковымъ въ старославянскомъ и въ древне-русскомъ языкахъ. Но въ нѣкоторыхъ формахъ между этими языками уже въ XI в. существовали звуковыя различія.

Одни изъ такихъ различій вполнѣ объясняются звуковыми особенностями древне-русскаго языка. Такъ напр., старославянской формѣ Наст. врем. 1 лица Единств. ч. **могѫ** соотвѣтствовала древне-русская форма—могу (ср. § 17,4).

Нѣкоторыя же другія различія между старославянскими и древне-русскими формами, хотя и носили звуковой характеръ, но встрѣчались лишь въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ формахъ спряженія (ср. § 25,3). Такъ напр., вмѣсто старославянской формы Наст. врем. 2 л. Единств. ч. **читаѥши** въ древне-русскомъ языкѣ была форма читаєшь.

2) Но послѣ XI вѣка въ древне-русскомъ спряженіи происходили новыя измѣненія, главнымъ образомъ—въ упо-

требленіи формъ. Постепенно русскій языкъ утрачивалъ многія формы (въ томъ числѣ формы Двойств. числа), и поэтому русское спряженіе (какъ и склоненіе) стало бѣднѣе, чѣмъ было въ древнее время, т. е. чѣмъ было въ древне-русскомъ и въ старославянскомъ языкахъ.

§ 36. Формы Настоящаго времени въ древне-русскомъ и въ старославянскомъ языкахъ были значительно сходны между собою. Настоящее время.

Старославянскій языкъ.	Древне-русскій языкъ.
Единственное число.	
несѫ	несу
несеши	несешь
несетъ	несеть
Множественное число.	
несемъ	несемъ
несете	несете
несѫтъ	несуть
Двойственное число.	
несевѣ	
несета	
несете, несета	

Къ формамъ Настоящаго времени надо сдѣлать слѣдующія замѣчанія:

1) Въ формѣ 2 лица Единств. числа въ древне-русскомъ языкѣ было окончаніе **шь** вмѣсто старославянскаго **ши**; напр. старосл. **несеши**, древне-русск.—несешь.

Примѣчаніе. Хотя и до сихъ поръ пишется въ этой формѣ на концѣ **шь**, но звукъ **ш** въ произношеніи отвердѣлъ. Поэтому, въ литературномъ языкѣ передъ этимъ отвердѣвшимъ **ш** вмѣсто **е** слышится подъ удареніемъ **ё**: несёшь; также несётъ, несёмъ. По аналогіи съ этими формами ё произносится и въ формѣ несёте (см. § 4,2).

2) Формы 3 лица Единств. числа и 3 лица Множеств. числа въ старославянскомъ языкѣ имѣли окончаніе **тъ**. Въ

древне-русскомъ языкѣ эти формы имѣли окончаніе **ть**; такъ въ старослав. было **несеть, несѫть** а въ древне-русскомъ—н е с е т ь, н е с у т ь. Но позже, съ конца XIII вѣка, въ сѣверно-русскихъ памятникахъ начинаютъ встрѣчаться формы 3 лица Единств. и Множеств. числа съ окончаніемъ **тъ**. Это показываетъ, что въ сѣверно-русскихъ говорахъ конечное **т** въ этихъ формахъ отвердѣло (сравни § 4,6). Твердое **т** въ окончаніяхъ 3 лица глагольныхъ формъ перешло въ Московскій говоръ и стало особенностью литературнаго произношенія.

Глаголы на **мь**.

§ 37. Въ старославянскомъ и въ древне-русскомъ языкахъ были еще глаголы, которые имѣли особыя формы Настоящаго времени: **быти, ѣсти (ıaсти), вѣсти** (т. е. знать) и **дати**. Эти глаголы имѣли въ 1 лицѣ Единств. числа окончаніе **мь** и спрягались въ старославянскомъ языкѣ такъ:

ıесмь	**ѣмь**	**вѣмь**	**дамь**
ıеси	**ѣси**	**вѣси**	**даси**
ıестъ	**ѣстъ**	**вѣстъ**	**дастъ**
ıесмъ(ы)	**ѣмъ**	**вѣмъ**	**дамъ**
ıесте	**ѣсте**	**вѣсте**	**дасте**
сѫть	**ѣдатъ**	**вѣдатъ**	**дадатъ**

Настоящеее время вспомогательнаго глагола б ы т и опускалось уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ и постепенно совсѣмъ вышло изъ употребленія. Теперь только въ книжномъ языкѣ встрѣчаются формы 3-го лица е с т ь (древне-русская форма вмѣсто старославянской **ıестъ**) и с у т ь.

Примѣчаніе. Настоящее время глагола ѣ м ь (ѣ с т ь) сохранилось въ русскомъ языкѣ, но: а) съ измѣненіями формъ 2 лица Единств. числа (ѣ ш ь) и 1-го и 2-го лица Множеств. числа (ѣ д и м ъ, ѣ д и т е), б) въ формѣ 1-го лица Единств. числа окончаніе **мь** отвердѣло.

Глаголъ в ѣ м ь (в ѣ с т и) не употребляется теперь въ русскомъ языкѣ; но одна форма сохранилась въ выраженіи «Богъ вѣсть».

Настоящее время глагола д а м ь (д а т и) сохранилось, но: а) многія формы при этомъ измѣнились, б) эти формы обозначаютъ теперь не Настоящее время, а Будущее.

§ 38. Формы Будущаго простого времени ничѣмъ не отличались и не отличаются отъ формъ Настоящаго времени (сравни напр. беру и возьму). Будущее время.

Разница между Настоящимъ и Будущимъ временемъ заключается только въ видовомъ значенiи глагола: если глаголъ совершеннаго вида, то его формы Настоящаго времени обозначаютъ по смыслу Будущее время. Напр., глаголъ говорить—несовершеннаго вида, и потому его формы: говорю, говоришь и т. д. обозначаютъ Настоящее время. Но, напр., глаголъ сказать—совершеннаго вида, и соотвѣтствующiя его формы: скажу, скажешь и т. д. обозначаютъ Будущее время.

Поэтому, глаголы совершеннаго вида не имѣютъ Настоящаго времени; глаголы же несовершеннаго вида не имѣютъ Будущаго простого, а имѣютъ только Будущее сложное.

Примѣчанiе. Глаголъ быть имѣетъ Будущее простое время (буду) и Настоящее (есмь); но формы Настоящаго времени образованы отъ другого корня.

Формы Будущаго сложнаго времени образуются теперь изъ формъ Будущаго простого глагола быть и Неопредѣленнаго наклоненiя спрягаемаго глагола. Въ древне-русскомъ языкѣ, кромѣ глагола быть, могли употребляться еще нѣкоторые другiе глаголы: начьну, стану, иму, хочу; напр.: «не имамъ уже царствовати».

§ 39. Важнымъ признакомъ глагола является измѣненiе по лицамъ. Между тѣмъ, формы Прошедшаго времени въ современномъ русскомъ языкѣ по лицамъ не измѣняются; напр.: я читалъ, ты читалъ, онъ читалъ и т. п. Однако, прежде, въ древне-русскомъ языкѣ, какъ и въ старославянскомъ, были простыя прошедшiя времена, формы которыхъ измѣнялись по лицамъ. Это были Аористъ и Преходящее время. Прошедшее время.

§ 40. Аористъ служилъ для выраженiя простого совершеннаго времени. Въ старославянскомъ и въ древне-русскомъ языкахъ формы Аориста были таковы: Аористъ.

Единственное число.

(**люби-ти**)	(**нес-ти**)
люби-х-ъ	**нес-о-х-ъ**
люби	**нес-е**
люби	**нес-е**

Множественное число.

люби-х-о-мъ	**нес-о-х-о-мъ**
люби-с-те	**нес-о-с-те**
люби-ша (въ др.-р.—ш а)	**нес-о-ша** (въ др.-р.—ш а)

Двойственное число.

люби-х-о-вѣ	**нес-о-х-о-вѣ**
люби-с-та	**нес-о-с-та**
люби-с-те, -та	**нес-о-с-те, -та**

При образованіи формъ Аориста въ общеславянскомъ языкѣ къ основѣ Неопредѣленнаго наклоненія присоединялся суффиксъ **с**. При этомъ, если основа оканчивалась на гласный звукъ, то суффиксъ присоединялся непосредственно къ основѣ; напр. **люби-с-те**. Если же основа оканчивалась на согласный звукъ, то суффиксъ присоединялся посредствомъ соединительныхъ гласныхъ **о** или **е**; напр. **нес-о-с-те**. Затѣмъ къ суффиксу присоединялись личныя окончанія.

Но въ томъ же общеславянскомъ языкѣ въ суффиксѣ и окончаніяхъ произошли нѣкоторыя измѣненія (напр. **с** переходило иногда въ **х**; **х** по I смягченію измѣнялось въ **ш**; конечные согласные звуки отпадали). Въ результатѣ, въ старославянскомъ и въ древне-русскомъ языкахъ и оказались вышеприведенныя формы Аориста.

Примѣчаніе 1. Въ старославянскомъ языкѣ были еще другія формы Аориста отъ глаголовъ съ основой на согласные звуки, а именно:

1. Суффиксъ присоединялся прямо къ основѣ безъ соединительныхъ гласныхъ; при этомъ, конечный согласный звукъ основы выпадалъ, а гласный корня иногда измѣнялся. Такъ получились формы:

Единств. число.	рѣхъ (изъ рѣк-хъ) рече (см. прим. 2) рече	Множ. число.	рѣхомъ рѣсте рѣшѧ	Двойств. число.	рѣховѣ рѣста рѣсте

Также—нѣсъ (изъ нѣс-съ) и т. п.

Эти же глаголы имѣли и обычныя формы: рекохъ, несохъ и т. д.

2. Къ основѣ на согласный звукъ присоединялись окончанія съ помощью соединительныхъ гласныхъ о, є, но безъ суффикса с-х.

Такъ получились формы: мог-ъ, пад-ъ, ид-ъ и т. п.

Единств. число.	мог-ъ мож-е мож-е	Множ. число.	мог-омъ мож-ете мог-ѫ	Двойств. число.	мог-овѣ мож-ета мож-ете и т. п.

Примѣчаніе 2. Образованіе славянскаго Аориста можетъ быть сопоставлено съ образованіемъ Аориста греческаго. Въ общеславянскомъ какъ и въ греческомъ языкахъ образованіе Аориста было двоякимъ: 1) съ помощью суффикса **с** (**х**)=σ,—такъ называемый Аористъ сигматическій, и 2) безъ суффикса **с** (**х**)=σ,—Аористъ простой, несигматическій. Но въ общеславянскомъ языкѣ произошло смѣшеніе и взаимное вліяніе этихъ 2-хъ типовъ Аориста. Формы сигматическаго Аориста были вообще болѣе распространены. Но для 2 и 3 лица Единственнаго числа совсѣмъ не сохранилось сигматическихъ формъ.

§ 41. Аористъ имѣлъ значеніе Прошедшаго совершеннаго времени. Для выраженія же Прошедшаго несовершеннаго въ старославянскомъ и въ древне-русскомъ языкахъ служило П р е х о д я щ е е в р е м я. Существеннымъ признакомъ формъ Преходящаго времени были суффиксы аах—ѣах (аас—ѣас); къ этимъ суффиксамъ присоединялись личныя окончанія, большею частью съ помощью соединительныхъ гласныхъ. Напр., отъ глагола нести формы Преходящаго времени въ старославянскомъ языкѣ были таковы: Преходящее время.

Единств. число.	нес-ѣахъ нес-ѣаше нес-ѣаше	Множ. число.	нес-ѣахомъ нес-ѣасте нес-ѣахѫ	Двойств. число.	нес-ѣаховѣ нес-ѣаста нес-ѣасте,-та

Кромѣ такихъ полныхъ формъ, въ старославянскихъ и въ древне-русскихъ памятникахъ часто встрѣчаются стяжен-

ныя формы Преходящаго времени: **несѣхъ** (изъ **несѣахъ**), **брахъ** (изъ **браахъ**), и т. п.

Примѣчаніе. Глаголъ **быти** имѣлъ двоякія формы для выраженія Преходящаго времени:

бѣахъ	**бѣхъ**
бѣаше	**бѣ**
бѣаше	**бѣ**
бѣахомъ	**бѣхомъ**
бѣашете	**бѣсте**
бѣахѫ	**бѣшѧ**

Формы **бѣхъ**, **бѣ** и т. д. были по своему образованію формами Аориста, но употреблялись въ значеніи Преходящаго времени.

Потеря формъ Аориста и Преход. вр. въ др.-р. яз.

§ 42. Формы Аориста и Преходящаго времени были въ общеславянскомъ языкѣ и перешли затѣмъ во всѣ славянскіе языки. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ эти формы сохраняются до сихъ поръ (въ сербскомъ, въ болгарскомъ). Въ древне-русскомъ языкѣ тоже были формы Аориста и Преходящаго времени. Но эти формы въ древне-русскомъ языкѣ не имѣли такого послѣдовательнаго употребленія, какъ въ языкѣ старославянскомъ. Въ памятникахъ, особенно чисто-русскихъ (какъ напр., грамоты, «Русская правда»), онѣ употреблялись рѣдко. Эти формы замѣтно исчезали изъ живого русскаго языка, и съ XV вѣка онѣ почти не встрѣчаются въ рукописяхъ; а если и встрѣчаются, то въ неправильномъ употребленіи, напр.: «старецъ сотворихъ молитву» (сотворихъ—форма 1 лица, вмѣсто формы 3 лица—сотвори).

Сложныя формы Прошедшаго времени.

§ 43. Когда въ древне-русскомъ языкѣ стали исчезать формы Аориста и Преходящаго времени, то надо было вмѣсто нихъ употреблять другія формы. Такими формами явились въ древне-русскомъ языкѣ сложныя формы Прошедшаго времени.

Сложныя формы Прошедшаго времени были и въ древне-русскомъ и въ старославянскомъ языкахъ. Онѣ представляли собою соединеніе спрягаемой формы вспомогательнаго глагола **быти** и особаго причастія. Это причастіе образовывалось отъ основы Неопредѣленнаго наклоненія съ помощью суффикса **л**

и родовыхъ окончаній **ъ, а, о** и т. п. (какъ у именъ прилагательныхъ краткихъ). Причастія на **л** не склонялись, а имѣли только формы Именит. падежа для всѣхъ чиселъ и родовъ. Такъ напр., отъ глаголовъ:

читати были причастія: **чита-лъ,-ла,-ло**—въ Единств. числѣ,
чита-ли,-лы,-ла во Множеств. числѣ;
везти—вез-лъ, вез-ла, вез-ло и т. д.
печи—(пек-ти) пек-лъ, пек-ла, пек-ло и т. д.

Сложныхъ Прошедшихъ временъ было два:

1) Прошедшее совершенное (по значенію Perfectum); оно состояло изъ соединенія формъ Настоящаго времени глагола **быти** и причастія на **л: юсмь купилъ-а-о, юси купилъ-а-о.**

2) Сложное Давнопрошедшее (по значенію—Plusquamperfectum); оно состояло изъ соединенія формъ Преходящаго времени глагола **быти** и того же причастія на **л: бѣахъ купилъ, бѣаше купилъ** и т. д. Но вмѣстѣ съ утратой формъ Преходящаго времени древне-русскій языкъ утратилъ и формы Давнопрошедшаго времени.

Зато употребленіе формъ сложнаго Прошедшаго совершеннаго было очень распространено въ древне-русскихъ памятникахъ. Эти-то именно формы и стали вытѣснять собою формы Аориста и Преходящаго времени, которыя, наконецъ, къ XVI вѣку совсѣмъ вышли изъ употребленія.

История формъ Прошедш. вр. въ др.-р. яз.

§ 44. Между тѣмъ, формы сложнаго Прошедшаго времени сами стали подвергаться въ древне-русскомъ языкѣ нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ. Уже въ древнѣйшихъ русскихъ рукописяхъ въ этихъ формахъ въ 3-мъ лицѣ иногда опускался вспомогательный глаголъ к с т ь, с у т ь, т. е. вмѣсто к с т ь с к а з а л ъ писали с к а з а л ъ, вмѣсто с у т ь п о ш л и писали п о ш л и. Но при 1 и 2 лицахъ вспомогательный глаголъ не опускался; онъ былъ нуженъ для обозначенія лица, потому что въ древне-русскомъ, какъ и въ старославянскомъ языкѣ, личныя мѣстоименія обыкновенно не употреблялись; напр.:

тогда начьнете глаголати; ꙗхомъ прѣдъ тобоѭ и пихомъ (т. е. мы ѣли предъ тобою и пили).

Но, далѣе, формы 3 лица безъ вспомогательнаго глагола повліяли на формы 1 и 2 лица, въ которыхъ тоже стали опускать вспомогательный глаголъ. Зато для обозначенія лица надо было употреблять мѣстоименія. И вотъ вмѣсто ѥсмь сталъ, ѥси сталъ начали говорить: я сталъ, ты сталъ. Такъ говоримъ теперь и мы. Вмѣстѣ съ этимъ, во Множественномъ числѣ вмѣсто 3-хъ родовыхъ окончаній **и—ы—а** стали употреблять одно окончаніе—**и** для всѣхъ 3-хъ родовъ.

Такъ изъ древне-русскихъ формъ сложнаго Прошедшаго времени образовались современныя русскія формы простого Прошедшаго. Происхожденіемъ этихъ формъ изъ старыхъ причастій и объясняется: а) то, что эти формы не измѣняются по лицамъ, и б) то, что они имѣютъ родовыя окончанія.

Сослагательное наклоненіе.

§ 45. Для выраженія Сослагательнаго наклоненія въ старославянскомъ и въ древне-русскомъ языкахъ употреблялась сложная форма изъ того же причастія на **л** и Аориста глагола быти въ формѣ быхъ, бы и т. д.; напр.: читалъ быхъ, читалъ бы, читалъ бы, читали быхомъ и т. д. Но потомъ: а) въ связи съ утратой формъ Аориста стала для всѣхъ лицъ одинаково употребляться формы **бы**, б) старое причастіе на **л** стало пониматься, какъ самостоятельная форма Прошедшаго простого. Поэтому, первоначальное значеніе формы **бы** забылось, и она считается теперь простой «частицей», которая прибавляется къ формамъ Прошедшаго времени для образованія Сослагательнаго наклоненія; напр., я читалъ бы.

Повелительное наклоненіе.

§ 46. Формы Повелительнаго наклоненія въ старославянскомъ и въ древне-русскомъ языкахъ были таковы:

Единств.	число	2 и 3 л.	бер-и	хвал-и
Множеств.	»	1 »	бер-ѣ-мъ	хвал-и-мъ
»	»	2 »	бер-ѣ-те	хвал-и-те
Двойств.	»	1 »	бер-ѣ-вѣ	хвал-и-вѣ
»	»	2 »	бер-ѣ-та	хвал-и-та

Различіе въ суффиксѣ формъ Множ. и Двойств. чиселъ **ѣ** или **и** зависѣло отъ основы Наст. времени. Если основа Наст. времени имѣла **j**, то въ Повелит. накл. въ формахъ Множ. и Двойств. ч. былъ суффиксъ **и**; напр.:

хвал-ѭ — хвал-и-мъ, хвал-и-те и т. д.

ꙁна-ѭ — ꙁна-и-мъ, ꙁна-и-те и т. д.

Если же въ основѣ Наст. врем. **j** не было, то суффиксомъ Повел. накл. въ формахъ Множ. и Двойств. числа былъ **ѣ**; напр.:

бер-ж — бер-ѣ-мъ, бер-ѣ-те

мог-ж — моꙁ-ѣ-мъ, моꙁ-ѣ-те (см. § 18,2).

Въ современномъ литературномъ языкѣ суффиксомъ Повелит. накл. для всѣхъ глаголовъ служитъ **и**: хвалите, берите.

§ 47. Формы Неопредѣленнаго наклоненія въ старославянскомъ и въ древне-русскомъ языкахъ имѣли окончаніе **ти**, изрѣдка **ть**. Въ современномъ литературномъ языкѣ формы Неопредѣленнаго наклоненія имѣютъ окончаніе **ть**, если основа оканчивается на гласный, и **ти**, если основа оканчивается на согласный, напр. носи-ть и нес-ти. Неопредѣленное и Достигательное наклоненія.

Въ старославянскомъ и въ древне-русскомъ языкахъ были еще формы такъ наз. Достигательнаго наклоненія (супина), которыя употреблялись при глаголахъ, обозначающихъ движеніе. Онѣ имѣли окончаніе **тъ**; наприм.: пришли ѥсмы вокватъ. Но въ древне-русскомъ языкѣ употребленіе этихъ формъ было незначительно и, наконецъ, онѣ совсѣмъ исчезли.

§ 48. Кромѣ несклоняемыхъ причастій съ суффиксомъ **л** (см. § 43), въ старославянскомъ и въ древне-русскомъ языкахъ были еще склоняемыя причастія: 1) причастія Дѣйствительныя Настоящаго времени, 2) причастія Дѣйствительныя Прошедшаго времени, 3) причастія Страдательныя Настоящаго времени, 4) причастія Страдательныя Прошедшаго времени. Причастія.

Всѣ эти 4 вида причастій имѣли, какъ и имена прилагательныя, краткія и полныя формы.

Причастія Дѣйств. Наст. вр.

§ 49. Причастія Дѣйствительныя Настоящаго времени имѣли въ старославянскомъ языкѣ слѣдующіе суффиксы:

жшт — въ глаголахъ I нейотованнаго спряженія; напр., **несжштеѥ** (ср. **нес-ж**).

ѭшт — въ глаголахъ I йотованнаго спряженія; напр., **ȥнаѭштеѥ, колѭштеѥ** (ср. **ȥна-ѭ, кол-ѭ**).

ѧшт — въ глаголахъ II спряженія; напр., **сидѧштеѥ, молѧштеѥ.**

Склоненіе краткихъ формъ причастій Дѣйствительныхъ Настоящаго времени въ старославянскомъ языкѣ было сходно съ склоненіемъ краткихъ формъ именъ прилагательныхъ въ сравнительной степени (ср. § 33). Отличались только формы Имен.-Винит. падежа Единств. ч. муж. и ср. рода, которыя были сходны между собою. Формы эти не имѣли полныхъ суффиксовъ **жшт, ѭшт, ѧшт** и были таковы:

нес-ы — въ глаголахъ I нейотованнаго спряженія (ср. **нес-ж**).

ȥна-ѩ, кол-ѩ — въ глаголахъ I йотованнаго спряженія (ср. **ȥна-ѭ, кол-ѭ**).

сид-ѧ — въ глаголахъ II спряженія.

Примѣчаніе. Отличіе суффиксовъ этихъ формъ отъ суффиксовъ всѣхъ другихъ падежей объясняется измѣненіями, которыя произошли въ формахъ Именит. пад. Единств. ч. муж. и ср. р. еще въ общеславянскомъ языкѣ.

Такимъ образомъ, склоненіе краткихъ формъ причастій Дѣйствительныхъ Настоящаго времени было въ старослав. языкѣ таково:

Единственное число.

	муж. р.	средн. р.	женск. р.
И.	**несы**	**несы**	**несжшт-и**
Р.	**несжшт-а**	какъ въ муж.	**несжшт-ѧ**
Д.	**несжшт-оу**	и т. д. по § 33.	

Склоненіе же полныхъ формъ этихъ причастій было сходно съ склоненіемъ полныхъ формъ именъ прилагательныхъ. Но при этомъ:

а) Полныя формы Имен. пад. Единств. ч. муж. рода представляли краткую форму съ присоединеніемъ мѣстоименія и; напр. **несы-и, знаѧ-и, молѧ-и, сидѧ-и.**

б) Полныя формы Имен. пад. Единств. ч. ср. р. имѣли полные суффиксы причастій; напр. **несѫштеѥ, знаѭштеѥ** и т. п.

Эти же причастія Дѣйствительныя Наст. врем. въ языкѣ древне-русскомъ имѣли суффиксы: **уч, юч, яч, ач** (послѣ шипящихъ); напр. несучии, горючии, сидячиѣ, лежачеѥ. Различія между старославянскими и древне-русскими суффиксами объясняются звуковыми различіями между этими языками.

Примѣчаніе. Звуки **шт** въ старослав. яз. и **ч** въ древне-русск. яз. произошли изъ сочетанія **тj**, которое было въ этихъ суффиксахъ въ общеславянскомъ языкѣ (ср. § 19,4).

Формы же Имен. пад. Единств. ч. муж. и ср. родовъ въ древне-русскомъ языкѣ были таковы:

несa, мог-а въ глаголахъ I нейотованнаго спряженія, т. е. послѣ твердыхъ согласныхъ;
зна-я, сид-я—во всѣхъ другихъ глаголахъ.

§ 50. Причастія Дѣйствительныя Прошедшаго времени имѣли въ старославянскомъ и въ древне-русскомъ языкахъ одинаковые суффиксы, а именно: Причастія Дѣйствительныя Прошедш. врем.

ъш—при основѣ Неопр. накл. на согласный: **несъшеѥ**,
въш—при основѣ Неопр. накл. на гласный: **знавъшеѥ**,
ьш (или **въш**)—при основѣ Неопр. накл. на **и**: **хвальшеѥ** (или **хваливъшеѥ**).

Склоненіе краткихъ формъ причастій Дѣйствительныхъ Прошедшаго времени въ старославянскомъ языкѣ было сходно съ склоненіемъ краткихъ формъ именъ прилагательныхъ въ сравнительной степени (ср. § 33). Отличались только формы Имен. пад. Единств. ч. муж. и ср. р., сходныя между собою. Формы эти не имѣли полныхъ суффиксовъ **ъш, ьш, въш** и были таковы: **несъ, знавъ, хваль** (или **хваливъ**).

Склоненіе же полныхъ формъ этихъ причастій въ ста-

рославянскомъ языкѣ было сходно съ склоненіемъ полныхъ формъ сравнительной степени. Но при этомъ:

а) полныя формы Имен. пад. Единств. ч. муж. рода представляли краткую форму съ присоединеніемъ мѣстоимения и; напр., **несъи, любивъи** или **несыи, любивыи** (ср. § 32);

б) полныя же формы Имен. пад. Единств. ч. ср. р. имѣли полные суффиксы причастій; напр. **несъшеє, любивъшеє.**

История краткихъ формъ Дѣйствит. причастій въ др.-русск. языкѣ. Дѣепричастія.

§ 51. Склоненіе Дѣйствительныхъ причастій Настоящаго и Прошедшаго времени въ древне-русскомъ языкѣ въ XI вѣкѣ было въ общемъ вполнѣ сходно съ склоненіемъ этихъ причастій въ старославянскомъ языкѣ. Между старославянскими и древне-русскими формами причастій существовали только такія различія, какія существовали вообще въ звукахъ и формахъ между этими языками (напр. старославянской формѣ Вин. пад. Единств. ч. ж. р. **несъшѫ** соотвѣтствовала древнерусская форма несъшу).

Но скоро въ древне-русскомъ языкѣ употребленіе краткихъ формъ Дѣйствительныхъ причастій стало измѣняться. Краткія формы причастій (какъ и краткія формы именъ прилагательныхъ) могли употребляться въ старославянскомъ и въ древне-русскомъ языкахъ въ качествѣ опредѣленія; въ такомъ случаѣ онѣ согласовались въ родѣ, числѣ и падежѣ со своими опредѣляемыми (ср. § 30). Но скоро, уже съ XII в., въ древне-русскомъ языкѣ краткія формы причастій (какъ и именъ прилагательныхъ) стали терять свое склоненіе. Сохранялись только формы Именит. пад. всѣхъ родовъ и чиселъ. Эти краткія формы Именит. пад. продолжали еще употребляться въ качествѣ опредѣленій, но уже только при существительныхъ въ Именительномъ падежѣ; далѣе, съ XIII вѣка, онѣ стали употребляться безъ согласованія въ родѣ и числѣ, т. е. формы Именит. пад. разныхъ родовъ и чиселъ смѣшивались между собою. Въ древнерусскихъ памятникахъ встрѣчаются такіе примѣры: слышавши Іисусъ чюдися (слышавши—форма ж. р., вмѣсто формы муж. р. слышавъ); слышавъ же се Олго-

вичи вси, и поидоша къ Кыеву (слышавъ—форма Единств. ч. вмѣсто формы Множ. ч.—слышавъше).

Утрата однихъ и смѣшеніе другихъ краткихъ причастныхъ формъ привели къ тому, что въ современномъ русскомъ литературномъ языкѣ сохранилось лишь нѣсколько старыхъ формъ Именительнаго падежа, которыя не измѣняются ни по родамъ ни по числамъ. Эти неизмѣняемыя формы называются теперь дѣепричастіями. Старое значеніе этихъ формъ теперь забыто въ языкѣ; мы не чувствуемъ, что напр. формы гуляя, знавъ есть Именительный падежъ мужескаго рода Единственнаго числа. Но нѣкоторый слѣдъ стараго значенія Именительнаго падежа все-таки сохранился въ литературномъ языкѣ, именно: употреблять дѣепричастія можно только въ томъ случаѣ, если они относятся къ подлежащему, то-есть къ формѣ Именительнаго падежа. Такъ можно сказать: ихъ ведетъ, грозя очами, генералъ сѣдой. Но фраза: имѣя право выбирать оружіе, жизнь его была въ моихъ рукахъ (Пушкинъ)—звучитъ нехорошо.

Полныя формы Дѣйствит. причастій въ русск. яз.

§ 52. Склоненіе полныхъ формъ причастій въ русскомъ языкѣ сохранилось до сихъ поръ. Но древне-русскія формы причастій Настоящаго времени на **чій** замѣнились въ русскомъ литературномъ языкѣ старославянскими формами на **щій**; напр.: несущій, знающій, сидящій (см. § 49). А сохранившіяся въ небольшомъ количествѣ формы на **чій** потеряли прежнее свое значеніе причастій, и считаются теперь именами прилагательными; напр.: горячій, могучій, лежачій (ср. стр. 59).

Причастія страдательныя.

§ 53. Старославянскія и древне-русскія формы причастій Страдательныхъ Настоящаго и Прошедшаго времени сходны въ общемъ съ соотвѣтствующими формами современнаго русскаго языка. Но въ современномъ русскомъ языкѣ и въ этихъ причастіяхъ утрачено склоненіе краткихъ формъ. Сохранились только формы Именит. пад., которыя служатъ для выраженія сказуемаго; напр. любимъ, разбитъ и т. д.

V.

ИСТОРІЯ ОБРАЗОВАНІЯ НАРѢЧІЙ И ЛИТЕРАТУРНАГО ЯЗЫКА.

Начало раздѣленія русск. яз. на нарѣчія.

§ 54. Русскій языкъ при началѣ письменности не дѣлился на нарѣчія, какъ дѣлится теперь. Но разныя русскія племена, разбросанныя на огромномъ пространствѣ древней Руси, не могли все-таки говорить совершенно одинаково. Въ языкѣ нѣкоторыхъ мѣстностей были и тогда свои небольшія мѣстныя особенности. Такъ напр., въ Новгородѣ уже въ XI—XII в. смѣшивали звуки **ц** и **ч**; въ Новгородскихъ рукописяхъ писали коньчь вмѣсто коньць, дъци вмѣсто дъчи и т. п. Однако, такихъ мелкихъ особенностей было немного. Тѣ же особенности, которыми отличаются современныя нарѣчія, произошли позже.

Въ XI—XII вѣкахъ въ древне-русскомъ языкѣ происходило важное звуковое измѣненіе, а именно: глухіе звуки **ъ** и **ь** или исчезали изъ произношенія или переходили въ чистые звуки **о** и **е**. Такое измѣненіе глухихъ звуковъ произошло одинаково во всемъ русскомъ языкѣ.

Но скоро послѣ исчезновенія глухихъ въ отдѣльныхъ частяхъ русскаго языка стали происходить уже свои особыя звуковыя измѣненія, вслѣдствіе чего русскій языкъ сталъ замѣтно дробиться. Въ то же время, татарское нашествіе и другія политическія событія повліяли на движеніе русскихъ племенъ, раздѣлили на части русскую землю и оторвали многихъ русскихъ людей отъ ихъ братьевъ. Это еще больше повліяло на раздѣленіе языка. Съ XIV—XV в. русскій языкъ сталъ уже ясно дѣлиться на нарѣчія—Великорусское, Бѣлорусское и Малорусское.

Образованіе Малорусскаго нарѣчія.

§ 55. Въ началѣ XIII вѣка южная Русь подверглась страшному татарскому нашествію. Разоренные южноруссы бѣжали отъ грозныхъ враговъ съ береговъ южнаго Днѣпра къ западу.

Сѣверо-восточная же часть Руси стала возвышаться, и изъ нея скоро образовалось Великое княжество Московское. Южнорусскія области оказались оторванными отъ Сѣверо-восточной Руси и должны были въ XIV вѣкѣ подчиниться Литвѣ, получивъ названіе Малой Руси. Позже Малая Русь вошла въ составъ Польши. И только въ XVII вѣкѣ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, значительная часть ея присоединилась къ Московскому царству. За это время въ языкѣ южноруссовъ и развилась бо́льшая часть тѣхъ особенностей, которыя отличаютъ теперь Малорусское нарѣчіе отъ другихъ нарѣчій русскаго языка.

Когда исчезли глухіе **ъ** и **ь**, то въ языкѣ нѣкоторыхъ южно-русскихъ племенъ (въ Галицко-Волынской землѣ) произошло особое звуковое явленіе. Если въ слогѣ передъ исчезнувшими **ъ** и **ь** были звуки **о** и **е**, то такіе **о** и **е** стали произноситься длиннѣе, чѣмъ произносились раньше.

Примѣчаніе. Въ Галицко-Волынскихъ памятникахъ на мѣстѣ такого удлиненнаго **е** писали **ѣ**: камѣнь, шѣсть, на мѣстѣ удлиненнаго **о** писали иногда **оо**: оовьца.

Въ XIV вѣкѣ такіе удлиненные звуки **о** и **е** перешли въ двузвучія: **о**(**ё**) перешло въ **уо**, **юо**; **е** перешло въ **іе**. Это явленіе распространилось въ языкѣ южно-русскихъ племенъ и стало одной изъ важнѣйшихъ особенностей Малорусскаго нарѣчія. Сѣверные малороссы сохранили до сихъ поръ въ своемъ языкѣ двузвучія; они говорятъ: вуолъ (волъ), куонь (конь), піечь (печь) и т. п. Южные же малороссы измѣнили двузвучія въ звукъ **і** и говорятъ: вілъ, кінь, пічь (см. § 8,з).

Примѣчаніе 1. Во многихъ словахъ въ Малорусскомъ нарѣчіи слышатся двузвучія или **і** тамъ, гдѣ не осталось никакихъ слѣдовъ старыхъ глухихъ; напр.: жінка, рівный; но въ древне-русскомъ языкѣ здѣсь были глухіе, что́ видно изъ написаній—женъка, ровьный.

Примѣчаніе 2. Удлинились и перешли въ двузвучія или въ **і** только старые звуки **о** и **е**. Тѣ же **о** и **е**, которые сами получились изъ глухихъ, не измѣнились въ Малорусскомъ нарѣчіи (ср. примѣч. къ § 8,з).

Въ то же время развились и другія особенности Малорусскаго нарѣчія: древнее ѣ измѣнилось также въ двузвучія или въ і; звуки и и ы слились въ одинъ средній звукъ, и т. д. Такъ образовалось въ XIV—XV вѣкахъ Малорусское нарѣчіе.

Начиная съ XVI вѣка, южные малоруссы стали расширять свои поселенія къ востоку отъ нижняго теченія Днѣпра; въ XVIII вѣкѣ они уже заняли губерніи Полтавскую, Харьковскую, часть Курской и берега Чернаго моря, гдѣ живутъ и теперь.

Образованіе Бѣлорусскаго нарѣчія.

§ 56. Сѣверо-западныя русскія племена въ древнее время постоянно двигались къ востоку и вступали въ сношенія съ населеніемъ средней Руси. Постоянныя сношенія поддерживали близость языка. Въ началѣ XIV вѣка въ языкѣ всей средней полосы древней Руси, на западѣ и на востокѣ, стало одинаково развиваться аканье.

Но вмѣстѣ съ этимъ Западная Русь должна была входить въ сношенія съ сосѣдней Литвой, живущей еще западнѣе. Въ томъ же XIV вѣкѣ западно-русскія области были оторваны отъ сѣверо-восточныхъ областей и подъ названіемъ Бѣлой Руси вошли въ составъ Великаго княжества Литовскаго, а затѣмъ уже вмѣстѣ съ нимъ вошли въ составъ королевства Польскаго.

Тогда въ Западно-русскомъ языкѣ образовались нѣкоторыя свои отличительныя особенности: мягкія д и т стали произноситься какъ дз и ц, произношеніе р стало твердымъ и т. п. Такъ образовалось Бѣлорусское нарѣчіе.

Образованіе Великорусскаго нарѣчія.

§ 57. Такимъ образомъ, въ концѣ XIV вѣка изъ общерусскаго языка выдѣлились Малорусское и Бѣлорусское нарѣчія. Остальная часть русскаго языка представляла собой въ XIV вѣкѣ двѣ большія группы говоровъ: сѣверную—окающую и юго-восточную—акающую. Но эти двѣ группы не образовали отдѣльныхъ нарѣчій. Наоборотъ: когда Малая и Бѣлая Руси отошли къ Литвѣ, всѣ остальные руссіе люди стали

тѣсно объединяться подъ властью Московскаго князя и составили единую Великую Русь; Москва стала центромъ государства, просвѣщенія, торговли, и въ нее съѣзжались для разныхъ дѣлъ жители сѣвера и юго-востока. Это культурно-политическое объединеніе способствовало сближенію языка. Такимъ образомъ, указанныя двѣ группы говоровъ составили лишь два поднарѣчія (сѣверное и южное) одного Великорусскаго нарѣчія.

Кромѣ того, въ Москвѣ создалось особое Московское нарѣчіе, въ которомъ соединились черты Сѣверно-великорусскаго и Южно-великорусскаго поднарѣчій. Это Московское нарѣчіе стало русскимъ литературнымъ языкомъ. Однако, оно не сразу достигло такого высокаго значенія.

Образованіе русскаго литературнаго языка.

§ 58. Когда русскіе приняли христіанство, къ нимъ пришли священники-болгары, чтобы учить ихъ новой вѣрѣ и совершать богослуженіе. Болгары принесли съ собою богослужебныя книги на старославянскомъ языкѣ. По этимъ старославянскимъ книгамъ болгары стали учить русскихъ людей чтенію и письму, чтобы приготовить изъ нихъ священниковъ. Дальше книжное ученіе проникло въ монастыри, гдѣ благочестивые монахи занимались чтеніемъ и списываніемъ богослужебныхъ книгъ. Такимъ образомъ, первыми книжными людьми на Руси были духовныя лица, учившіяся и грамотѣ и вѣрѣ по старославянскимъ книгамъ. Поэтому, когда эти духовныя лица сами начали писать свои сочиненія: проповѣди, поученія, духовныя посланія,—имъ легче всего было писать ихъ также на старославянскомъ языкѣ. Такъ, старославянскій языкъ сталъ въ древней Руси церковно-литературнымъ языкомъ.

Но этотъ церковно-литературный языкъ не остался на русской почвѣ чистымъ старославянскимъ языкомъ. Въ употребленіи русскихъ людей онъ подвергся нѣкоторому вліянію языка древне-русскаго. Такъ наприм., русскіе люди не усвоили

старославянскаго произношенія носовыхъ звуковъ ѫ и ѧ, а произносили вмѣсто нихъ **у** и **а**; также, когда въ древне-русскомъ языкѣ глухіе звуки **ъ** и **ь** исчезли изъ произношенія или перешли въ **о** и **е**, то это измѣненіе глухихъ отразилось въ устахъ русскихъ людей и на произношеніи старославянскихъ словъ. Однако, многія другія черты старославянскаго языка сохранялись; таковы были сочетанія **ра**, **ла**, **рѣ**, **лѣ** на мѣстѣ русскихъ полногласныхъ формъ, **жд** и **шт** на мѣстѣ русскихъ **ж** и **ч** (см. § 19,2,4), формы Родит. пад. Единств. числа прилагательныхъ на **аго** и т. п. Такимъ образомъ, изъ старославянскаго языка на русской почвѣ образовался особый, нѣсколько искусственный языкъ, который называется языкомъ церковно-славянскимъ. Этотъ церковно-славянскій языкъ и былъ церковно-литературнымъ языкомъ въ древней Руси.

Однако, и въ этотъ церковно-литературный языкъ пробивались все-таки черты живой народной рѣчи. Особенно часто такія черты проникали въ произведенія болѣе или менѣе свѣтскаго характера, тогда какъ въ произведеніяхъ церковно-религіозныхъ русскіе книжники старались не отступать отъ языка церковно-славянскаго (ср. Хрестоматія № 15 и № 16).

Но мало-помалу грамотность стала распространяться и среди свѣтскихъ людей. Ею стали пользоваться уже не только для религіозныхъ цѣлей, но и для нуждъ повседневной жизни: для торговыхъ договоровъ, духовныхъ завѣщаній и т. д. Въ XV вѣкѣ, когда Московское государство стало сильнымъ и болѣе просвѣщеннымъ, Московскіе люди любили «закрѣпить грамоткой» всѣ свои дѣла. Тогда появилось много свѣтскихъ грамотеевъ, которые занимали должности дьяковъ и подьячихъ (писцовъ) въ разныхъ появившихся тогда «приказахъ». Приказные дьяки писали свои грамоты уже не на церковно-славянскомъ, а на русскомъ языкѣ. Они и не могли бы найти въ церковно-славянскихъ книгахъ тѣхъ словъ и выраженій, которыя имъ нужны были для какого-нибудь договора при продажѣ земли съ хозяйственными постройками или при наймѣ рабочихъ.

Итакъ, приказные дьяки писали свои грамоты на русскомъ языкѣ. Но русскій языкъ въ то время уже дѣлился на нарѣчія, а въ самой Москвѣ образовалось особое свое Московское нарѣчіе. Понятно, что Московскіе дьяки говорили и писали на этомъ Московскомъ нарѣчіи. Такъ образовался на Руси другой книжный языкъ, русскій дѣловой языкъ Московскихъ приказовъ.

Между тѣмъ, церковно-славянскій языкъ становился все менѣе и менѣе понятенъ русскимъ людямъ, потому что со времени принятія христіанства и до XVI вѣка включительно въ русскомъ языкѣ произошло много измѣненій, и эти измѣненія отдалили русскій языкъ отъ языка церковно-славянскаго. Новый же дѣловой языкъ былъ всѣмъ понятенъ и сталъ, поэтому, распространяться. Въ XVII вѣкѣ прежнее исключительное духовное образованіе стало замѣняться свѣтскимъ; вмѣстѣ съ этимъ, еще болѣе стало уменьшаться употребленіе церковно-славянскаго языка. Въ это же время русскіе люди познакомились съ западно-европейскимъ просвѣщеніемъ и литературой; они начали переводить иноземныя научныя книги, романы, повѣсти, и переводили ихъ уже на Московскій книжный языкъ. При Петрѣ Великомъ этотъ Московскій книжный языкъ одержалъ значительную побѣду надъ старымъ книжнымъ, т. е. церковно-славянскимъ языкомъ. Самъ Царь писалъ свои письма и бумаги на русскомъ языкѣ; онъ требовалъ, чтобы книги переводились на понятный всѣмъ русскій языкъ. «Высокихъ словъ словенскихъ класть не надобеть, но посольскаго приказу употреби слова», — писалъ по распоряженію Царя графъ Мусинъ-Пушкинъ директору Московской типографіи. Знаменитый же сторонникъ Петра Великаго Ѳеофанъ Прокоповичъ даже церковныя проповѣди говорилъ на русскомъ языкѣ.

Примѣчаніе Въ православной церкви до сихъ поръ употребляются книги, писанныя на церковно-славянскомъ языкѣ; при чтеніи ихъ обычно удерживается и церк.-славянское произношеніе (наприм. е вмѣсто русск. о (ё)—см. § 17,$_8$).

Этимъ, однако, не завершилось образованіе русскаго литературнаго языка. Съ эпохи Петра Великаго стали быстро развиваться на Руси просвѣщеніе и свѣтская литература. Литературный языкъ долженъ былъ отражать новыя понятія, новыя идеи, а въ Московскомъ дѣловомъ языкѣ часто не было для этого средствъ. Приходилось обращаться или опять къ старому источнику—церковно-славянскому языку, или къ новымъ источникамъ — языкамъ западно-европейскимъ, откуда заимствовались и просвѣщеніе и литературныя вліянія. Получался, вслѣдствіе этого, смѣшанный неустановившійся литературный языкъ, который не удовлетворялъ русскихъ образованныхъ людей и который снова былъ далекъ отъ живого народнаго языка.

Надъ улучшеніемъ этого литературнаго языка много трудились писатели XVIII вѣка. Въ поискахъ нужныхъ словъ и оборотовъ они чаще и чаще обращались къ народной разговорной рѣчи. Однако, нѣкоторые изъ нихъ какъ-будто не были вполнѣ увѣрены въ необходимости такого обращенія: церковно-славянское вліяніе пустило очень глубокіе корни въ книжный русскій языкъ. Такъ напримѣръ, Тредьяковскій, въ предисловіи къ своему переводу французскаго сочиненія «Ѣзда въ островъ любви» въ 1730 г., писалъ: «языкъ словенской занынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится»; но позже онъ защищалъ церковнославянизмы и осуждалъ Ломоносова за употребленіе народныхъ выраженій; такъ, онъ писалъ о Ломоносовѣ, что

«Онъ красотой зоветъ, что есть языку вредъ,
Или ямщичій вздоръ, или мужицкій бредъ».

Ломоносовъ (1711—1765 г.) своими теоретическими сочиненіями по языку и своими поэтическими произведеніями много способствовалъ упорядоченію и развитію русскаго литературнаго языка. Этому помогало природное пониманіе Ломоносовымъ явленій языка и отличное знаніе языка

народнаго. Ограничивъ правилами употребленіе церковнославянизмовъ, оставленныхъ для «высокаго штиля», Ломоносовъ вносилъ въ свои произведенія немало элементовъ народной рѣчи, въ томъ числѣ родного ему Архангельскаго говора. Но за это его не разъ осуждалъ другой его современникъ—Сумароковъ.

Такъ шла борьба съ сильнымъ церковно-славянскимъ вліяніемъ, борьба, закончившаяся лишь въ первой четверти XIX вѣка. Послѣдними ея представителями были Карамзинъ и Шишковъ.

Карамзину принадлежитъ большая заслуга въ образованіи русскаго литературнаго языка. Освобождая книжный языкъ отъ множества церковнославянизмовъ и упрощая его синтаксическіе обороты, Карамзинъ стремился приблизить его къ языку разговорному. Но при этомъ онъ сознавалъ, что языкъ литературный все-таки долженъ отличаться отъ языка народнаго, потому что долженъ выражать такія понятія и идеи, которыя являются достояніемъ лишь образованныхъ людей. А для такихъ понятій и идей какъ разъ не хватало средствъ въ языкѣ образованныхъ русскихъ людей. «Что же остается дѣлать автору?»—спрашивалъ Карамзинъ, и отвѣчалъ: «Выдумывать, сочинять выраженія, угадывать лучшій выборъ словъ». Такъ Карамзинъ и поступалъ. Къ «сочиненнымъ» Карамзинымъ словамъ относятся, напримѣръ, слова: будущность, вліяніе, вліять (на кого-нибудь), трогательный, сосредоточить, промышленность и т. п. Въ поискахъ новыхъ словъ и оборотовъ Карамзинъ нерѣдко прибѣгалъ къ французскому языку: онъ или придавалъ слову русскую форму (напримѣръ: моральный, эпоха), или даже переводилъ его новымъ русскимъ словомъ (напримѣръ: touchant — трогательный, concentrer—сосредоточить). Противъ этихъ новшествъ Карамзина сильно возставалъ писатель и государственный дѣятель Шишковъ, приверженецъ церковно-славянскаго вліянія. «Кто бы подумалъ, говорилъ Шишковъ, что

мы, оставя сіе многими вѣками утвержденное основаніе языка своего (т. е. церковно-славянскій языкъ), начали вновь созидать оный на скудномъ основаніи французскаго языка!» Но это былъ послѣдній защитникъ «словенскаго языка».

Такое продолжительное церковно-славянское вліяніе на литературный русскій языкъ объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что изъ среды русскаго духовенства, привыкшаго къ церковно-славянскому языку, выходило много образованнѣйшихъ и просвѣщенныхъ людей. А такіе люди оказывали свое вліяніе на выработку литературнаго языка. Далѣе, изъ той же духовной среды выходили учителя русскаго языка. Не только въ древней Руси, но и въ XVIII и даже въ XIX вѣкѣ было въ обычаѣ приглашать духовныхъ лицъ для первоначальнаго обученія дѣтей, особенно русской грамотѣ (Петръ Гриневъ, Недоросль Митрофанушка учились у дьячковъ). Во многихъ мѣстахъ и трудно было найти болѣе образованныхъ и подходящихъ для этой цѣли лицъ. Все это способствовало церковно-славянскому вліянію на литературный языкъ.

Однако, развитіе русскаго литературнаго языка задерживалось не только церковно-славянскимъ вліяніемъ, но также вліяніемъ французскимъ. Въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка французское вліяніе среди высшаго русскаго общества было очень велико; оно касалось литературы, языка, обычаевъ, моды. Многіе плохо говорили по-русски, но французскимъ языкомъ владѣли въ совершенствѣ. Нужно было бороться и съ этимъ явленіемъ; но бороться нужно было не только теоретически: важно было дать такіе образцы русскаго литературнаго языка, которые бы убѣдили общество въ его красотѣ и богатствѣ. Въ этомъ отношеніи крупную роль сыграли журналы того времени, въ которыхъ помѣщались произведенія лучшихъ писателей, въ томъ числѣ красивые стихи Жуковскаго (въ началѣ XIX вѣка). Но особенное значеніе для развитія русскаго литературнаго языка имѣло поэтическое творчество Пушкина.

Пушкину пришлось немало потрудиться надъ выработкой литературнаго языка. И къ этому труду великій поэтъ относился съ полнымъ сознаніемъ и глубокимъ интересомъ.

Въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ, въ письмахъ и замѣткахъ Пушкинъ нерѣдко высказывалъ мысли о необходимости развитія русскаго литературнаго языка на основѣ языка народнаго, особенно—Московскаго нарѣчія.

Такъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ» поэтъ говоритъ:

«А вижу я, винюсь предъ вами,
Что ужъ и такъ мой бѣдный слогъ
Пестрѣть гораздо меньше бъ могъ
Иноплеменными словами,
Хоть и заглядывалъ я встарь
Въ Академическій Словарь». (Глава первая, XXVI).

или:

«Она (т. е. Татьяна) по-русски плохо знала,
Журналовъ нашихъ не читала
И выражалася съ трудомъ
На языкѣ своемъ родномъ.
Итакъ, писала по-французски...
Что дѣлать! повторяю вновь:
Донынѣ дамская любовь
Не изъяснялася по-русски,
Донынѣ гордый нашъ языкъ
Къ почтовой прозѣ не привыкъ». (Глава третья, XXVI).

Далѣе, Пушкинъ писалъ: «Разговорный языкъ простого народа (не читающаго иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на французскомъ языкѣ) достоинъ также глубочайшихъ изслѣдованій... Не худо намъ иногда прислушиваться къ Московскимъ просвирнямъ. Онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ».

И Пушкинъ самъ прислушивался къ народной рѣчи, любилъ слушать сказки, записывалъ пѣсни, вознаграждая этимъ «недостатки проклятаго своего воспитанія».

Если прослѣдить произведенія Пушкина въ хронологическомъ порядкѣ, то легко можно увидѣть, какъ онъ постепенно совершенствовалъ свой языкъ, въ смыслѣ сближенія его съ народнымъ Великорусскимъ языкомъ. Такъ, во-первыхъ, онъ все рѣже употреблялъ церковнославянизмы, оставляя ихъ лишь, какъ поэтическое украшеніе (см. «Пророкъ», «Молитва»); во-вторыхъ, вводилъ много чисто-русскихъ словъ и выраженій и, наконецъ, упрощалъ свой нѣсколько высоко-

парный вначалѣ слогъ, приближая его къ слогу болѣе легкому, разговорному.

Напримѣръ: въ эпоху Пушкина произношеніе **е** (передъ твердымъ слогомъ подъ удареніемъ), какъ **о** (ё), считалось признакомъ простонародной рѣчи; люди образованные старались еще сохранять церковно-славянское произношеніе **е** (см. § 17,в). Поэтому, въ юношескихъ произведеніяхъ Пушкина постоянно встрѣчаются такія риѳмы, какъ: полетъ—лѣтъ, полетомъ—свѣтомъ, ревъ—присмирѣвъ, веселый—смѣлый и т. п.; но позже, напр., въ «Евгеніи Онѣгинѣ» риѳмуются слова: щелку—толку, занесенъ—онъ, струею—золою, ледъ—водъ и т. п., что́ ясно указываетъ уже на произношеніе Пушкинымъ **е** какъ **о**, согласно съ народнымъ великорусскимъ произношеніемъ.

Такъ, въ творчествѣ Пушкина завершился долгій и трудный путь развитія русскаго литературнаго языка. Послѣдующіе писатели—Гоголь, Лермонтовъ, Тургеневъ, Гончаровъ, Толстой и др. явились уже учениками Пушкина. Въ ихъ твореніяхъ русскій языкъ и сталъ тѣмъ литературнымъ языкомъ, на которомъ въ настоящее время говорятъ и пишутъ всѣ образованные русскіе люди на всемъ пространствѣ Россіи.

Современный русскій литературный языкъ достигъ глубокаго сближенія съ живой народной рѣчью. Однако, и тѣ вліянія, которымъ онъ подвергался за время своего развитія, оставили на немъ свои слѣды, а именно:

1) Старославянское, а позже церковно-славянское вліяніе было самое значительное. Въ русскій языкъ проникло, благодаря этому вліянію, много какъ самихъ словъ, такъ и формъ словъ, а именно:

а) вмѣстѣ съ христіанствомъ проникло на Русь много словъ, связанныхъ съ новой религіей и неизвѣстныхъ раньше язычникамъ-русскимъ; напримѣръ: христіанство, крестъ, воскресеніе, церковь и т. п.

б) Многія слова, особенно религіозно-нравственнаго характера, сохранились въ литературномъ языкѣ въ старославянской (церковно-славянской) формѣ: Рождество (вмѣсто Рожество), пещера (но Кіево-Печерскій монастырь), время (изъ врѣмя, вмѣсто веремя), плѣнъ (вмѣсто по-

лонъ), вкратцѣ (вмѣсто вкоротцѣ и далѣе вкороткѣ) и т. д. Часть такихъ словъ проникла и въ народный языкъ, напр. время, пещера.

Такія старославянскія формы иногда какъ-бы нарушаютъ законы русскаго языка. Такъ напримѣръ, ударенное **е** въ положеніи передъ твердымъ согласнымъ произносится въ литературномъ языкѣ, какъ **о** (ё); но слова: небо, щедръ, крестъ (сравни крёстный), бредъ, ущербъ и т. п. произносятся со звукомъ **е**. Эти кажущіяся «исключенія» являются старыми заимствованіями изъ старославянскаго языка, сохранившими до сихъ поръ свое произношеніе.

Примѣчаніе. Но въ нѣкоторыхъ словахъ произношеніе **е** вмѣсто **о** (ё) объясняется тѣмъ, что согласные звуки, передъ которыми находится такое **е**, были въ др.-русск. языкѣ мягкими; наприм., отецъ изъ др.-русскаго отьць.

в) Въ литературномъ языкѣ есть рядъ словъ, которыя употребляются въ старославянской (церковно-славянской) и въ русской формѣ: глава и голова, власть и волость, влачить и волочить, оградить и огородить, нравъ и норовъ, храмъ и хоромы, невѣжда и невѣжа и т. д. Въ такихъ случаяхъ русская форма имѣетъ обыкновенно смыслъ болѣе реальный, а старославянская — болѣе отвлеченный.

г) Древне-русскія формы причастій Настоящаго времени на **чій** замѣнились старославянскими причастіями на **щій** (см. § 49). Нѣкоторыя же древне-русскія формы на **чій** сохранились до сихъ поръ въ литературномъ языкѣ, но употребляются теперь въ значеніи именъ прилагательныхъ. Таковы, напримѣръ, формы горячій (ср. горящій), могучій (ср. могущій), стоячій (ср. стоящій) и т. д.

2) Вліяніе западно-европейскихъ языковъ выразилось въ заимствованіи словъ. Но многія изъ такихъ словъ уже совсѣмъ обрусѣли, приняли русское склоненіе и спряженіе и вошли въ народный языкъ; наприм.: машина, мебель, солдатъ, квартира и т. д. Такія заимствованія продолжаются и до сихъ поръ; наприм.: телефонъ, аэропланъ, трамвай

и т. д.; но они, обогащая словарь, не оказываютъ никакого вліянія на общій характеръ русскаго языка.

Правописаніе.

§ 59. Исторія, пройденная русскимъ языкомъ, какъ народнымъ такъ и литературнымъ, отражается на составѣ современнаго литературнаго языка; эта же исторія отражается и на русскомъ правописаніи. Въ главнѣйшихъ чертахъ исторія русскаго правописанія была такова:

1. Вмѣстѣ съ принятіемъ церковныхъ книгъ на старославянскомъ языкѣ, русскіе приняли и старославянскую азбуку. Эта азбука была составлена для старославянскихъ звуковъ и передавала ихъ довольно точно. Но когда этой азбукой стали пользоваться для передачи звуковъ русскаго языка, явилось уже несогласіе между звуками и буквами. Такъ, наприм., хотя въ русскомъ языкѣ не было носовыхъ звуковъ, однако русскіе писцы заимствовали и долго употребляли буквы **ѫ** и **ѧ**.

2. Далѣе, когда въ русскомъ языкѣ произошли различныя звуковыя измѣненія, то несогласіе между произношеніемъ и письмомъ значительно увеличилось, такъ какъ писцы во многихъ случаяхъ продолжали придерживаться старославянскаго правописанія. Такъ, напримѣръ, хотя звуки, обозначавшіеся буквами **ъ** и **ь**, исчезли въ концѣ словъ, писцы не выбросили этихъ буквъ, а продолжали ихъ писать (какъ пишемъ и мы до сихъ поръ). Или другой примѣръ: хотя звукъ, обозначавшійся буквою **ѣ**, сталъ произноситься въ Южно-великорусскомъ поднарѣчіи такъ же, какъ звукъ, обозначавшійся буквою **е**, писцы продолжали употреблять букву **ѣ**. Точно также, когда появилось аканье, московскіе грамотеи продолжали сохранять въ соотвѣтствующихъ случаяхъ старое написаніе буквы **о**.

Но иногда писцы невольно вносили въ свое письмо черты новаго произношенія; такъ, напримѣръ, вмѣсто древне-русскихъ написаній с т о к а н ъ, к о л а ч ъ, к о р м а н ъ, о л т а р ь, п о л а т а стали, согласно съ акающимъ произношеніемъ, писать—с т а к а н ъ, к а л а ч ъ, к а р м а н ъ, а л т а р ь, п а л а т а; такъ и мы теперь

пишемъ эти слова. Въ другихъ словахъ старая буква ѣ замѣнилась, согласно съ произношеніемъ, буквой е; такъ, вмѣсто прежнихъ мѣлкій, пѣсокъ, врѣмя (русское веремя), стали писать—мелкій, песокъ, время. Въ формѣ Род. п. Единств. ч. именъ прилагательныхъ муж. рода, вмѣсто старославянскаго окончанія аго, нерѣдко писали, согласно съ произношеніемъ,—ого и ово.

3. Иногда писецъ и не умѣлъ изобразить на письмѣ новое произношеніе. Такъ, когда звукъ е перешелъ въ о, у древне-русскаго писца не было средствъ для его изображенія. Буквы е и о не только изображаютъ различные гласные звуки, но также указываютъ на мягкое или твердое произношеніе предшествующаго согласнаго: передъ е согласный произносится мягко (левъ), передъ о онъ произносится твердо (ловъ). А, между тѣмъ, указанный переходъ состоялъ именно въ томъ, что гласный звукъ е перешелъ въ гласный звукъ о, но предшествующій ему согласный остался при этомъ мягкимъ. А для передачи такого сочетанія на письмѣ у писца не было средствъ. Такъ и сохранялась въ этихъ случаяхъ буква е. Только послѣ шипящихъ (которые произносились и произносятся одинаково передъ е и передъ о) писецъ рѣшался писать о; наприм. чорный, пришолъ, жолчь, ещо.

Неумѣнье обозначить звукъ о послѣ мягкаго согласнаго продолжается и до сихъ поръ. Въ концѣ XVIII вѣка писали нерѣдко іо, наприм. Серіожа, всіо и т. п. Карамзинъ придумалъ написаніе ё; но обычно и до сихъ поръ употребляется въ такихъ случахъ буква е.

Такое неумѣнье изобразить звукъ о послѣ мягкаго согласнаго звука зависѣло и зависитъ отъ того, что въ старославянскомъ и въ современномъ русскомъ письмѣ мягкое произношеніе согласныхъ звуковъ обозначается не тѣми буквами, которыя соотвѣтствуютъ даннымъ согласнымъ, а тѣми, которыя изображаютъ слѣдующіе гласные; такъ напримѣръ, если надо обозначить твердый согласный н+а, то пишутъ на; если же надо обозначить мягкій согласный н+а, то пишутъ ня (въ старославянскомъ письмѣ ня).

Такимъ образомъ, буквы а, у, э обозначаютъ такіе же

гласные звуки, какъ и буквы я (ꙗ) ю, е (ѥ); но пишется а, у, э (послѣднее обычно въ иностранныхъ заимствованныхъ словахъ) или я, ю, е въ зависимости отъ произношенія предшествующаго согласнаго: если этотъ согласный произносится твердо, то пишется а, у, э; напримѣръ: дала, луну, пэнснэ; если же этотъ согласный произносится мягко, то пишется я, ю, е, напримѣръ: дядя, няня, люди, неси.

Съ другой стороны, тѣ же буквы я, ю, е (старославянскія ꙗ, ю, ѥ), находясь въ началѣ слова или послѣ гласныхъ, обозначаютъ сочетаніе j + а, у, э; напримѣръ: ягода, змѣя, юноша (ср. латинское juvenis), пою, военный (ср. поэтъ), ель (ср. § 17,6). Звукъ j послѣ гласныхъ обозначается въ русской азбукѣ буквой й: мой; если бы употребить эту букву и передъ гласными, то приведенныя слова слѣдовало бы писать— йагода, змѣйа, йуноша, пойу и т. п. (ср. примѣч. § 17,5).

Примѣчаніе. Буква э придумана лишь въ XVIII в.

Стремленіе писцовъ сохранять старое правописаніе, съ одной стороны, и невольныя уклоненія въ пользу живого произношенія, съ другой стороны—внесли немалый безпорядокъ въ систему древне-русскаго правописанія. И только въ XVIII и въ XIX вѣкахъ, вмѣстѣ съ образованіемъ литературнаго языка, и русское правописаніе подверглось упорядоченію.

1. Прежде всего, при Петрѣ Великомъ, былъ отлитъ гражданскій шрифтъ для печатанія книгъ; этотъ шрифтъ отличался отъ прежняго, церковно-славянскаго шрифта и отъ рукописнаго письма не только болѣе простыми начертаніями буквъ, но и тѣмъ, что изъ него были выброшены нѣкоторыя лишнія буквы, напримѣръ—ѫ, ѧ.

2. Ломоносовъ и Тредьяковскій старались правилами внести однообразіе въ русское правописаніе и по этому поводу много спорили между собою. Такъ, напримѣръ, Ломоносовъ утвердилъ слѣдующія правила, которыя сохраняются до сихъ поръ въ русской грамматикѣ: а) объ окончаніяхъ въ Им. пад. Множ. ч. именъ прилагательныхъ **ые, іе** для мужеск. рода, **ыя, ія** для женск. и средн. рода; б) объ окончаніи **аго** Родит. пад. Ед. числа именъ прилагательныхъ муж. и средняго рода и т. п.

3. Послѣ Ломоносова работа по приведенію въ порядокъ русскаго правописанія продолжалась. Послѣднимъ крупнымъ трудомъ былъ трудъ академика К. Я. Грота «Русское правописаніе» (1885 г.). Современное правописаніе, за очень немногими исключеніями, согласуется съ правилами Грота. Но, рядомъ съ этимъ, въ настоящее время поднятъ вопросъ объ упрощеніи русскаго правописанія: а) въ смыслѣ уничтоженія нѣкоторыхъ правилъ, не имѣющихъ серьезнаго основанія, но затрудняющихъ обученіе письму, и б) въ смыслѣ нѣкотораго приближенія къ живому произношенію; для точной же передачи живого произношенія потребовалась бы очень сложная система письма, которая употребляется лишь для научныхъ цѣлей.

§ 60. От начала письменности до XVI вѣка въ русскомъ языкѣ произошло много крупныхъ измѣненій. Эти измѣненія привели къ тому, что русскій языкъ сталъ дѣлиться на нарѣчія — Великорусское, Бѣлорусское и Малорусское. Послѣ XVI вѣка въ народномъ русскомъ языкѣ не происходило крупныхъ измѣненій. Но зато литературный языкъ измѣнялся, развивался и, наконецъ, въ XIX вѣкѣ достигъ того высокаго развитія, богатства и красоты, которыми онъ теперь отличается. Заключеніе.

Будучи раздѣленъ на нарѣчія, народный русскій языкъ не потерялъ и не теряетъ своего единства. Тѣ черты, которыя отличали древне-русскій языкъ XI — XII вѣковъ отъ старославянскаго и отъ другихъ славянскихъ языковъ, сохраняются до сихъ поръ во всѣхъ нарѣчіяхъ и говорахъ русскаго языка (полногласіе, **ж** и **ч** изъ **dj** и **tj**; замѣна носовыхъ звуками **у** и **а**; см. § 19). Звуковыя же измѣненія, происшедшія въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ, и отдѣльныя слова, свойственныя только одному какому-нибудь нарѣчію, все-таки не мѣшаютъ русскимъ людямъ на всемъ великомъ пространствѣ Россіи понимать другъ-друга. Въ этомъ единствѣ русскаго языка и заключается его особенность.

Иная судьба постигла другіе языки. Наприм., въ маленькой Италіи отдѣльныя нарѣчія такъ различны, что житель Сициліи не можетъ говорить съ Миланцемъ или Венеціанцемъ. А сѣверное и южное нѣмецкія нарѣчія настолько между собой различны, что сѣверные и южные нѣмцы, не знающіе литературнаго языка, встрѣтившись, наприм., въ Чехіи, вынуждены объясняться между собою по-чешски. Среди русскихъ людей такого явленія встрѣтить нельзя.

Что касается русскаго литературнаго языка, то въ немъ, какъ и въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ, встрѣчаются слова, которыя чужды простому народу или неупотребительны въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ. Однако, это обстоятельство нисколько не мѣшаетъ тому, что литературный языкъ въ общемъ понятенъ каждому русскому человѣку: великоруссу, бѣлоруссу и малороссу, образованному и необразованному. Всѣ они понимаютъ Пушкина, Гоголя, Гончарова, Островскаго, Толстого.....

Такъ русскій литературный языкъ еще больше сближаетъ между собою русскихъ людей.

ХРЕСТОМАТІЯ.

ОБРАЗЦЫ НАРОДНЫХЪ ГОВОРОВЪ.

Сѣверно-великорусское поднарѣчіе.

1.

А Грозны́я царь Иванъ Васильевичъ задумалъ строить втору́ [1] Москву, втору́ Москву на Во́логды [2]. Не могъ-то онъ построить второй Москвы на Вологды; тольке выстроилъ черьковь [3] Миколину на томъ-то городи [4] на Во́логды, положилъ золотой казны сорокъ тысечей [5]. А задумалъ-то Орсёнко посмотрить [6] госуда́рёва [7] строеньиця, не второй Москвы, черьквы Миколиной, того жо строеньиця госуда́рёва. Пошолъ-то Орсёнко путёмъ-дорогою, уцюлъ [8]-то во стороноцьки [9] гамъ, гово́рю великую. Захотилось посмотрить Орсёнку, хто такой разговаривать [10]. Дѣлятъ тутъ воры-розбойники [11] золоту́ казну, золоту́ казну да госуда́рёву изъ той церьквы Миколиной; церькву [12]

Примѣчанія. [1] краткая (именная) форма; см. примѣчаніе 2 на стр. 52. [2] форма Предл. пад. (и Дательн.), встрѣчающаяся въ нѣкоторыхъ Великор. говорахъ. [3] см. § 4,$_4$. [4] см. § 4,$_3$. [5] **е** изъ **я** встрѣчается нерѣдко въ Сѣв.-великор. говорахъ. [6] см. § 4,$_3$. [7] см. § 4,$_2$; г о с у д а р ё в а с т р о е н ь и ц я Родит. пад.; **я** на концѣ обозначаетъ мягкое произношеніе звука **ц**—см. § 4,$_4$. [8] учулъ, т. е. услышалъ; см. § 4,$_4$. [9] см. § 4,$_3$ и 4,$_4$. [10] = разговариваетъ; такое стяженіе **ае** въ **а** нерѣдко въ Сѣв.-великор. говорахъ. [11] форма р о з б о й н и к и съ предлогомъ **роз** – русская форма; въ литерат. языкѣ **раз** подъ вліяніемъ церковнославянскаго языка; также: р о з ь е р и л о с ь, р о з ь б ѣ ж а л и с е. [12] Вин. пад., по аналогіи со склоненіемъ на **а**: воду, см. § 29,$_2$,Г.

подло́мятъ и укра́дутъ... Розьерилось тутъ Орсёнка ретиво́ се́рьцо; хваталъ онъ сы́рой дубъ изъ матушки сырой земли, высоко́-то онъ металъ по поднéбесью. Тутъ розбойники да испугалисе [1], по тёмно́му лѣсу розьбѣжалисе.

(Марковъ. Бѣломорскія былины, стр. 463; записано у верхняго теченія р. Мезени).

2.

Не землянка [2] яготка да на горѣ выростала, на горѣ на высокою [3], да на красѣ на широкою. Да ны [4] быть землянки яготки, да быть душой красной дѣвицой [5]. Ты, подруженька [6] любимая, да ино Марья Степа́новна, ты послушай, моя подруженька, я што стану говорити: ты у батюшки у матушки доци [7] одинака [8], одна да одинака, да бѣлая кудревата [9], тебя поя [10], кормя родители да на свиця́хъ [11] на молебнахъ, сви́ци Богу ставето́ [12]—тибѣ вѣку набавляютъ [13], да молебны то служатъ—тибѣ здо́ровьиця молятъ, говоря, дай Бохъ споить, скормить цядо [14] сердецьное дитетко намъ не дле [15] то роботоньки, а дле виселья, дле радости, столько на посмотреньицё. Тибѣ сряжено на могуци плеци да дорого свѣтно́ [16] платьё. Ты каталасе [17] жемцюжинка [18] да по торгамъ да по ярманьгамъ, ты на Стрѣтинску на ярманьгу, ты со Стрѣтиньской ярманьги на Овдокеевську ярманьгу. Ты послушай, моя подруженька, я што стану говорити: подойди-ко ко мнѣ, по-

Примѣчанія. [1] **се** вмѣсто **ся** встрѣчается нерѣдко въ Сѣверно-великор. говорахъ (ср. стр. 91, примѣч. 5). [2] = земляника. [3] = высокой. [4] = не. [5] см. § 4,2. [6] см. § 4,2. [7] д о ц и = дочи, т. е. дочь — см. § 4,4 и § 28. [8] = единственная. [9] именная форма, см. примѣчаніе 2 на стр. 52. [10] п о я, к о р м я = поятъ, кормятъ; въ Сѣв. великор. говорахъ иногда встрѣчаются формы 3 лица безъ окончанія **тъ**. [11] см. § 4,3,4; **я** написано, чтобы обозначить мягкое произношеніе звука **ц**. [12] = ставятъ. [13] см. § 4,6. [14] = чадо; см. § 4,4 и § 28. [15] = для. [16] = цвѣтное. [17] см. примѣч. 1. [18] ж е м ц ю ж и н к а, т. е. жемчугъ изъ украшеній дѣвушки.

дружонька, да блиско неподалёко, прирозмыцёмъ мы съ подружонькой да зло великоё горё, да приросплацёмъ со подружонькой да зло горюціе слёзы. Мы ходили со подружонькой во всѣ цетыре во стороны: мы по каткамъ катишшицямъ [1], да по соборнымъ игришшицямъ, да по долгимъ вецеренецькамъ. У насъ дружба́ съ тобой великая, да роздружитисе хоцё [2], у насъ словецько съ тобой тайноё, да пророзмолвицьце [3] хоцё, да колецюшко серебрено роспоетисе хоцё, да позолота со колецюшка да совалитисе хоцё.

(Свадебное причитаніе дѣвушкѣ; записано въ Архангельск. губ. — Матеріалы для изученія великорусскихъ говоровъ. Сборникъ Отд. Русск. яз. и слов. Академіи Наукъ, т. 87, стр. 9).

Южно-великорусское поднарѣчіе.

3.

У днаво́ [4] старичькя [5] была тро́я [6] сынавьёф [7]: два умных, а третий Мялёша—дурак. Вот старик по́мяр [8], а старуха и пасыла́ить [9] сваих сынавьёф в горат [10] купить стало́ф, ло́шкаф [11], таре́лкаф и гаршко́ф. Братья падумали, падумали, шта [12]

Примѣчанія. [1] к а т к а м ъ к а т и ш ш и ц я м ъ, т. е. по катаньямъ; **шш** — такъ произносится во многихъ говорахъ **щ**. [2] = хочетъ, см. стр. 92, примѣч. 10. [3] = пророзмолвиться. [4] = одного; см. § 5,1 и § 5,6. [5] буквы **ь** и **я** обозначают мягкое произношеніе предшествующихъ согласныхъ; мягкое произношеніе **к** встрѣчается нерѣдко въ Южно-велик. говорахъ. [6] см. § 5,1 и § 5,2. [7] = сыновей; окончаніе ёф (ёвъ) по аналогіи: рабовъ, домовъ и т. д. (см. стр. 48,в); въ концѣ словъ звонкіе согласные обыкновенно произносятся въ Южно-велик. поднарѣчіи, какъ соотвѣтствующіе глухіе. [8] см. § 5,2. [9] см. § 5,5. [10] г о р а т = городъ; **г** произносится въ Южно-великорусскомъ поднарѣчіи какъ длительный звукъ — см. § 5,3. [11] л о ш к а ф, т а р е л к а ф — см. примѣчаніе [7]. [12] такъ произносится въ Южно-великор. поднарѣчіи союзъ «что»; таково же и литературное (Московское) произношеніе.

многа чаво́ бу́дя [1] им пакупать, и сказали: «давай, вазьмём с сабой Мялёшу, он бу́дя лошать стяречь», и взя́ли яво́. Ѣхали, ѣхали, а на дароги варо́ны и галки кра́чють [2]; вот Мялёша и думаить: «пасто́йтя, я вам фсѣм [3] зада́м, ета [4] ани мене дражнють: дурак, да дурак!» Ѣдуть ани лу́гам [5] и лѣсам, а в лясу́ пяньки́ [6] стая́ть; Мялёша апе́ть [7] думаить: «бѣднаи [8] вы, пянёчьки, стаи́тя вы бяш [9] ша́пкаф, вам халадно́, вот я вас фсѣх адѣну». Пріяжжають ани в горат, накупили е́та ани фсяво́ и гаварять Мялёшки: «Мялёша, ты примѣтил дарогу, как мы суды́ [10] ѣхали, можыш с тялѣгай ѣхать?» — «Магу́, магу́», сказал Мялёшка и паѣхал в дяревьню. Вот, ѣдить он чиряз [11] лѣс, даяжжаить да [12] пянёчькяф и на фсѣх их гаршки́ надѣл; в га́лкаф и варо́наф ло́шкими пашвыря́л. Даяжжаить да рѣчьки и гавари́ть: «а, знать, лошать пить хочить!» Падьвёл яе́ к рѣчьки, а по́вада ни сумѣл развязать — лошать ня мо́жыть пить. Он видить, шта лошать ня пьёть, и гаварить: «а, знать, ей висако́, ни даста́нить», и давай ей но́ги-ты руби́ть; атрубил пяредьніи [13] ноги, ана фсё ня пьёть... Он апе́ть гаварить: «а, ня ло́фка!» [14] Тады и задьніи ноги атрубил. Сидѣл, сидѣл на бирягу и гаварить: «што-ш, у стала́ чатыря-ш наги́, запрягу я стол!» Запрёх, хляста́л, хляста́л яво, а он фсё няйдёть. Тады он пашол пяшко́м дамо́й; прихо́дить дамой, а яво́ мать спра́шываить: «Гдѣ жа гаршки́, сталы́, лошки-ты?» А Мялёша и гаварить: «гаршки я надѣл на пянёчьки, а ве́шшы [15] фсѣ ляжа́ть на бирягу́». — «А лошать гдѣ?» — «А лошать захатѣла пить, я ей ношки-ты и а́брубил, а то ни дастанить да

Примѣчанія. [1] = будетъ; иногда въ Южно-великор. говорахъ т въ 3 лицѣ глаголовъ опускается. [2] см. § 5,5. [3] = всѣмъ; глухой звукъ вмѣсто звонкаго передъ слѣдующимъ глухимъ с. [4] = это. [5] лу́гам и лѣсам = лугомъ и лѣсомъ, т. е. Тв. пад. Единств. ч. [6] = пеньки, т. е. пни. [7] = опять. [8] = бѣдные; см. примѣч. в) на стр. 56. [9] = безъ. [10] = сюда. [11] см. § 5,2. [12] = до. [13] см. примѣч. в) на стр. 56. [14] = не ло́вко. [15] = вещи; въ Великор. и въ литературномъ произношеніи **щ** произносится обыкновенно какъ **шш**; ср. стр. 93, примѣч. 1.

вады-ты». Прiѣхали братья, пазбирáли на лугý лóшки да гаршки́. Тѣм и дѣла[1] кóньчилась.

(Рязанская губернiя. Матерiалы по русской дiалектологiи проф. Е. Б. Будде. Этнографич. Обозрѣнiе, 1894 г. № 2, стр. 147).

4.

А с пóля, с пóля с чи́стага[2]
Да вязуть[3] Васи́лья вби́тага[4];
Да па ём[5] матушка плáкала:
Ой, дитё[6] маё, млод[7] Василь!
За кагó[8] галóвку палажив?

(Курская губернiя. Халанскiй, Народные говоры Курской губернiи. Сборникъ Отд. Русскаго яз. и слов. Академiи Наукъ, т. 76, стр. 195).

Московскiй народный говоръ.

5.

Пришла калядá[9]
Накануни Ражества
Падайте каровку—
Мáслину галовку[10],—
Въ пичи сидитъ[11],
На насъ глидитъ;
Падавайти, ни ламайти,
Ни закýсывайти.
Ни пададити каляду,
Варóта разабью,
Варóта разобью,
Каня увяду,
Карову за рага.

(Московскiй уѣздъ. В. И. Чернышевъ, Свѣдѣнiя о народныхъ говорахъ селенiй Московскаго уѣзда. Сборникъ Отдѣл. Русск. яз. и словесн. Академiи Наукъ, т. 68, стр. 104).

Примѣчанiя. [1] средній родъ Единств. ч.; окончанiе **а** и **лась**—по закону аканья. [2] **г** произносится въ этомъ словѣ и во всѣхъ слѣдующихъ, какъ длительный звукъ—см. § 5,з; окончанiе Род. пад. **ага**—см. § 5,в. [3] см. § 5,2 и 5,5. [4] см. § 5,4,6. [5] = по нёмъ, см. стр. 14, 2). [6] см. § 28 и стр. 14, 2). [7] м л о д—часто встрѣчающаяся въ народныхъ говорахъ форма вмѣсто молодъ. [8] см. § 5,6. [9] см. § 10,2 (стр. 11). [10] **г** произносится въ этомъ словѣ и вообще въ Московскомъ говорѣ, какъ взрывный звукъ—см. § 10,4; ср. § 5,3. [11] см. § 10,5; ср. § 5,5.

6.

Ѣхали съ Масквы[1], на Чернай Грязи[2] попили чяйку[3] пакармили лашедей, а дѣла ночь. Ну и паѣхали. Нада бы намъ па той дароги, а мы паѣхали па этай дароги, па сваей называитца у насъ. Маѐ[4] товарищи ѣхали вперётъ миня. Ну тѣ-та[5] на путь напали — уѣхали, а мая лошать сзади. Патстал нѣскалька я, и сбилась съ дароги мая лошать. Сбилась, патомъ ушъ я ни знаю, куда ѣхать. Мѣста-та[6] ни такъ апасна, а дѣ мая старана—ни знаю. Ну и лёкъ[7] въ сани, лошади корму далъ и лёкъ въ сани. Лёкъ и задрямалъ. Праснулся—азяпъ[8]. Посли услыхалъ машиннай крикъ... Дарогу нашолъ, путь узналъ... Лошать паставилъ на путь, сѣлъ на сани и паѣхалъ сибѣ въ сваю путь[9]. Пріѣхалъ блапалу́чна дамой, слава Богу. Больши мнѣ ничяво[10] вряды́[11] не сдѣлалась, какъ азяпъ.

(Московскій уѣздъ; разсказъ крестьянина. В. И. Чернышевъ, Свѣдѣнія о народныхъ говорахъ селеній Московск. уѣзда. Сборникъ Отдѣл. Русск. яз. и словесн. Академіи Наукъ, т. 68, стр. 106).

Бѣлорусское нарѣчіе.

7.

Прышла́[12] калида́,
Напярёдъ[13] Ражтва[14]
Упярёдъ[15] пра́зьничка!
Й а хадзи́ла[16]—гуля́ла[17] ко́лида

Примѣчанія. [1] см. § $10,_2$ (стр. 11). [2] г произносится въ этомъ словѣ и вообще въ Московскомъ говорѣ, какъ взрывный звукъ—см. § $10,_4$. [3] ч произносится вообще мягко въ литературномъ языкѣ. [4] см. § $10,_2$ (стр. 14). [5] = тѣ-то. [6] м ѣ с т а - т а... о п а с н а—форма ср. рода Единств. ч., произносящаяся такъ по закону аканья. [7] = лёгъ; взрывный звонкій звукъ г произносится въ концѣ слова, какъ соотвѣтствующій взрывный глухой—к. [8] = озябъ. [9] женск. рода—см. § $10,_2$ (стр. 14). [10] см. § $10,_6$. [11] = вреда́—см. § $10,_2$ (стр. 14). [12] буква ы обозначаетъ твердое произношеніе предшествующаго р — см. § $7,_4$. [13] см. § $7,_1$ и § $5,_{1,2}$. [14] сокращенное произношеніе вм. Ражаства. [15] см. § $7,_5$. [16] см. $7,_1$ и § $7,_2$. [17] г—произносится въ Бѣлор. нарѣчіи всегда, какъ д л и т е л ь н ы й з в у к ъ—см. § $7,_3$.

Па багáтыму па двóру,
Па зялёныму па сáду!
Багáтый дворъ
На сямí вярстáхъ,
На васьмí стаўбахъ[1],—
Стаўбы тóчаные
Пызалóчаные.
Сирядзí[2] тыхъ стаубоў[3]
Тры[4] цéрима[5] стая́цъ[6]:
У пярвóмъ тирямý—
Свицёлъ[7] мѣсицъ;
У другомъ тирямý—
Ясна сóўнушка;
А ў трéцьцимъ тирямý
Частыи[8] звёздычки.
Свицёлъ мѣсицъ—
Хазяинъ въ дамý;
Ясна сóнца[9]—хазя́юшка
А частыи звёздычки—
Мáлы[10] дзѣтушки.

(Бѣлорусскій сборникъ Е. Р. Романова, вып. 8 и 9, стр. 116).

8.

Пашла[11] гавóрка[12] па селý, што на бéразе[13], калé[14] ракí[15], гдзѣ[16] здáўна[17] мнóго капцоў[18], грóшы цвитýць[19]. Кáжуць[20]—ужэ кóлько[21] раз бáчыли[22] здалéка, што на якóмсь капцы́[23] ў[24] нóчы гары́ць[25] агóнь; але тóлько хто зхóчэ падыцí[26] ближей, як той агóнь и патýхне[27]. И пашлá гавóрка, што ў капцóх[28] закопаны заклятые грóшы: ены́[29] й цвитуць, хóчуць, каб их хто выбавиў[30] з землí, бо мóо[31] й

Примѣчанія. [1] = столбахъ; см. § 7,$_{6}$. [2] = середи, см. § 7,$_{1}$, § 7,$_{2}$ и § 5,$_{2}$. [3] см. § 7,$_{5,6}$. [4] см. § 7,$_{4}$. [5] см. § 7,$_{2}$. [6] см. § 7,$_{7}$. [7] см. примѣч. 2 на стр. 52; ё слышится подъ удареніемъ—см. § 10,$_{3}$. [8] см. прим. в) на стр. 56. [9] средн. р. Ед. ч.; окончанія **а** явились по закону аканья. [10] краткая форма. [11] см. § 7,$_{1}$ и § 5,$_{1}$. [12] **г** всегда произносится въ Бѣлор. нарѣчіи, какъ длительный звукъ — см. § 7,$_{3}$. [13] = берегѣ; см. § 7,$_{1}$ и § 6,$_{4}$. [14] = около. [15] = рѣки; см. § 7,$_{1}$ и § 7,$_{4}$. [16] см. § 7,$_{2}$. [17] см. § 7,$_{5}$. [18] = копцовъ, т. е. небольшихъ земляныхъ насыпей, холмиковъ. [19] см. § 7,$_{2}$ и § 7,$_{7}$. [20] = говорятъ. [21] = сколько. [22] = видѣли. [23] форма Предл. пад. [24]—см. § 7,$_{5}$. [25] см. § 7,$_{1,3,4,7}$. [26] = подойти. [27] формы 3-го лица глаголовъ безъ окончанія **т** встрѣчаются изрѣдка въ нѣкоторыхъ Бѣлорусскихъ говорахъ. [28] = въ копцахъ; формы Предл. пад. Мн. ч. на **ох**, **ёх** нерѣдки въ Бѣлор. нарѣчіи. [29] = они; см. § 10,$_{2}$ (стр. 14). [30] см. § 7,$_{6}$. [31] = можетъ-быть.

им цяжко лежа́ць без дзѣла. Дак от гаво́рацъ, што той и той бачыў, як цвиту́ць гро́шы, але нихто́ не вѣ́дае, як их узя́ць.

(Сержпутовскій, Сказки и разсказы бѣлоруссовъ-полѣшуковъ, стр. 47).

9.

Было́ ве́льми [1] лаго́днае [2] надво́ръе [3]: от так паведзи [4] языко́м—бы мёд. Гэто [5] ўжэ я́кась [6] па веснѣ пе́рад [7] лѣтам. Вѣ́дамо [8],—паго́да харо́шая, сонейко зъяе [9], аб ночы прайшо́ў [10] цёплы [11] до́жджык; земля́ вы́купаласа, напиласа вады́—ўсе [12] расце́, бы на дро́жджах. От так прылажы́ ву́хо к травѣ, дак и чува́ць [13], як ена́ [14] расце. А квѣтки [15] цвиту́ць, бы жар гары́ць. Ад их так цепло́м и пышэ й таки́ пах [16] идзе́, што усе-б нюхаў и нико́ли б не нанюхаўса.

(Сержпутовскій, Сказки и разсказы бѣлоруссовъ-полѣшуковъ, стр. 112).

Малорусское нарѣчіе.

10.

На тимъ [17] мисти [18], де ду́маешъ ста́выты ха́ту, тре́ба [19] насы́паты по чотырёмъ [20] вугла́мъ [21] жы́та и на по́кути [22] по-

Примѣчанія. [1] = очень. [2] = тихое; форма ср. рода; окончаніе **ае** по закону аканья—см. § 7,1; **г**—всегда произносится въ Бѣлор. нарѣчіи какъ длительный звукъ—см. § 7,3. [3] = погода; послѣ **р** поставлена буква **ъ** (а не **ь**), чтобы обозначить твердое произношеніе звука **р**—см. § 7,4. [4] см. § 7,1, § 5,1 и § 7,2. [5] = это. [6] я́ к а с ь (якось) = такъ. [7] см. § 7,1,4. [8] = понятно. [9] = сіетъ; формы 3 лица глаголовъ безъ **т** изрѣдка встрѣчаются въ нѣкоторыхъ Бѣлор. говорахъ. [10] см. § 7,6. [11] см. § 7,2 и прим. 2 на стр. 52. [12] см. § 7,5. [13] = слышно. [14] = она. [15] = цвѣтки; такъ говорятъ бѣлоруссы и малоруссы. [16] = запахъ. [17] = томъ—см. § 8,3; буква **и** обозначаетъ въ этой записи мягкое и; для обозначенія отвердѣвшаго малорусск. **и** употребляется буква **ы**. [18] см. § 8,4. [19] = нужно; **е** не смягчаетъ въ Малорусск. нарѣчіи предшествующаго согласнаго, т. е. произносится трэба—см. § 8,2. [20] см. § 20, стр. 34. [21] **г** произносится въ Малорусскомъ нарѣчіи всегда, какъ длительный звукъ—см. § 8,6. [22] = красный уголъ, т. е. правый уголъ, гдѣ ставятъ образа.

ста́выты ще ско́вороду; на дру́гыи [1] день [2], до-схи́дъ [3] со́ньца, дывыцьця [4]; як ку́чкы жыта ци́ли, и сковорода́ суха́ и незаржа́вила, то ми́сто щаслы́ве, и хата бу́де [5] суха́, а як шо сковорода́ заржа́віе и буде мо́кра, то тре́ба для хаты и́нчого [6] ми́ста шука́ты [7],—бо хата буде мо́кра. Стро́ицьця слид [8] в дни св. Уго́дныкивъ Бо́жыхъ, прыподо́бныхъ; въ дни мучиныкивъ не начынай, бо постро́йка неблагополу́чно коньчыцьця; в понеди́локъ, суббо́ту и пья́тныцю тоже нельзя строицьця;—дни нещаслы́ви; а хто постро́ицьця въ вивто́рокъ, або́ в четвергъ, той буде щаслы́вый и бага́тый [9]. Якъ вы́бере хазя́инъ [10] мисто пидъ ха́ту, то зве [11] майстри́въ [12]; стано́влять [13] посере́дъ того [14] миста стилъ, стано́влять на нёго хлибъ-силь, гори́лку и угоща́ють их и да́ря́ть платка́мы, або [15] рушника́мы [16]: щобъ у тимъ до́ми щаслы́во, та бага́то було́. Треба зами́тыть, шо съ пло́тныкамы тре́ба обхо́дыцьця якъ мо́жно получче: уже годы [17] та годы́ имъ,—бо воны [18] мо́жуть такъ устро́иты хату, шо вся симья́ вы́мре; хочъ якы́й сарай або за́городу—то скоты́на бу́де пропада́ты.

(Разсказъ крестьянина Харьковской губерніи. Харьковскій сборникъ, вып. 7, стр. 415).

11.

Всю родинойку [19] маю [20],
А татка [21], мамки не [22] маю.
Пішлю [23] зазульку [24]
В чужу сторонку

Примѣчанія. [1] сравни великор. друго́й — см. § 6,2 (хотя здѣсь удареніе и не на окончаніи. [2] см. § 8,2. [3] сходъ — см. § 8,3; но день не измѣнилось, потому что е бѣглое; см. примѣч. къ § 8,3. [4] (дивиться) = смотрѣть. [5] см. § 8,10. [6] = иного, см. § 8,11. [7] = искать. [8] = слѣдуетъ. [9] бага́тый и [10] хазя́инъ произносятся въ Малорусскомъ нарѣчіи со звукомъ а; сравни § 8,5. [11] = зоветъ, см. § 8,10. [12] = мастеровъ. [13] см. § 8,10. [14] см. § 8,11. [15] = или. [16] = полотенцами. [17] = угождай. [18] = они; въ Им. пад. Ед. ч. муж. рода—вінъ. [19] = родню; буква и обозначаетъ отвердѣвшее и (ы); для обозначенія мягкаго и употребляется буква і—см. § 8,1,3. [20] = имѣю. [21] = отца; Род. пад. отъ слова татко. [22] не должно произносить, какъ нэ—см. § 8,2. [23] см. § 8,3. [24] = кукушку.

Я по свою родинку.
Пішлю сокола
В сиру́[1] землицю
По свого[2] татка і мамку.
Летить[3] зазулька, вісточку[4]
несе[5],
Вся родинойка йде.
Ой летить соків[6], вісточку
несе,
Татка й мамки не буде.
Прилетів[7] соків
Ѳй на татків гріб[8]
Та почав[9] щебетати:
Ой вийди, татку[10],
С сирої землі
На весіля[11] дітяти.
Ой рад же бы я встати,
Ід[12] свойо́му дітяти,
Ано[13] сира зимлийка
Заслонила вічийка[14],
Вічийка заслонила
Тай[15] ручки прислотила[16].
Крикнули янголи[17] в небі
Збудили татойка в гробі:
Уставай, татойку, до суду,
Йде твоє[18] дітятко до шлю́бу[19],
Сердейко му[20] ж жалю[21]
вмирає[22],
Що рідного[23] татка не має.

(Свадебная пѣсня невѣстѣ-сиротѣ; записана близъ г. Стрыя въ Галиціи. Матеріалы по Украинско-русской этнологіи, т. X, статья З. Кузели, стр. 129).

12.

Ой, у[24] Киеві[25] на пэрэвозі[26],
Тамъ красна панна пэрэвозъ[27] дэржала,

Примѣчанія. [1] = сырую, см. § 8,1 и стр. 52. [2] г произносится въ Малорусскомъ нарѣчіи всегда, какъ длительный звукъ— см. § 8,6 и § 8,11. [3] см. § 8,2,10. [4] см. § 8,4. [5] см. § 8,2,9,10. [6] = сокол—см. § 8,3,8. [7] см. § 8,4,8. [8] = татковъ гробъ—см. § 8,3. [9] = началъ — см. § 8,8. [10] = форма Зват. пад. — см. § 29,6. [11] = свадьбу. [12] = къ. [13] = но. [14] уменьшит. форма отъ очи. [15] = и. [16] = прижала. [17] = ангелы. [18] є читать, какъ е въ литературномъ языкѣ (но не ё)—ср. § 8,2. [19] шлюбъ = вѣнчаніе; слово заимствовано изъ польскаго языка: ślub = обѣтъ. [20] = ему. [21] = съ (отъ) жалости. [22] см. примѣчаніе 18 и § 8,7,10. [23] см. § 8,3,11. [24] см. § 8,7. [25] буква и обозначаетъ въ этой записи и отвердѣвшее; для обозначенія мягкаго и употребляется буква і—см. § 8,1,4. [26] см. § 8,2,4. [27] см. § 8,2; о должно бы измѣниться въ этомъ словѣ въ і или въ дифтонгъ—см. § 8,3 и примѣчаніе.

Пришло до её семсотъ [1] молодцювъ [2],
Красная панна пэрэвэзи насъ,
Но пэрэвэзу—нэмаю [3] часу,
Нэ часиночки, нэ годиночки [4],
Тэпэръ муой [5] братко зъ вуйска прэехавъ [6],
Привюзъ [7] онъ мэне три гостинчика,
Пэрший [8] гостинэцъ—кунная шуба,
Дру́ги [9] гостинчикъ—пэрлови віенокъ [10],
Трэтій гостинчикъ—золоти пэрстникъ,
Я въ тэе вбралась [11] и въ цэркву пошла,
Кунная шуба сліедъ заміетае [12],
Золотий пэрсникъ безъ сонця сяе [13],
Пэрловий віенчикъ головку клонить [14].
А за цімъ словомъ бувай здорова,
Бувай здорова, красная панна.

(Колядки и щедровки, записанныя въ Волынскомъ полѣсьи. Записалъ Н. И. Коробка. Живая Стар., годъ 11, выпускъ II, стр. 285).

Примѣчанія. [1] о не измѣняется, такъ какъ оно бѣглое—см. § 8,3 и примѣчаніе. [2] о нерѣдко переходитъ въ Сѣверно-малорусскихъ говорахъ въ у, ю или въ двузвучія по § 8,3. [3] = не имѣю. [4] година = часъ, время; г произносится всегда въ Малорусскомъ нарѣчіи, какъ длительный звукъ — см. § 8,6. [5] = мой; о перешло въ двузвучіе передъ й. [6] см. § 8,8. [7] см. примѣчаніе 2. [8] = первый; слово заимствовано изъ польскаго языка. [9] см. § 6,2. [10] см. § 8,4. [11] = одѣлась—см. § 8,7. [12] см. § 8,10. [13] = сіяетъ—см. § 8,10. [14] см. § 8,10.

ПАМЯТНИКИ РУССКАГО ЯЗЫКА

13.

Изъ Остромирова Евангелія XI в.

ЕѴГЛИЕ·ѾМА ГЛА·СЅ:

ВЪВРѢМѦОНО·
ЕГДАПРИБЛИ
ЖИСѦИѤВЪ
ИЕРОУСА
ЛИМЪИ
ПРИДЕВЪВИ
ѲАГИѬКЪГО
РѢЕЛЕОНЬСТѢИ
ТОГДАПОСЪЛАДЪ

Остромирово Евангеліе—одинъ изъ древнѣйшихъ славянскихъ памятниковъ. Оно было списано въ 1056 году для Новгородскаго посадника

Остромира, по имени котораго и получило названіе. Написано оно на старославянскомъ языкѣ, такъ какъ было списано съ старославянскаго Евангелія; но русскій писецъ — діаконъ Григорій внесъ въ рукопись черты своего родного языка. Остромирово Евангеліе хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петроградѣ. Это—большая роскошная рукопись, писанная на пергаментѣ красивымъ крупнымъ почеркомъ (уставомъ) въ два столбца. Снимокъ представляетъ собою половину столбца, т. е. $^1/_4$ часть страницы (140 листъ) въ натуральную величину.

Исоусоу рожьшоу[1] сѧ[2] въ виѳлѣеми иоудеистѣи въ дьни[3] ирода цр҃ѩ, се влъсви[4] отъ въстока придошѧ[5] въ иер҃слимъ гл҃ѭще[6]: къде ѥсть рождии[7] сѧ цр҃ь иоудеискъ; видѣхомъ бо ѕвѣѕдѫ ѥго на вьстоцѣ и придохомъ поклонитъ[8] сѧ ѥмоу. Оуслышавъ же иродъ цр҃ь съмѧте[9] сѧ и вьсь иер҃салимъ съ нимь. И събьравъ вьсѧ архиерѣѩ и кънижьникы людьскыѩ въпрашаа-ше[10] ѩ: къде х҃съ раждаѥть сѧ. Они же рекошѧ ѥмоу: въ виѳлеѥми иоудеистѣи; тако бо писано ѥсть пр҇ркъмь: и ты, виѳлеоме[11], ѕемле иоудова, ничимь же мьньши[12] ѥси въ вл҃дкахъ[13] иоудовахъ[14], ис тебе бо иѕидеть вл҃дка, иже оупасеть люди моѩ иѕл҃ѩ[15]. Тогда иродъ отаи[16] приѕъвавъ влъхвы, испыта отъ нихъ врѣмѧ[17] ꙗвльшаѩ сѧ ѕвѣѕды. И посълавъ въ виѳлеомъ рече: шьдъше испытаите иѕвѣстьно о отрочѧте; ѥгда же обрѧщете, повѣдите ми, да и аѕъ шьдъ поклонѭ сѧ ѥмоу. Они же послоушавъше цр҃а идошѧ. И се ѕвѣѕда, ѭже видѣшѧ на въстоцѣ, идѣаше прѣдъ ними доньдеже пришьдъши[18] ста вьрхоу[19], идеже бѣ отрочѧ. Видѣвъше же ѕвѣѕдѫ, въѕдрадовашѧ сѧ радостиѭ

(Евангеліе отъ Матѳея, глава II, 1—12).

Примѣчанія: [1] см. § 19,₄ и § 50. [2] см. § 17,₄.—Исоусоу рожьшоу сѧ = когда Іисусъ родился; этотъ синтаксическій оборотъ называется Дательнымъ самостоятельнымъ. [3] см. § 17,₂. [4] = волхвы; см. § 19,₃, § 18,₂ (х смягчилось въ с, хотя между нимъ и и̂ находится звукъ в) и § 27. [5] см. § 40. [6] = глаголѭще, см. § 49. [7] см. § 19,₄ (ср. рожьшоу) и § 50. [8] см. § 47. [9] см. § 40 (съмѧтѫ). [10] см. § 41. [11] см. § 23,₂. [12] см. § 33. [13] = владыкахъ, т. е. владѣніяхъ. [14] см. § 30. [15] = израилѩ, Род. п. Ед. ч. [16] = тайно. [17] см. § 19,₂. [18] относится къ слову звѣзда—см. § 50. [19] см. § 19,₃.

великоѭ ѕѣло. И въшьдъше въ храминѫ видѣшѧ отроуа съ мариѥѭ материѭ ѥго, и падъше поклонишѧ сѧ ѥмоу. И отврѣзъше съкровищѧ своѩ, принесошѧ ѥмоу дары: злато и ливанъ и змѵрьнѫ. И отъвѣтъ приимъше въ сънѣ не възвратити сѧ къ иродоу, нъ инѣмь пѫтьмь отидошѧ въ странѫ своѭ.

14.

Изъ Остромирова Евангелія XI в. (1056 года).

Тогда[1] приде[2] съ ними ис҃ въ вьсь[3], нарицаѥмѫю геѳсиманиꙗ. и гл҃а[4] оученикомъ[5]: сѧдѣте[6] тоу, доньдеже шьдъ[7] помолю[8] сѧ тамо. и поимъ[9] петра и оба сн҃а зеведеова[10], начатъ[11] тѫжити и скърбѣти[12]. тогда гл҃а имъ ис҃: прискърбьна ѥсть доуша моꙗ до съмьрти; пожидѣте сьде и бѫдите съ мъноѭ. и прѣшьдъ мало, паде ниць, молѧ сѧ и гл҃ѩ[13]: оч҃е[14] мои, аще възможьно ѥсть, да мимо идеть[15] отъ мене чаша си; обаче не ꙗкоже азъ хощѫ[16], нъ ꙗкоже ты.

(Евангеліе отъ Матѳея, глава 26, стихи 36—39).

15.

Изъ Житія св. мучениковъ Бориса и Глѣба.

Житіе прославляетъ русскихъ святыхъ и принадлежитъ русскому автору; однако, языкъ Житія въ основѣ—старославянскій, хотя въ немъ много русскихъ особенностей—(см. § 58). Житіе свв. Бориса и Глѣба,

Примѣчанія: [1] тогда и тъгда одинаково встрѣчаются въ старослав. памятникахъ; это не есть русская особенность, т. е. не есть замѣна ъ черезъ о, которая произошла позже—въ XII в.; см. § 20,2. [2] см. § 40. [3] = весь, т. е. село. [4] = глагола, см. § 40. [5] см. § 27. [6] см. § 46. [7] или шьдъ, см. § 50. [8] см. §§ 17,3,4 и § 19,1. [9] см. § 50. [10] оба сн҃а Зеведеова—см. § 23,1. [11] форма Аориста. [12] см. § 19,3. [13] см. § 17,4 и § 49; сравни молѧ сѧ. [14] = отче—см. § 23,2; см. § 18,1; хотя словъ со звукомъ к отъ этого корня не сохранилось; отьць—см. § 18,2 примѣч. 2. [15] см. § 36. [16] см. § 19,4.

написанное въ XII в., составляетъ часть сборника, хранившагося въ Библіотекѣ Московскаго Успенскаго Собора; нынѣ этотъ сборникъ хранится въ Московской Синодальной Библіотекѣ.

Чю҃. а҃.[1] о хромѣмь ⁘ Баше[2] моужь именьмь миронѣгъ, иже бѣ[3] градьникъ[4] вышегородѣ[5]. сь[6] имѣ отрокъ; оу того отрока и бѧаше нога ѥмоу соуха и съкърчена, и не можааше на нен ходити ни малы ѥѣ[7] чюлше; но подъдѣлавъ деревѧноу и тако хожааше. И пришедъ къ с҃тыима[8] и припадъ къ гробома с҃тою[9], молѧшеса къ богоу исцѣлениıа просѧ отъ с҃тою. И пребывааше д҃нь и нощь, молѧсѧ съ сльзами.

16.

Изъ Лаврентьевской Лѣтописи XIV вѣка.

Лѣтописи, т. е. погодныя записи о событіяхъ, велись въ древней Руси уже въ XI в. Такія древнія записи впослѣдствіи переписывались и

Примѣчанія. [1] = чюдо первое; числа обозначались въ старослав. и въ древне-русскихъ рукописяхъ буквами. [2] стяженная форма изъ бѣаше, см. § 41 и примѣчаніе; см. § 17,$_4$ и § 59,$_1$ (стр. 86). [3] см. § 41, примѣч. [4] т. е. начальникъ города — см. § 19,$_2$. [5] Мѣстный падежъ. [6] = сей. [7] см. § 31 и § 25,$_3$. [8] см. § 23,$_1$, Д. Тв. Дв. ч. [9] Р. М. Дв. ч.

къ нимъ добавлялись записи о дальнѣйшихъ событіяхъ. Въ 1377 году монахомъ Суздальскаго монастыря Лаврентіемъ была списана Лѣтопись, заключавшая въ себѣ событія до 1305 года. Эта Лаврентіевская Лѣтопись является древнѣйшимъ спискомъ Лѣтописи, сохранившимъ точную запись о писцѣ и времени написанія.

Языкъ Лѣтописи—древне-русскій; однако въ немъ встрѣчаются и старославянскія черты (см. § 58, стр. 78).

В се же лѣто рекоша дружина [1] игореви [2]: ѡтроці [3] свѣньлъжи [4] изодѣлисѧ суть [5] ѡружьѥмъ [6] и порты [7], а мы нази; поиди, кнѧже [8], с нами в дань, да и ты добудеши и мы.—Послуша ихъ игорь, иде в дерева в дань, и примышлѧше [9] къ первои да[ни] и насилѧше [10] имъ и мужи ѥго; возьѥмавъ дань, поиде въ градъ свои. Идуще [11] же ѥму въспѧть, размысливъ, рē [12] дружинѣ своѥи: идѣте [13] съ данью домови [14], а ꙗ возъвращюсѧ, похожю и ѥще.—Пусти дружину свою домови, съ маломъ же дружины возъвратисѧ, желаꙗ больша [15] имѣньꙗ. Слышавше [16] же деревлѧне, ꙗко ѡпѧть идеть [17], сдумавше со кнѧземъ своимъ маломъ: аще сѧ въвадить волкъ [18] в овцѣ [19], то выносить все стадо, аще не оубьють ѥго; тако и се, аще не убьѥмъ ѥго, то все ны погубить.—Послаша к нему глще [20]: почто идеши [21] ѡпѧть? поималъ [22] ѥси всю дань.—И не послуша ихъ игорь; и вышедше изъ града [23] изъ корьстѣнѧ деревлене убиша игорѧ и дружину ѥго...

Примѣчанія. [1] рекоша дружина—при имени собирательномъ сказуемое обыкновенно ставилось во Множ. числѣ. [2] см. § 27,3. [3] см. § 18,2. [4] т. е. Свѣнелда. [5] изодѣлисѧ суть—см. § 43 и 44.—ѧ въ словѣ изодѣлисѧ и во всѣхъ другихъ случаяхъ не обозначаетъ носового звука—см. § 17,4. [6] ѥ писали въ древне-русскихъ памятникахъ вмѣсто ѥ. [7] = платьемъ, Множ. ч., см. § 27. [8] см. § 23,2 и § 20,1. [9] т. е. прибавлялъ, см. § 41. [10] т. е. производилъ насиліе. [11] идуще же ему—см. § 51; должно бы быть: идущу же ему, т. е. когда онъ шелъ—Дательный самостоятельный—см. стр. 103, примѣч. 2. [12] = рече—см. § 40. [13] см. § 46. [14] = домой; обычная древне-русская форма, представляющая собою Дательн. пад. отъ основы на ъ—см. § 27. [15] см. § 33. [16] изъ слышавъше—см. § 20,1; см. § 50. [17] см. § 36. [18] см. § 20,2 и § 19,3. [19] Вин. пад. Мн. ч.,—см. § 25. [20] = глаголюще, см. § 49. [21] см. § 36. [22] поималъ ѥси—см. § 43 и 44. [23] старославянская форма—см. § 19,2 и стр. 78.

Рѣша [1] же деревлѧне: се кнѧзѧ оубихомъ рускаго [2], поимемъ жену єго вольгу за кнѧзь [3] свои малъ, и с҃тослава, и створимъ єму, ꙗкоже хощемъ.

(6453 г. отъ сотв. міра, отъ Р. Х.—945 г.).

17.

Изъ I Новгородской Лѣтописи, XIV вѣка.

Новгородская Лѣтопись является, какъ и Лѣтопись Лаврентьевская (см. № 16), однимъ изъ древнѣйшихъ списковъ русскихъ лѣтописей. Новгородская Лѣтопись была списана не позже XIV в., но въ ней нѣтъ даты, т. е. обозначенія года, въ которомъ она была списана. Лѣтопись относится къ Новгородской области и повѣствуетъ, главнымъ образомъ, о Новгородскихъ событіяхъ. Языкъ Лѣтописи имѣетъ немало Новгородскихъ особенностей (см. § 54). Хранится Новгородская Лѣтопись въ Московской Синодальной Библіотекѣ.

Новгородьци [4] же пришьдъше [5] новоугородоу [6], створиша [7] вѣче на посадника [8] дмитра и на бра҃ю [9] єго, ꙗко ти повѣлѣша на новгородьцихъ сребро [10] имати, а по волости [11] коуры [12] брати [13], по коупцемъ вироу [14] дикоую и повозы возити и все [15] зло [15]; идоша на дворы ихъ грабежьмь, а мирошкинъ дворъ и дмитровъ зажьгоша; а житиє [16] ихъ поимаша, а села ихъ распродаша и челѧдь, а скровища ихъ изискаша и поимаша бещисла; а избытъкъ роздѣлиша по зоубоу [17], по г҃ [18] гривнѣ [19], по всемоу городоу и на щитъ [20]. аще кто потаи похватилъ [21], а того єдинъ бѣ

Примѣчанія. [1] см. § 40, примѣч. на стр. 65. [2] старославянская форма — см. стран. 55. [3] **з а к н ѧ з ь с в о и М а л ъ** — см. § 27 и § 29,₅. [4] см. § 19,₂ и § 27. [5] см. § 50. [6] Дательный мѣста, безъ предлога. [7] изъ сътвориша—см. § 20,₁. [8] см. § 29,₅. [9] = братию. [10] **с р е б р о** и **с р ѣ б р о** часто встрѣчаются въ русскихъ памятникахъ рядомъ съ формой серебро. [11] см. 19,₂ и § 58, стр. 85, в). [12] см. § 29,₅. [13] изъ **б ь р а т и**—см. § 20,₁. [14] **в и р о у д и к о у ю** = виру, платимую общиною. [15] изъ **в ь с е з ъ л о**—см. § 20,₁. [16] т. е. животныхъ. [17] т. е. такъ что каждому досталось. [18] г҃ = 3. [19] И.-В. Двойств. числа. [20] т. е. на добычу. [21] см. § 44.

вѣдакть[1]. и ѿтого[2] мнози разбогатѣша. а что на дъщькахъ[3] а то кназю оставиша ⁖ То же лѣ привезоша дмитра мирошкиница[4] мьрътвого[5] из володимира. (1209 годъ).

18.

Изъ Слова о полку Игоревѣ.

Слово о полку Игоревѣ—самый поэтичный памятникъ первыхъ вѣковъ русской письменности. Въ Словѣ повѣствуется о походѣ Сѣверскаго князя Игоря на половцевъ въ 1185 г. Этотъ памятникъ былъ пріобрѣтенъ графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ отъ Спасо-Ярославскаго монастыря въ 1795 г. Онъ былъ переписанъ для Императрицы Екатерины II, а затѣмъ въ 1800 г. напечатанъ. Сама же древняя рукопись сгорѣла въ Московскомъ пожарѣ 1812 года.

Почнемъ же, братіе[6], повѣсть сію отъ стараго[7] Владимера[8] до нынѣшняго Игоря, иже истягну[9] умь крѣпостію своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився[10] ратнаго духа, наведе своя храбрыя[11] плъкы на землю Половѣцькую за землю Русьскую. Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ[12] отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружино! луце[13] жъ бы потяту[14] быти, неже полонену быти; а всядемъ, братіе, на свои бръзыя комони[15], да позримъ синего Дону.

И рече ему буй туръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый, оба есвѣ[16] Святъславличя; сѣдлай, брате, свои

Примѣчанія. [1] см. § 36,2. [2] = оттого. [3] т. е. на доскахъ; это выраженіе обозначало бумаги, документы. [4] ц вмѣсто ч (ср. Никитичъ, Ярославичъ) — см. § 54. [5] окончаніе **ого**—русская особенность; см. § 32. [6] форма Símат. пад. отъ слова братія, которое склонялось какъ имена женск. рода на ꙗ—см. § 23,2 и § 25. [7] см. § 32. [8] такъ обычно писали это имя въ древне-русскихъ памятникахъ. [9] 3 л. Ед. ч. Аориста — см. § 40, = напрягъ, укрѣпилъ. [10] см. § 19,3 и § 50. [11] старослав. форма Вин. пад. Мн. ч. своꙗ храбрыꙗ — см. § 32; ср. форму хоробръ, встрѣчающуюся въ др.-русскихъ памятникахъ. [12] видѣ... вся своя воя прикрыты—см. § 29,5. [13] см. § 54. [14] потяти = убить—см. § 53 и § 30. [15] = конь. [16] Двойств. ч.

брьзыи комони, а мои ти [1] готови, осѣдлани у Курьска напереди; а мои ти Куряни свѣдоми кьмети [2], подъ трубами повити, подъ шеломы [3] възлелѣяны, конець копия въскормлени, пути имь вѣдоми, яругы [4] имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули [5] отворени, сабли изъострени, сами скачють аки сѣрыи влъци въ полѣ [6], ищучи [7] себе чти [8], а князю славѣ [9].

19.

Изъ договорной грамоты Великаго князя Тверского Бориса Александровича съ Великимъ княземъ Московскимъ Василіемъ Василіевичемъ, 1451 года.

Древне-русскія грамоты представляютъ собою образцы наиболѣе чистаго древне-русскаго языка—см. § 58. Сохранилось много различныхъ древнихъ грамотъ, какъ государственнаго такъ и частнаго характера (къ этимъ послѣднимъ относятся духовныя завѣщанія, дарственныя записи и т. п.).

А ци [10], брате, по грѣхомъ пойдетъ [11] на насъ царь ратью, или рать татарьская,—и тобѣ, брате, намъ по́мочь [12] послати въ правду безъ хитрости [13]; а пойдуть, брате, на насъ Литва, или Ляхи, или Нѣмци,—и тобѣ, брате, къ намъ на по́мочь самому всѣсти на конь [14]. и съ своими дѣтми, и съ своею братьею молодшею [15] въ правду безъ хитрости. А которой [16] ти братъ надобѣ оставити на сторожу, и тобѣ его оставити; а кормъ взяти, а не корыстоватися ничѣмъ. А на

Примѣчанія. [1] ти = тебѣ. [2] = витязи. [3] ср. старослав. шлѣмъ, литературное русское шлемъ; см. § 27 (образцы), § 19,2 и § 59,2 (стр. 87). [4] = овраги. [5] колчаны. [6] см. § 29,3, б). [7] см. § 49 и 51. [8] изъ чьсти = чести. [9] смѣшеніе падежей. [10] = если. [11] см. § 36,2. [12] старосл.—помощь.—см. § 19,4—примѣч. 1. [13] см. § 20,3. [14] Винит. пад. Ед. ч. [15] эта форма существуетъ и теперь въ народныхъ говорахъ вмѣсто литературной младшій. [16] см. § 32 (стр. 56).

кого будетъ пеня давная и въ ратное веремя[1], того не имати, ни искати на обѣ стороны. А к ордѣ ти, брате, и ко царю путь чистъ[2], и твоимъ дѣтемъ и внучятомъ и вашымъ людемъ.

20.

Изъ Домостроя, XVI вѣка.

А слꙋгъ своихъ заповѣдывай ѡ люде не переговаривати; и гдѣ в люде были и что видели недобро, тово[3] дома не сказывали бы[4]; а что дома дѣетсѧ, того бы в люде не сказывали; ѡ чемъ послано, то и паметꙋи, а ѡ иномъ ѡ чемъ оучнꙋтъ спрашивати, того не ѿвечевай, и не вѣдаи и не знай того, борзее ѿдѣлавшисѧ[5] да домои ходи и дѣло кажи; а иныхъ вестеи не приноси, што[6] не приказано, ино промежь гдреи никакои ссоры не бꙋдетъ.

(Коншинскій списокъ, изданіе Орлова, стр. 33).

21.

Изъ «Разрядныхъ записей за Смутное время», XVII вѣка.

Лѣта 7113[7] году учинилас весть государю царю і великому князю Борису Федоровичю всеа Русиі, что назвался в Литве вор государским именем царевичем Дмитрѣем Углетцким великого[8] государя царя Ивановым сыномъ. А тот вор рострига Гришка, сынъ сотника стрелетцкого Богдана Отрепъева,

Примѣчанія. [1] см. § 19,2. [2] путь чистъ = свободенъ. [3] см. § 59,2 (стр. 87). [4] см. § 45. [5] при подлежащемъ муж. рода—см. § 51. [6] великорусское произношеніе.—О правописаніи см. § 59 стр. 88. [7] 7113 года—отъ сотворенія міра, т. е. 1605 отъ Р. Хр. [8] см. § 32.

постригшис был [1] в Чюдове монастыре в дьяконех, и въ 111-м [2] году зшол на Северу и збѣжал за рубеж в Литву и пришол [3] в Печерской монастырь; а с ним вор же чернецъ Мисаило Повадин. И умысля дьяволскою козныю разболелся до умертвия и велелъ бит челом игумену Печерскому, чтоб ево поновил [4], і вдуховне сказал: бутто он сынъ великого государя царя Ивана Васильевича царевичь Дмитрѣй Углетцкой, а ходит бутто в-ыскусе не пострижен, избѣгаючи [5], укрываяся от царя Бориса; и он бы игумен после ево смерти про то всем [6] объявилъ. И после того встал, сказал, бутто полехчело ему.

(Изд. С. А. Бѣлокурова, стр. 1).

22.

Изъ писемъ Петра Великаго.

Господинъ Веселовскій! Письмо твое, февраля отъ 1 дня изъ Вѣны писанное, до насъ дошло, въ которомъ пишешь, что ты нашелъ переводчика, который берется переводить три книги, а именно два лексикона и юриспруденцію за 300 ефимковъ, и чтобъ къ нему прислать въ помочь двухъ человѣкъ русскихъ, которые по латинѣ знаютъ; но какъ мочно видѣть, хотя бъ и помощники къ нему были присланы, и тѣ три книги ему одному съ ними трудно и долговременно будетъ переводить, а къ тому жъ и послать, кромѣ кіевскихъ чернцовъ, нѣкого, и для того по первому указу конечно къ іезувитамъ съѣзди въ Прагу не для только сего дѣла, что имъ помянутыя книги отдать переводить, но и о цѣнѣ договориться, дабы и впредь всякія книги, которыя понадобятся, посылать переводить (1716 г.).

(Пекарскій. Наука и литература при П. В. т. I, 231).

Примѣчанія. [1] постригшис был—см. § 51. [2] т. е. 7111. [3] см. § 20,4 и § 59,3 (87 стр.). [4] = исповѣдовалъ. [5] см. § 49 и 51. [6] ѣ = всѣмъ.—О правописаніи см. § 59, стр. 88.

23.

Изъ «Краткаго руководства къ риторикѣ» М. В. Ломоносова.

§ 136. Слово произносить должно голосомъ чистымъ, не перерывнымъ, не грубымъ; среднимъ, то есть, не очень кричнымъ или весьма нискимъ; равнымъ, то есть, не надлежитъ вскрикивать вдругъ весьма громко, и вдругъ къ низу опускаться, и напротивъ того не прилично произносить однѣмъ тономъ безъ всякаго повышенія или пониженія; но какъ произносимой разумъ требуетъ, умѣренно повышать и понижать должно и голосъ. Въ вопрошеніяхъ, въ восклицаніяхъ и въ другихъ сильныхъ фигурахъ надлежитъ оной возносить съ нѣкоторымъ стремленіемъ и отрывомъ. Въ истолкованіи и въ нѣжныхъ фигурахъ должно говорить равня́е[1] и нѣсколько пониже; радостную матерію весёлымъ, печальную плачевнымъ, просительную умильнымъ, высокую великолѣпнымъ и гордымъ, сердитую произносить гнѣвнымъ тономъ. И словомъ, голосъ свой управлять долженъ Риторъ по состоянію и свойствамъ предлагаемыя[2] матеріи.

24.

Изъ повѣсти Н. М. Карамзина «Бѣдная Лиза».

Но всего пріятнѣе для меня то мѣсто, на которомъ возвышаются мрачныя готическія башни Симонова монастыря. Стоя на сей горѣ, видишь на правой сторонѣ почти всю Москву, сію ужасную громаду домовъ и церквей, которые представляются глазамъ въ образѣ величественнаго амфитеатра: великолѣпная картина, особливо, когда свѣтитъ на нее солнце; когда вечерніе лучи его пылаютъ на безчисленныхъ златыхъ

Примѣчанія. [1] Сѣверно-велик. форма сравнит. степени, усвоенная Ломоносовымъ на родинѣ; ра—церковнослав. вліяніе. [2] церковнослав. форма—см. § 32.

куполахъ, на безчисленныхъ крестахъ, къ небу возносящихся! Внизу разстилаются тучные, густозеленые, цвѣтущіе луга; а за ними по желтымъ пескамъ течетъ свѣтлая рѣка, волнуемая легкими веслами рыбачьихъ лодокъ или шумящая подъ рулемъ грузныхъ струговъ, которые плывутъ отъ плодоноснѣйшихъ странъ Россійской имперіи и надѣляютъ алчную Москву хлѣбомъ. На другой сторонѣ рѣки видна дубовая роща, подлѣ которой пасутся многочисленныя стада; тамъ молодые пастухи, сидя подъ тѣнію деревъ, поютъ простыя, унылыя пѣсни и сокращаютъ тѣмъ лѣтніе дни, столь для нихъ единообразные. Подалѣе, въ густой зелени древнихъ вязовъ, блистаетъ златоглавый Даниловъ монастырь; еще далѣе, почти на краю горизонта, синѣются Воробьевы горы. На лѣвой же сторонѣ видны обширныя, хлѣбомъ покрытыя поля, лѣсочки, три или четыре деревеньки, и вдали село Коломенское съ высокимъ дворцомъ своимъ.

Разберите этотъ отрывокъ на основаніи всего пройденнаго, а особенно §§ 58 и 59.

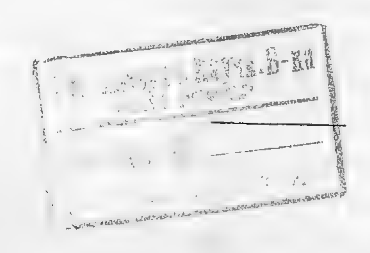
25.

Изъ «Мѣднаго Всадника» А. С. Пушкина.

Прошло сто лѣтъ — и юный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво.
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ,
По оживленнымъ берегамъ,
Громады стройныя тѣснятся

Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова.
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова
. . . .
Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія:
Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ.
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!

Разберите этотъ отрывокъ на основаніи всего пройденнаго, особенно на основаніи § 10, 19, 29, 58, 59. Напримѣръ: с т р а н ъ — старославянская форма, соотвѣтствуетъ русской полногласной формѣ с т о р о н ъ; въ русскомъ литературномъ языкѣ слово с т р а н а употребляется рядомъ со словомъ с т о р о н а, но въ нѣсколько иномъ, болѣе отвлеченномъ значеніи (см. § 58); форма с т р а н а проникла и въ народный языкъ; — в о з н е с с я — произношеніе см. § 10,з, правописаніе § 59; — п о р ф и р а (порфироносный) и с т и х і я — слова, заимствованныя изъ греческаго языка; употребительны лишь въ литературномъ языкѣ и т. п.

I
II
Долгота отъ Ферро
КАРТА
НАРѢЧІЙ
РУССКАГО ЯЗЫКА.
Условные знаки:
Сѣверно-великорусское поднарѣчіе.
Южно-великорусское поднарѣчіе.
Бѣлорусское нарѣчіе.
Малорусское нарѣчіе.
Языки другихъ народностей Россіи.
Политическая граница Россіи до войны 1914 г.
ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАНЪ
КАРСКОЕ МОРЕ
БАРЕНСОВО МОРЕ
БѢЛОЕ МОРЕ
БАЛТІЙСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
КАСПІЙСКОЕ МОРЕ
ШВЕЦІЯ
СТОКГОЛЬМЪ
ПЕТРОГРАДЪ
МОСКВА
КІЕВЪ
АВСТРО-ВЕНГРІЯ
РУМЫНІЯ
БОЛГАРІЯ
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
ТУРЕЦКАЯ ИМПЕРІЯ
КАВКАЗСКІЯ ПЛЕМЕНА
ИНДО-ЕВРОПЕЙСКАЯ СЕМЬЯ:
Славянская вѣтвь: русскіе, поляки, болгары.
Литовская вѣтвь: литовцы, латыши.
Романская вѣтвь: румыны.
Германская вѣтвь: нѣмцы.
УГРО-ФИНСКАЯ СЕМЬЯ: финны, эсты, карелы, лопари, мордва, черемисы, вотяки, пермяки, зыряне, вогулы, остяки, самоѣды; венгры (мадьяры).
УРАЛО-АЛТАЙСКАЯ (турецко-татарская) СЕМЬЯ: татары, чуваши, киргизы, башкиры, калмыки, туркмены, ногайцы, турки.
СЕМИТСКАЯ СЕМЬЯ: евреи (населяющіе города и мѣстечки Бѣлоруссіи, Малороссіи и Царства Польскаго).
Масштабъ
ИСТРИНА Е.С. Руководство по исторіи русскаго языка. Изданіе Я. БАШМАКОВА и Ко въ Пет

II.
КАРТА
СЛАВЯНСКИХЪ
ПЛЕМЕНЪ.
Славянскія племена:
русскіе
сербо - хорваты, черногорцы
словенцы
болгары
Южная вѣтвь
поляки, кашубы
чехо-моравы, словаки
сербо-лужичане
Западная вѣтвь
народы неславянскаго племени.
къ западу отъ Пулкова
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Азовское море
Адріатическое море
Финскій зал.
Рижск. зал.
ЧЕРЕМИСЫ
ТАТАРЫ
БАШКИРЫ
КАЛМЫКИ
КИРГИЗЫ
ЛАТЫШИ
ЛИТОВЦЫ
ЖМУДЬ
ЭСТЫ
ФИННЫ
ШВЕДЫ
НѢМЦЫ
МАДЬЯРЫ
РУМЫНЫ
ОСМАНЫ
БОЛГАРЫ
СЛОВАКИ
ЧЕХО-МОРАВЫ
СЛОВЕНЦЫ
СЕРБО-ХОРВАТЫ
ИТАЛЬЯНЦЫ
АЛБАНЦЫ
МОРДВА
ЧУВАШИ
РУССКІЕ
Москва
Кіевъ
Харьковъ
Варшава
Краковъ
Бухарестъ
Бѣлградъ
Софія
Константинополь
Симферополь
Одесса
ИСТРИНА Е. С. Руководство по исторіи русскаго языка. Изданіе Я. БАШМАКОВА и Кº въ Петроградѣ.
Картогр. Зав. Ѳ. С. СОКОЛОВА, Петроградъ, Канонерскій пер. 1.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
у Я. БАШМАКОВА и К°.
Петроградъ—Итальянская 31.

Книга имѣется у
Бр. БАШМАКОВЫХЪ
въ Казани и Москвѣ.